

Russian-Armenian (Slavonic) University

*Printed by the decision of the
Academic Council of RAU*

V E S T N I K

**OF RUSSIAN-ARMENIAN (SLAVONIC) UNIVERSITY
(SERIES: HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES)**

**(54)
RAU University Press
No. 3/2025**

Российско-Армянский (Славянский) университет

*Печатается по решению
Ученого Совета РАУ*

В Е С Т Н И К

**РОССИЙСКО-АРМЯНСКОГО (СЛАВЯНСКОГО)
УНИВЕРСИТЕТА**

**(СЕРИЯ: ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ)**

(54)

**Издательство РАУ
№ 3/2025**

Главный редактор: д.эконом.н., профессор **Сандоян Э.М.**

Заместитель главного редактора: д.филол.н., проф., к.ф.-м.н. **Аветисян П.С.**

Ответственные секретари: к.филол.н., доц. **Саркисян О.Л.**, к.филол.н., доц. **Авакян М.Э.**

Редакционная коллегия

Юридические науки

Т.В. Епифанова – д.э.н., к.ю.н., проф. Кафедры гражданского права Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) (Россия).

В.Л. Толстых – д.ю.н., проф. Кафедры международного права МГИМО МИД России, главный научный сотрудник Лаборатории международно-правовых исследований МГИМО (Россия).

В.М. Баранов – д.ю.н., проф., Заслуженный деятель науки Российской Федерации, помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности, Президент Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника» (Россия).

В.В. Ярков – д.ю.н., проф., заведующий Кафедрой гражданского процесса Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева.

С.С. Аветисян – д.ю.н., проф., Заслуженный юрист РА, проф. Кафедры уголовного права и уголовно-процессуального права Российско-Армянского (Славянского) университета, судья уголовной палаты Кассационного суда РА.

Политические науки

М.М. Лебедева – д.п.н., к.псих.н., проф., заведующая Кафедрой мировых политических процессов МГИМО, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный работник высшей школы (Россия).

С.М. Маркедонов – к.ист.н., доц. Кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО, ведущий научный сотрудник Центра Евро-Атлантической безопасности МГИМО, ведущий научный сотрудник Института международных исследований МГИМО, главный редактор журнала «Международная аналитика» (Россия).

И.С. Семенов – д.п.н., проф., член-корреспондент РАН, заместитель директора по научной работе ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН (Россия).

И.И. Кузнецов – д.п.н., проф., проф. Кафедры истории и теории политики МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия).

С.П. Поцелуев – д.п.н., к.филол.н., доц., проф. Кафедры теоретической и прикладной политологии Института Философии и Социально-политических наук Южного-Федерального университета (Россия).

А.П. Енгоян – д.полит.н., проф., проф. Кафедры политологии Ереванского государственного университета.

Экономические науки

А.А. Шилов – чл.-корр. РАН, д.э.н., проф., директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (Россия).

А.К. Моисеев – д.э.н., исследователь Междисциплинарного исследовательского центра кибербезопасности им. Блаватника Тель-Авивского университета.

М.А. Абрамова – д.э.н., проф., руководитель Департамента банковского дела и финансовых рынков Финансового университета при Правительстве РФ (Россия).

М.Ю. Головин – чл.-корр. РАН, д.э.н., проф., директор Института экономики РАН (Россия). **С.А. Кристиневиц** – д.э.н., доц. Кафедры экономической теории Белорусского государственного экономического университета (БГЭУ) (Белоруссия).

А.М. Суварян – д.э.н., проф., заведующий Кафедрой управления и бизнеса Российско-Армянского (Славянского) университета.

М.А. Восканян – д.э.н., доц., заведующая Кафедрой экономики и финансов Российско-Армянского (Славянского) университета.

И.Б. Петросян – к.э.н., доц., заведующая Кафедрой экономической теории и проблем экономики переходного периода Российско-Армянского (Славянского) университета.

Филологические науки

А.К. Егиазарян – д.филол.н., проф., проф. Кафедры армянского языка и литературы Российско-Армянского (Славянского) университета.

А.А. Симонян – д.филол.н., проф., заведующая Кафедрой теории языка и межкультурной коммуникации Российско-Армянского (Славянского) университета.

К.С. Акопян – к.филол.н., доц., заведующий Кафедрой русского языка и профессиональной коммуникации Российско-Армянского (Славянского) университета.

Л.С. Меликсетян – к.филол.н., проф., заведующая Кафедрой русской и мировой литературы и культуры Российско-Армянского (Славянского) университета.

С.Т. Золян – д.филол.н., проф.

Н.В. Поплавская – к.филол.н., доцент Кафедры массовых коммуникаций РУДН, заместитель декана филологического факультета по международной деятельности РУДН, руководитель образовательных программ “Multimedia journalism”, “Global and digital media” РУДН (Россия).

И.С. Леонов – д.филол.н., проф. Кафедры мировой литературы Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина (Россия).

Исторические науки

Е.Г. Маргарян – д.ист.н., проф., директор Института международных отношений и общественно-политических наук Российско-Армянского (Славянского) университета.

А.А. Мелконян – д.ист.н., проф., академик НАН РА, директор Института истории НАН РА.

Психологические науки

А.С. Берберян – д.псих.н., проф., заведующая Кафедрой психологии Российско-Армянского (Славянского) университета.

О.А. Корнилова – д.псих.н., доц., первый заместитель директора, проф. Кафедры педагогической и прикладной психологии Самарского филиала ГТАОУ ВО города Москвы «Московский городской педагогический университет» (Россия).

Философские науки

Г.Э. Галикян – к.филос.н., доц., заведующий Кафедрой философии Российско-Армянского (Славянского) университета.

С.Г. Оганесян – д.филос.н., проф., проф. Кафедры философии Российско-Армянского (Славянского) университета.

Р.З. Джиджян – д.филос.н., проф., проф. Кафедры философии и логики Армянского государственного педагогического университета им. Х. Абовяна.

Востоковедение

Е.И. Зеленев – д.и.н., проф., директор Института востоковедения и африканистики НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург (Россия).

Г.С. Асатрян – д.филол.н., проф., директор Института востоковедения Российско-Армянского (Славянского) университета.

В.А. Аракелова – к.и.н., проф. Института востоковедения Российско-Армянского (Славянского) университета.

Журнал основан в 2003 году и входит в перечень периодических изданий, зарегистрированных ВАК РА и РИНЦ

Российско-Армянский (Славянский) университет, 2025г.

Vestnik of the RAU, No. 3 (54). – Yer.: RAU Publishing House, 2025. – 256p.

Editor-in-Chief: Doctor of Economics, Professor **Sandoyan E.M.**
Deputy Chief Editor: Doctor of Philosophy, Professor, Candidate of Physical and Mathematical

Sciences **Avetisyan P.S.**

Responsible Secretaries: Candidate of Philosophy, Associate Professor **Sarkisyan O.L.**,
Candidate of Philology, Associate Professor **Avakyan M.E.**

Editorial Team

Legal Sciences

T.V. Epifanova – Doctor of Economics, Candidate of Juridical Sciences, Professor. Chair of Civil Law, Rostov State Economic University (RINH) (Russia).

V.L. Tolstyh – Doctor of Juridical Sciences, Professor. Chair of International Law, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO) Ministry of Foreign Affairs of Russia, Chief Researcher at the Laboratory of International Legal Studies, MGIMO (Russia).

V.M. Baranov – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Assistant to the Chief of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Innovative Development of Scientific Activities, President of the Nizhny Novgorod Research and Applied Center “Legal Technology” (Russia).

V.V. Yarkov – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Civil Procedure, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev (Russia).

S.S. Avetisyan – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Armenia, Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure Law at the Russian-Armenian (Slavonic) University, Judge of the Criminal Chamber of the Cassation Court of the Republic of Armenia.

Political sciences

M.M. Lebedeva – Doctor of Political Sciences, Candidate of Psychological Sciences, Professor, Head of the Department of World Political Processes at MGIMO (Moscow State Institute of International Relations), Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Education (Russia).

S.M. Markedonov – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of International Relations and Foreign Policy of Russia at MGIMO, Senior Researcher at the Center for Euro-Atlantic Security at MGIMO, Senior Researcher at the Institute of International Studies at MGIMO, Chief Editor of the journal “International Analytics” (Russia).

I.S. Semenenko – Doctor of Political Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director for Scientific Research at the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO) of the Russian Academy of Sciences (Russia).

I.I. Kuznetsov – Doctor of Political Sciences, Professor, Professor at the Department of History and Theory of Politics, Lomonosov Moscow State University (Russia).

S.P. Potseluev – Doctor of Political Sciences, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor at the Department of Theoretical and Applied Political Science, Institute of Philosophy and Social-Political Sciences, Southern Federal University (Russia).

A.P. Engoyan – Doctor of Political Sciences, Professor, Professor at the Department of Political Science, Yerevan State University.

Economic Sciences

A.A. Shirov – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences (Russia).

A.K. Moiseev – Doctor of Economics, researcher in Blavatnik Interdisciplinary Cyber Research Center (ICRC), Tel Aviv University.

M.A. Abramova – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Banking and Financial Markets at the Financial University under the Government of the Russian Federation (Russia).

M.Yu. Golovnin – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Russia).

S.A. Kristinevich – Doctor of Economics, Associate Professor, Department of Economic Theory, Belarusian State Economic University (BSEU) (Belarus).

A.M. Suvaryan – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Management and Business at the Russian-Armenian (Slavonic) University.

M.A. Voskanyan – Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Department of Economics and Finance at the Russian-Armenian (Slavonic) University.

I.B. Petrosyan – Candidate of Economics, Associate Professor, Head of the Department of Economic Theory and Issues of the Economy in the Transitional Period at the Russian-Armenian (Slavonic) University.

Philological sciences

A.K. Eghiazaryan – Doctor of Philological Sciences, Professor, Professor at the Department of Armenian Language and Literature, Russian-Armenian (Slavonic) University.

A.A. Simonyan – Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Language Theory and Intercultural Communication, Russian-Armenian (Slavonic) University.

K.S. Akopyan – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Russian Language and Professional Communication, Russian-Armenian (Slavonic) University.

L.S. Meliksetyan – Candidate of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Russian and World Literature and Culture, Russian-Armenian (Slavonic) University.

S.T. Zolyan – Doctor of Philological Sciences, Professor.

N.V. Poplavskaya – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Mass Communications, RUDN University, Deputy Dean of the Philological Faculty for International Activities at RUDN, Head of Educational Programs “Multimedia Journalism”, “Global and Digital Media” at RUDN (Russia).

I.S. Leonov – Doctor of Philological Sciences, Professor, Chair of World Literature at the State Institute of Russian Language named after A.S. Pushkin (Russia).

Historical Sciences

E.G. Margaryan – Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Institute of Humanities at the Russian-Armenian (Slavonic) University.

A.A. Melkonyan – Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the National Academy of Sciences of Armenia (NAS RA), Director of the Institute of History at NAS RA.

Psychological Sciences

A.S. Berberyan – Doctor of Psychological Sciences, Professor, Head of the Department of Psychology at the Russian-Armenian (Slavonic) University.

O.A. Kornilova – Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, First Deputy Director, Professor at the Department of Pedagogical and Applied Psychology, Samara Branch of the Moscow City Pedagogical University (Russia).

Philosophical Sciences

G.E. Galikyan – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy at the Russian-Armenian (Slavonic) University.

S.G. Oganessian – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor at the Department of Philosophy at the Russian-Armenian (Slavonic) University.

R.Z. Djidjyan – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor at the Department of Philosophy and Logic at the Armenian State Pedagogical University named after Kh. Abovyan.

Oriental Studies

E.I. Zelenov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Institute of Oriental Studies and African Studies at the National Research University Higher School of Economics (HSE), Saint Petersburg (Russia).

G.S. Asatryan – Doctor of Philological Sciences, Professor, Director of the Institute of Oriental Studies at the Russian-Armenian (Slavonic) University.

V.A. Arakelova – Candidate of Historical Sciences, Professor, Institute of Oriental Studies at the Russian-Armenian (Slavonic) University.

The journal founded in 2003 is included in the list of periodicals registered by HAC RA and RSCI

ISSN 1829-0450

Russian-Armenian (Slavonic) University, 2025

© RAU University Press, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА И МЕНЕДЖМЕНТ

Восканян М.А., Маслова С.В., Симонян Р.А., Степанян И.К., Агаджанян А.В. Предпосылки для развития проектов в рамках государственно-частного партнёрства в Армении: экономический аспект	11
Аветян А.А., Алексеева Н.С., Халиль М. Стратегическое развитие через создание новых городов: глобальные вызовы и решения XXI века	34
Галстян А.Г., Арутюнян А.М., Торосян К.К. Влияние традиционных источников энергии и возобновляемой энергии на экономику: межстрановой анализ	50
Абрамян В.Г., Арутюнян А.А. Стратегическая трансформация бизнес-моделей армяно-китайского экономического сотрудничества	82
Петросян Г.А. Влияние последних геополитических шоков на потенциальный рост экономики Армении и других стран региона	100

ПОЛИТОЛОГИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Давтян В.С. Китайский вектор формирования внешней энергетической политики России: к азиатцентричному энергетическому порядку	119
Карамян И.А. Цифровизация государственного аппарата Республики Армения: текущее состояние, вызовы и перспективы развития	137
Межлумян М.А., Хачатурян Н.Р. Армяно-чешский «кросс-культурный» феномен «Марленки»	155

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

Чплахян М.А. Гипотеза о существовании людей до Адама: анализ 30-го аята суры Аль-Бакара из Корана	167
Тигранян С.Т. Критика деятельности фатимидских халифов и отражение религиозных положений в учении Ибн Таймийи	178

ПСИХОЛОГИЯ

Берберян А.С., Казарян А.Г. Взаимосвязь эмоционального интеллекта с социально-психологической адаптацией у подростков	191
--	-----

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Гаспарян С.К., Минасян Н.С. Концепт геноцида в СМИ, освещающих проблему Нагорного Карабаха: прагма-когнитивный подход	212
Мадатян Л.Г. Когнитивный анализ британских и армянских народных сказок	233

CONTENT

ECONOMICS

Voskanyan M. , Maslova S., Simonyan R., Stepanyan I., Aghajanyan A. Prerequisites for the development of projects within the framework of public-private partnership in Armenia: economic aspect	11
Avetyan A.A., Alekseeva N.S., Khalil M. Strategic development through the creation of new cities: global challenges and solutions for the twenty-first century	34
Galstyan A., Harutyunyan A., Torosyan K. The impact of traditional and renewable energy sources on the economy: a cross-country analysis	50
Abramyan V., Arutyunyan A. Strategic transformation of business models in Armenia-China economic cooperation	82
Petrosyan G. Impact of recent geopolitical shocks on potential growth in Armenia and other countries in the region	100

POLITICAL SCIENCE AND INTERNATIONAL RELATIONS

Davtyan V. The Chinese vector in the formation of Russian foreign energy policy: towards asia-centric energy order	119
Karamyan I. The Republic of Armenia's state apparatus's digitalization: existing situation, obstacles, and future opportunities	137
Mezhlumyan M., Khachaturian N. The Armenian-Czech “cross-cultural” phenomenon of “Marlenka”	155

ORIENTAL STUDIES

Chplakhyan M. The hypothesis of human beings existence before Adam: analysis of verse 30 in the Al-Baqarah surah of the Quran	167
Tigranyan S. Critique of the Fatimid caliphs' rule and the reflection of religious doctrines in Ibn Taymiyyah's teachings	178

PSYCHOLOGICAL SCIENCE

Berberyanyan A., Kazaryan A. Interrelation between emotional intelligence and socio-psychological adaptation in adolescents	191
---	-----

LINGUISTICS AND LITERARY STUDIES

Gasparyan S., Minasyan N. The concept of Genocide as used in mass media pertaining to the Nagorno-Karabakh problem: a pragma-cognitive perspective	212
Madatyan L. A cognitive analysis of British and Armenian folktale formulas	233

ЭКОНОМИКА И МЕНЕДЖМЕНТ

DOI 10.24412/1829-0450-2025-3-11-33
УДК 33

Поступила: 24.06.2025г.
Сдана на рецензию: 27.06.2025г.
Подписана к печати: 21.07.2025г.

ПРЕДПОСЫЛКИ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ПРОЕКТОВ В РАМКАХ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В АРМЕНИИ: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ*

**М.А. Восканян¹, С.В. Маслова², Р.А. Симонян³,
И.К. Степанян⁴, А.В. Агаджанян⁵**

*Российско-Армянский (Славянский) университет^{1,3,4,5},
Санкт-Петербургский государственный университет²
mariam.voskanyan@rau.am, maslova_SV@eabr.org, ramela.simonian@rau.am,
iveta.stepanyan@rau.am, armine.aghajanyan@rau.am
ORCID¹: 0000-0002-5417-6648, ORCID²: 0000-0003-4032-8855,
ORCID³: 0009-0001-5748-7118, ORCID⁴: 0009-0006-9737-2338,
ORCID⁵: 0009-0002-1901-6929*

АННОТАЦИЯ

В условиях развития современной глобальной экономики, пер-
востепенным с точки зрения устойчивого и долгосрочного развития
становится развитие инфраструктуры в стране. Вместе с тем, как

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке ЕАБР в рамках проекта
технического содействия «Развитие институциональной среды государственно-
частного партнерства в Республике Армения: партнерство с вузами и наращивание
компетенций в сфере государственно-частного партнерства».

правило, государственные бюджеты бывают достаточно ограничены в средствах, что в свою очередь обуславливает необходимость привлечения частного капитала к реализации тех или иных инфраструктурных проектов. В мировой практике, наиболее оптимальным способом развития инфраструктуры страны на различных уровнях является внедрение и дальнейшее развитие проектов государственно-частного партнерства. **Статья посвящена** оценке потенциала экономики Армении в контексте перспектив применения механизмов государственно-частного партнерства с точки зрения развития инфраструктуры и возможных источников финансирования проектов ГЧП в долгосрочной перспективе. Отметим, что данная научная статья является частью более широкого исследования по состоянию государственного-частного партнерства в Армении, включая обзор законодательства, потенциалы для источников финансирования таких проектов, а также уже реализованные ГЧП проекты в стране. **Методологической базой исследования** послужили эмпирические подходы к применению государственно-частного партнерства в реализации инфраструктурных проектов. В работе использованы методы анализа рядов динамики, сравнительного анализа, обобщения и синтеза. **Информационную базу составили** статистические данные по экономике Армении, а также значения международных индексов и рейтингов. **Выявлено**, что Армения обладает достаточно большим потенциалом с точки зрения необходимости применения механизмов государственно-частного партнерства, а также определенным потенциалом с точки зрения привлечения финансовых средств в такого рода проекты. **Результатом** исследования стал вывод о необходимости развития государственно-частного партнерства в Армении, как наиболее возможного источника развития инфраструктуры страны в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство; инфраструктура, инвестиции, финансовая система, развивающаяся экономика, Армения.

Введение

Государственно-частное партнерство как инструмент развития экономики достаточно устоявшаяся конструкция, которая используется в практике многих стран. Начиная с 70-х годов государственно-

частное партнерство активно развивается и находит новые пути интегрирования в экономическое развитие страны [1]. Как правило, ГЧП проекты используются для привлечения финансирования в сектора общественного назначения и имеющих стратегическое значение с точки зрения развития экономики. Привлечение частных инвестиций в такие проекты, как правило, обусловлено бюджетными ограничениями, которые присущи как развитым, так и развивающимся странам [2].

Цель исследования – рассмотреть экономический потенциал развития государственно-частного проекта с точки зрения развития инфраструктуры Армении и источников финансирования ГЧП проектов.

Для достижения цели необходимо решить следующие задачи:

- провести обзор теоретических подходов к роли проектов государственно-частного партнерства в развитии инфраструктуры;
- выявить потенциал развития ГЧП проектов в Армении с точки зрения развития инфраструктуры;
- оценить источники финансирования ГЧП проектов в Республике Армения.

Теоретический обзор

В литературе можно встретить достаточно обширный пласт исследований, посвященных государственно-частному партнерству и его пользе с точки зрения развития экономики.

Итак, государственно-частное партнерство в современном понимании, по своей сути, представляет собой подход к государственным закупкам, в рамках которого правительство устанавливает требования проекта и его продолжительность. Для реализации проекта заключается договор с частным сектором, который выступает в качестве концессионера и может заключать контракты с другими участниками – такими, как государственный клиент, подрядчики, инвесторы и кредиторы, страховщики, поставщики, обслуживающий персонал и пр. [3].

Другой определение дает Хаким: государственно-частное партнерство – это долгосрочное сотрудничество между частной стороной

и государственным сектором для предоставления актива или государственной услуги, в котором частная сторона принимает на себя значительный риск и управленческие задачи, а вознаграждение зависит от результатов. Вместе с тем, ГЧП определяется как любая форма инвестиций, основанная на контракте между регулирующим органом и инвестором, специализированной организацией для строительства, внедрения инноваций, эксплуатации и управления инфраструктурой и проектом государственной услуги [4].

В каком-то смысле государственно-частное партнерство (ГЧП) можно считать определенной новацией в области государственной политики. Так, согласно Чену [5], такой вид финансирования инфраструктурных проектов изначально развивался в англосаксонских странах, после чего получил распространение в других странах Европы, Азии, Африки и тд. Согласно Дечев [6], в XIXв. идея ГЧП была сформирована А. Эйфелем, который спроектировал и построил Эйфелеву башню на свои средства взамен на право выпускать билеты для посетителей на 20 лет вперед.

Исследования Мэну [7] указывают на то, что британское правительство впервые ввело ГЧП проекты в 1952г. Такие проекты создавались для наилучшего использования средств государства и частного сектора для расширения активов и услуг общественной инфраструктуры. Таким образом, в конце XX-го и начале XXIв. механизмы ГЧП получили распространение в различных государствах по всему миру [8], [9].

Изначально ГЧП проекты применялись для создания горизонтальной инфраструктуры (мосты, дороги), однако позже такой механизм финансирования стал использоваться также и для финансирования вертикальной инфраструктуры (школы, больницы, тюрьмы и пр.). (ПРООН, 2022).

В современных условиях ГЧП стало важным инструментом в формировании современной инфраструктуры, стимулировании экономического роста, развитии инновационных процессов и укреплении систем социального обеспечения. Именно этим обусловлен рост интереса исследователей к проектам ГЧП, что, в свою очередь, отражается в большом объеме научной литературы по этой тематике.

Согласно Ханом [10], государственно-частное партнерство из года в год становится более популярным в управлении государственным сектором. Это особо наблюдается в области строительства в связи с тем, что имеется много преимуществ применения ГЧП в данной сфере [11]. Согласно Ли [12], к числу преимуществ государственно-частного партнерства можно отнести то, что оно способствует распространению новых технологий среди местных организаций. Помимо этого, ГЧП способствует экономическому развитию за счет сокращения расходов на администрирование госсектора, а также способствует использованию креативных и инновационных подходов в ходе реализации проектов [13]; [14]; [15].

Ли [16] в качестве преимуществ проектов ГЧП подчеркивает улучшение управления и обслуживания общественной инфраструктуры [17], а Аскар [18] предусматривает возможность разделения риска с частным сектором. Исмаил [19] подчеркнул возможность текущей экономии средств государственного бюджета на растущий спрос на коммунальные и общественные услуги.

Среди российских авторов следует отметить работы О.И. Иванова, посвященные вопросам развития инфраструктуры в России посредством применения механизмов ГЧП [20], [21]. Многие авторы обращают особое внимание вопросам регионального развития в России посредством ГЧП-проектов [22]; [23]; [24], [25]. Другие авторы на основе зарубежного опыта отмечают преимущества механизмов государственно-частного партнерства в решении проблем развития инфраструктуры [26]; [27]; [28]; [29].

Значительная часть трудов посвящена анализу эффективности ГЧП-проектов. Традиционные методы анализа эффективности проектов в случае проектов ГЧП недостаточны для многостороннего анализа, и таким образом возникает необходимость перехода к оценке на основании анализа процедурной динамики [30].

Ма и его соавторы [31] осуществили в сфере ГЧП комплексный анализ новейших исследований, комбинируя систематический обзор с наукометрическим подходом. Авторы подчеркивают недостаток структурированных методологических подходов, дающих возможность

эффективно классифицировать исследовательские темы и устанавливать новые направления анализа ГЧП-проектов. Авторы предлагают расширить исследования в сфере инноваций, устойчивого развития и вызовов, возникающих в ходе реализации проектов ГЧП.

В научной литературе относительно эффективности проектов ГЧП можно выделить две основные точки зрения. Первой точкой является договорная, в рамках которой партнерство рассматривается в качестве взаимоотношения государственного партнера и частного сектора [32].

В данном случае оба участника обладают рациональностью и стремятся реализовать собственные интересы. Государство информацию о деятельности частного сектора получает непосредственно от него, а частный сектор может искажать предоставляемую информацию, что может повлечь за собой асимметрию информации и оппортунистическое поведение. Во избежание подобных проблем и множества рисков, которые могут возникнуть в проектах ГЧП, заключается контракт, полноту которого обеспечить сложно в результате высоких транзакционных издержек. Для этого привлекаются дополнительные механизмы управления – мониторинг и санкции.

В отличие от экономического институционализма, рассматривающего санкции и мониторинг в качестве основных инструментов борьбы с неполнотой контрактов, идея реляционного контрактирования подразумевает необходимость управления взаимоотношениями на протяжении всего срока действия договора, а также развития доверия и приверженности с целью создания высококачественных отношений и распределения ответственности и рисков [33]. Таким образом для реализации преимуществ проектов ГЧП необходимо использовать сочетание договорных и реляционных механизмов управления.

Для развития ГЧП имеются также некоторые факторные ограничения: бюрократический менталитет государственных служащих противоречит менталитету работников частного сектора. Государственно-частное партнерство представляет собой огромный потенциал для инфраструктуры, однако имеются существенные различия в образе

мышления работников государственного и частного секторов. Основная литература по изучаемой теме акцентирует внимание на случаях «значительного расхождения» во мнениях между государственным и частным секторами, что приводит к тупику или краху механизма ГЧП в развивающихся экономиках мира. Исследование Всемирного банка показало, что 90% неудач проектов были вызваны отсутствием координации между государственными и частными партнерами по инфраструктурным проектам. Потенциальная угроза была определена как рост затрат и неспособность обеспечить ценность на фоне нехватки денег налогоплательщиков. Государственно-частное партнерство во многом обязано взаимному разделению рисков, а также требует прогрессивного мышления для успешной реализации модели ГЧП [34].

Материалы и методы

Основная проблема исследования заключалась в выявлении ключевых сегментов инфраструктуры Армении с точки зрения возможности применения проектов государственно-частного партнерства, а также определении источников финансирования со стороны частного партнера.

В качестве индикаторов, характеризующих потенциал применения проектов государственно-частного партнерства в Армении, были взяты индикаторы, демонстрирующие степень развития инфраструктурных объектов, а также потенциальные источники финансирования со стороны частного партнера. Основные индикаторы исследования представлены в Табл. 1.

Таблица 1.

Ключевые экономические предпосылки развития ГЧП проектов в Армении

	Индикатор
Транспорт и логистика	Индексу эффективности логистики
	Объем грузоперевозок по видам транспорта

Энергетика	Энергопотребление
Социальная инфраструктура	Количество школ в регионах
	Количество вузов в регионах
	Количество больничных учреждений
	Количество музеев Армении
Водоснабжение	Использование и потери воды в процентном соотношении
Источники финансирования от частного партнера	Показатели развития финансового сектора Армении
	Структура сделок на Армянской фондовой бирже

Источник: составлено авторами.

В большинстве случаев за основу анализа были взяты качественные или количественные индикаторы, характеризующие те или иные аспекты возможности и потенциала применения ГЧП-проектов в Армении – как с точки зрения сфер экономики, так и источников финансирования со стороны частного сектора.

Результаты исследования

Потенциал развития ГЧП проектов в инфраструктуре

Инфраструктура в современной экономике имеет наиболее важное значение, прежде всего, с точки зрения экономического развития и роста. Армения, как страна с ограниченными природными ресурсами и отсутствием выхода к морю, в наибольшей степени нуждается в эффективной и разносторонней инфраструктуре, которая позволила бы развивать экспортный потенциал страны, использовать транзитные преимущества географического положения Армении, а также усилить позиции в области туризма, промышленности, сельского хозяйства и, в целом, регионального развития страны. В этом смысле, развитие

ГЧП-проектов может позволить решить множество проблем развития инфраструктуры Армении.

Транспортная инфраструктура Армении включает автомобильный транспорт, железнодорожный транспорт, воздушный транспорт, трубопроводный транспорт. Но Армения является страной, не имеющей выхода к морю. По Индексу эффективности логистики, практически по всем индикаторам, характеризующим развитие транспортных и логистических возможностей страны, Армения занимает одно из последних мест как в рейтинге, так и среди стран ЕАЭС (График 1). В первую очередь, мы связываем это с закрытием двух границ. Так, например, в рейтинге по Международным перевозкам, Армения занимает 128 место в мире.

График 1. Индекс эффективности логистики
(Logistics Performance Index (LPI)) в Армении, 2023г.

Источник: База данных Всемирного банка: <https://lpi.worldbank.org/index.php/international/scorecard/radar/C/ARM/2023/C%20FIN%202023>

С точки зрения плотности транспортных путей Армения среди стран ЕАЭС занимает второе место, что в целом представляет собой хороший потенциал. По объемам грузоперевозок, в Армении наиболее распространенным способом использования транспорта считается автомобильный (График 2). При этом, общепринято считать, наиболее

эффективным и дешевым способом перековок является железнодорожное сообщение. Этот сегмент, прежде всего, нуждается в финансировании в рамках ГЧП-проектов.

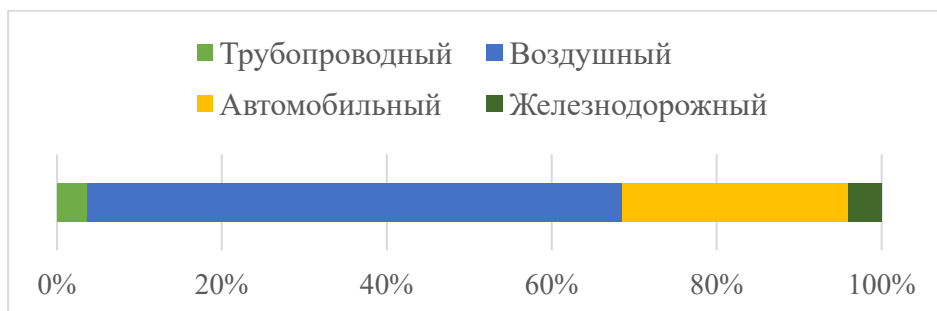

График 2. Объем грузоперевозок по видам транспорта, 2024г.

Источник: составлено автором на основании данных
Национальной статистической службы РА www.armstat.am

Таким образом, транспортная инфраструктура РА нуждается в усовершенствовании, однако при этом имеется потенциал для роста и улучшения, как по части развития автомобильного и железнодорожного сообщения с другими странами, так и в области внутренних транспортных сетей, что в свою очередь также позволит усилить региональное развитие страны.

Армения не обладает запасами сырой нефти и природного газа, что вынуждает импортировать ископаемое топливо, при этом природный газ составляет наибольшую долю импорта энергоносителей, второе место занимают нефтепродукты. Согласно обзору Международного энергетического агентства, в энергетическом балансе Армении преобладает природный газ (59,6% от общего объема поставок энергии в 2020г.), а внутреннее производство энергии в Армении происходит в основном за счет ядерных и гидроресурсов.

С другой стороны, страна обладает значительным потенциалом для реализации проектов ГЧП в сфере энергетики. Это обусловлено как ее природными ресурсами, так и стремлением к модернизации

энергетической инфраструктуры. В валовом производстве электроэнергии преобладает ископаемое топливо (43,4%), за ним следуют гидроэлектроэнергия (22,8%), атомная энергия (30,0%) и другие возобновляемые источники (3,8%).

Несмотря на то, что в Армении наличествуют запасы угля в размере 163 млн коротких тонн¹, что составляет 0,15% мировых запасов, а также месторождения сланца, экономическая целесообразность их добычи достаточно спорна. Среди планов Правительства по развитию энергетического сектора Армении можно отметить стремление сократить зависимость страны от импортируемой энергии и развить добычу различных видов возобновляемой энергии.

Для Армении свойственно разнообразие источников энергии, в том числе наличие рек и водоемов, что позволяет развивать систему гидроэлектростанций. Инвестиции в ГЧП могут помочь в строительстве новых гидроэлектростанций и модернизации существующих. Страна имеет высокий потенциал для использования солнечной энергии благодаря благоприятным климатическим условиям. Проекты по установке солнечных панелей и ветровых турбин могут быть привлекательными для частных инвесторов.

На сегодняшний день, ветроэнергетика и солнечная энергетика, несмотря на большой потенциал, находятся в самом начале своего внедрения в энергосистему Армении. В западной части страны интенсивность ГХИ достигает 4,4–4,6 кВтч/м² в сутки. Географическое положение Армении, характеризующееся высокими горами и плато, создает благоприятные условия для использования энергии ветра. Скорость ветра в зонах высокой активности составляет более 7,0 м/с на высоте 50 м и распространена по всей территории страны, особенно в районах Арагацотна, Гегаркуника и Сюника.

Что касается потенциала развития биоэнергетики, то он находится в основном в сельскохозяйственной биомассе. Благодаря большому количеству рек, потенциал малой гидроэнергетики в Армении весьма

---

¹ International Energy Statistic / Geography / U.S. Energy Information Administration
URL: www.eia.gov/beta/international/

значителен. Гидроэнергетика страны на данный момент составляет около 30% общей энергосистемы страны.

Согласно данным Международной энергетической статистики, в 2022г. в Армении общий объем производства первичной энергии составил 0,039 квадриллиона БТЕ, тогда как потребление находилось на уровне 0,169 квадриллиона БТЕ. Таким образом, доля отечественного производства в потреблении первичной энергии составила около 23%. При этом, последние несколько лет, уровень производства электроэнергии в стране остается на одном и том же уровне, тогда как, потребление демонстрирует заметный рост. Таким образом, с учетом достаточно высокого показателя ВВП на единицу энергопотребления (0,55) Армения обладает достаточно высоким потенциалом по линии потребления энергии, что, в свою очередь, обуславливает возможность развития сферы энергетики, в частности, посредством ГЧП проектов.

Армения активно работает над интеграцией в региональные энергетические рынки, что создает возможности для современных ГЧП-проектов с соседними странами. Многие международные организации и доноры заинтересованы в поддержке устойчивого развития энергетического сектора Армении, что открывает дополнительные возможности для финансирования ГЧП-проектов.

Еще одним важным сектором, с точки зрения обеспечения высокого уровня благосостояния, можно считать социальную инфраструктуру. Вместе с тем, как правило, именно эти сектора развиваются благодаря реализации ГЧП-проектов. В этой связи, проекты ГЧП, связанные с социальной инфраструктурой, могут стать хорошим толчком для экономического развития Армении.

Среди наиболее значимых с точки зрения качества жизни можно обозначить образовательную систему и ее равномерное развитие в регионах страны. В Армении в этом смысле остро стоит проблема концентрации учебных заведений, особенно вузов, в столице страны, что, безусловно, негативно сказывается на региональном развитии в целом (График 3). В этой связи привлечение частных инвестиций посредством ГЧП-проектов в процесс модернизации и обновления инфра-

структуры образовательной системы может быть одним из потенциальных секторов, где может развиваться государственно-частное партнерство.

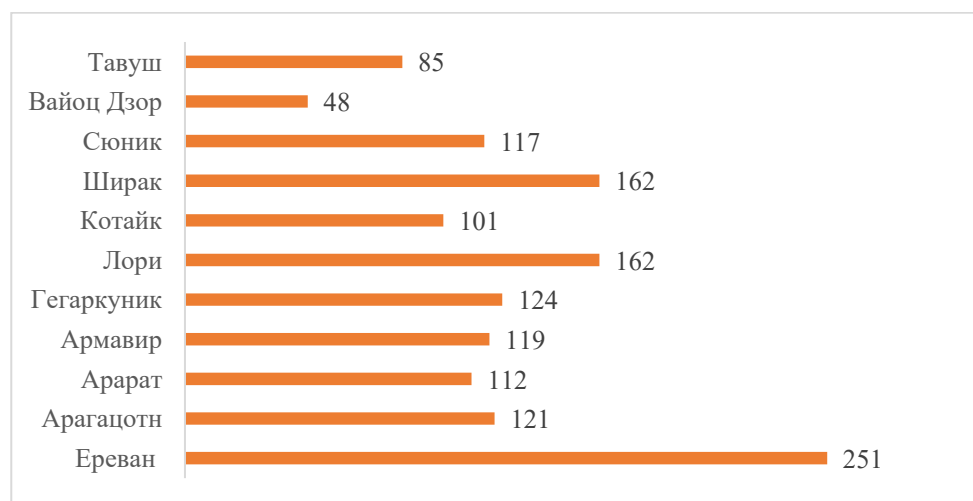

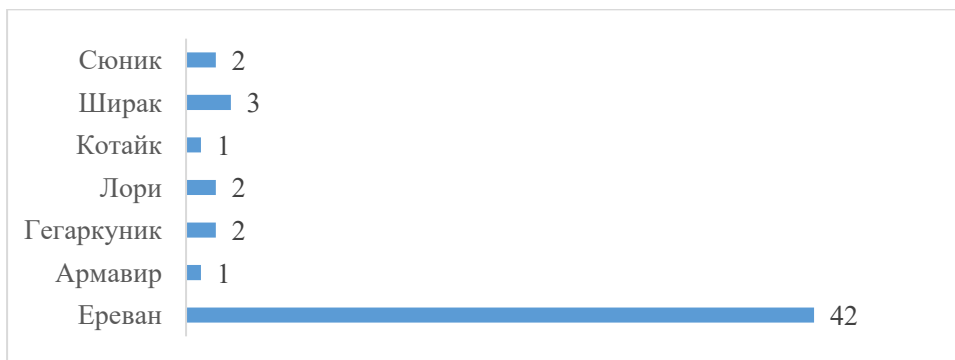
График 3. Количество школ в регионах Армении.

Источник: Национальная статистическая служба Армении:

https://armstat.am/file/article/sv_03_24r_5170.pdf

Большое количество школ требует ремонта. Недавно принятая программа развития правительства предполагает модернизацию (включая качественный аудиторный фонд по естественным наукам) или построение новых школ в регионах, что в целом должно положительно отразиться на уровне школьного образования в регионах. С другой стороны, такая политика требует существенных вложений, и привлечение частного инвестора может значительно ускорить процесс.

Как было сказано выше, большая часть вузов сосредоточены в Ереване, тогда как вузы в регионах страны нуждаются в значительной и полноценной модернизации (График 4). ГЧП проекты могли бы стать хорошим источником инвестирования в систему высшего образования в регионах, неся в себе серьезную социально-экономическую подоплеку.

График 4. Количество ВУЗов в регионах Армении.

*Источник: Национальная статистическая служба Армении:
https://armstat.am/file/article/sv_03_24r_5170.pdf*

Еще одним важным сегментом социальной инфраструктуры можно считать систему здравоохранения. С учетом высоких темпов роста технологий в этой области, обеспечение надлежащего уровня системы здравоохранения требует значительных вложений, которые не могут быть доступны в рамках бюджета развивающейся страны. Привлечение ГЧП проектов в эту сферу позволило бы как повысить уровень и качество услуг здравоохранения, так и в долгосрочной перспективе положительно отразиться на уровне развития человеческого капитала Армении. На Графике 5 можно увидеть некоторое сокращение количества больниц по стране, что в большей части связано с сокращением финансирования в этой сфере и необходимостью оптимизации расходов бюджета.

Вместе с тем, существует очевидная необходимость развивать региональную систему здравоохранения. Государственно-частное партнерство может сыграть важную роль в решении проблем доступности учреждений здравоохранения в марзах Армении. В частности, частные компании могут вкладывать средства в строительство и модернизацию медицинских учреждений, включая больницы, поликлиники, амбулатории. Это позволит улучшить физическую доступность медицинских услуг.

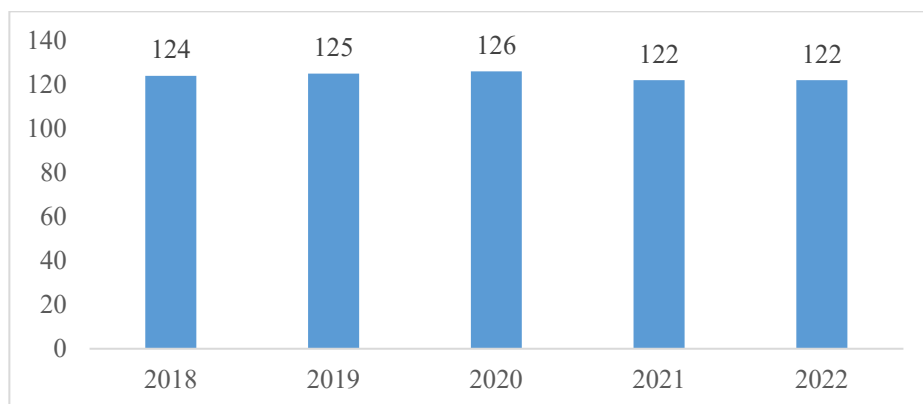

График 5. Количество больничных учреждений.

Источник: Национальная статистическая служба Армении:

https://armstat.am/file/article/sv_03_24r_5170.pdf

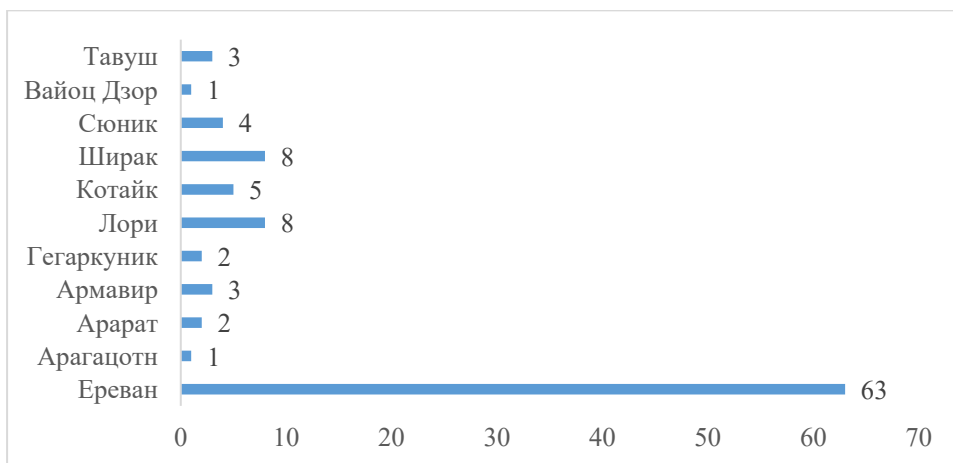
Частный сектор может развивать программы мобильной медицины, предоставляя выездные бригады врачей, которые будут обслуживать отдаленные районы. Это особенно важно для регионов с низкой плотностью населения. ГЧП может включать программы подготовки медицинских работников, которые будут работать в марзах. Частные организации могут предлагать обучение и профессиональную переподготовку, что может привлечь квалифицированных специалистов.

Вместе с тем, частные компании могут внедрять современные технологии и методы управления, что повысит уровень предоставляемых медицинских услуг и улучшит их качество. ГЧП поможет способствовать внедрению телемедицинских технологий, позволяющих пациентам получать консультации и лечение дистанционно, что особенно актуально для удаленных районов. Партнерство с частным сектором может обеспечить дополнительные финансовые ресурсы, необходимые для улучшения медицинской инфраструктуры и закупки оборудования, что может быть сложно сделать исключительно за счет государственного бюджета.

Частный сектор может участвовать в реализации программ по профилактике заболеваний и повышению осведомленности населения

о здоровье, что также способствует улучшению здоровья и доступности медицинских услуг.

ГЧП в сфере культуры Армении может стать эффективным инструментом для сохранения и развития культурного наследия, улучшения инфраструктуры и создания новых возможностей.

График 6. Количество музеев Армении.

*Источник: База данных Национальной статистической службы РА:
www.armstat.am*

Например, ГЧП может быть использовано для восстановления и модернизации исторических зданий, музеев и театров, которых в Армении достаточно большое количество (График 6). Частные инвестиции могут сохранить культурное наследие и сделать его более доступным для широкой аудитории. Частные компании могут взять на себя управление музеями, театрами и культурными центрами, что может привести к более эффективному использованию ресурсов и повышению качества услуг. Современные инициативы могут способствовать разработке новых образовательных и культурных программ, направленных на развитие молодежи и вовлечение местных сообществ. ГЧП может помочь в создании платформ для поддержки местных талантов, таких как арт-резиденции или выставочные проекты, что позволит

продвигать армянскую культуру на международной арене. Частный сектор может внести значительный вклад в организацию фестивалей, выставок и концертов, что поможет привлечь туристов и повысить интерес к культуре Армении.

В целом, система водоснабжения в Армении нуждается в комплексном подходе к решению существующих проблем, включая инвестиции в инфраструктуру, улучшение управления ресурсами и повышение общественного сознания о важности водных ресурсов. Среди важных проблем Армении стоит отметить высокий уровень потерь при обеспечении водоснабжения как в Ереване, так и в регионах страны (График 7). В этой связи, развитие механизмов государственно-частного партнерства в сфере водоснабжения в Армении имеет несколько перспективных направлений.

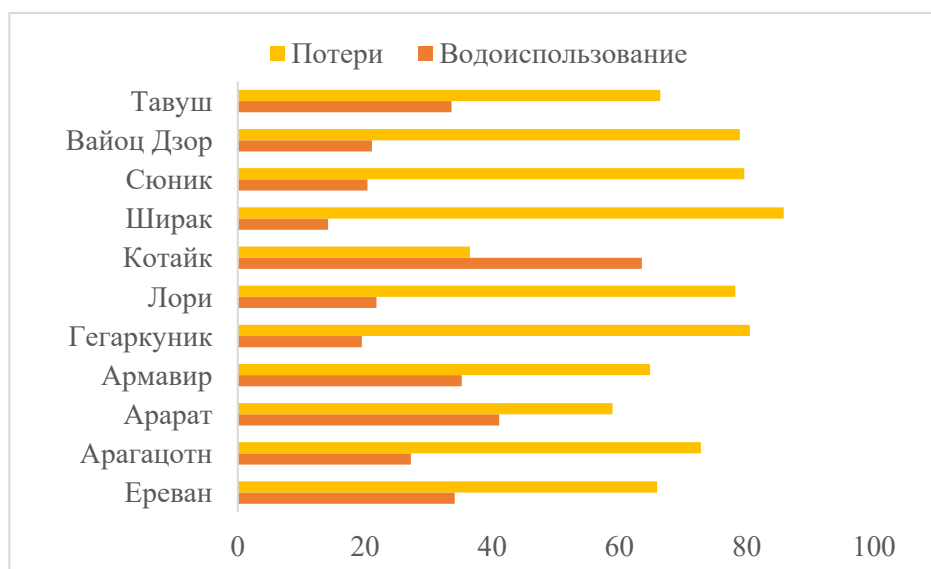

График 7. Использование и потери воды в процентном соотношении, %

Источник: База данных Национальной статистической службы РА:
www.armstat.am

Частные инвестиции могут способствовать обновлению устаревшей инфраструктуры водоснабжения. Это включает в себя улучшение

сетей, модернизацию насосных станций и очистных сооружений. Частные компании, обладающие современными технологиями и опытом, могут улучшить качество предоставляемых услуг, что положительно скажется на доступности и надежности водоснабжения. ГЧП может привести к более эффективному управлению водными ресурсами за счет внедрения новых методов и технологий, а также улучшения процессов мониторинга и контроля. Сотрудничество с частным сектором может помочь привлечь дополнительные средства для проектов, которые правительство не может профинансировать в полной мере.

Частные компании могут предложить инновационные решения для очистки и распределения воды, включая использование возобновляемых источников энергии и систему умного водоснабжения. ГЧП может поддерживать устойчивые практики управления водными ресурсами, способствуя охране экологии и рациональному использованию водных ресурсов. Партнерство с частным партнером может включать программы обучения и повышения квалификации для работников государственных водоснабжающих компаний.

Необходимы также механизмы контроля и оценки результатов, чтобы гарантировать, что проекты будут соответствовать общественным интересам.

Выводы

Резюмируя все вышеизложенное, можно отметить, что на современном этапе развития Армении нуждается в существенных вложениях в инфраструктурные объекты, как с точки зрения обеспечения долгосрочного устойчивого экономического роста, так и с точки зрения регионального развития. Очевидным представляется, что в условиях новой геополитической реальности, транспортные, энергетические и другие коммуникации Армении могут совершить существенный рывок для экономического развития страны, с учетом возможностей развития проектов Север-Юг, «Армянский перекресток» и других проектов, связанных с коммуникациями в той или иной сфере. В этой связи развитие инфраструктуры как никогда актуально.

С другой стороны, в условиях существенных военных угроз последних лет региональное развитие выходит на другой уровень приоритетности, поскольку является в некотором смысле гарантом экономической и национальной безопасности страны.

В этом смысле, очевидным представляется необходимость инфраструктурного развития страны, как по линии социальной инфраструктуры, так и по части развития энергетики или транспортных путей. Следует также отметить, что больше всего на данном этапе проектов ГЧП в Армении реализовано именно в энергетическом секторе, а если быть точным, то в части возобновляемой энергетики. Развитие возобновляемой энергетики позволило бы повысить энергетическую безопасность страны, а также положительно отразилось бы на экологии и окружающей среде в столице и регионах.

Добавим также, что данная статья была сделана в рамках большого станового обзора по государственно-частному партнерству. В следующих публикациях будет освещен вопрос институциональной готовности Армении к реализации ГЧП-проектов, а также обзор финансовой системы страны с точки зрения возможных источников финансирования со стороны частных партнеров проектов на основе государственно-частного партнерства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Kulkarni N.* A Survey of Payment Mechanisms for Public-Private Partnership Transportation Projects: Comparisons of the US, India, and Mexico / “The Leonard N. Stern School of Business”, NY, 2009.
2. *Lewis M.* Risk Management in Public-Private Partnerships // “School of International Business, University of South Australia”. Adelaide, 2001.
3. *Zhang S., Chan A. P., Feng Y., Duan H., & Ke Y.* Critical review on PPP Research – A search from the Chinese and International Journals // “International journal of project management”, № 34 (4), 2016. PP. 597–612.
4. *Dappe M., Melecky M., & Turkgulu B.* Fiscal Risks from Early Termination of Public-Private Partnerships in Infrastructure. World Bank, 2022.
5. *Zhang S., Chan A., Feng Y., Duan H. & Ke Y.* Critical review on PPP Research– A search from the Chinese and International Journals // “International journal of project management”, № 34 (4), 2016. PP. 597–612.

6. *Dechev D.* Public-private partnership-a new perspective for the transition countries // “Trakia Journal of Sciences”, № 13 (3), 2015.
7. *Meng, F., Tang, J., Zhang, S. & Xu, Y.* Public-private partnership decision making based on correlation coefficients of single-valued neutrosophic hesitant fuzzy sets. *Informatica*, № 31(2), 2020. PP. 359–397. DOI: <https://doi.org/10.15388/20-INFOR401>
8. *Uddin M., & Akter H.* Macroeconomic rates of return of investment in public-private partnerships: Evidence from South Asian region // “The Journal of Developing Areas”, № 55 (1), 2021.
9. *Revson O., Mihalcea A.* Public-private partnership – a new mechanism for financing infrastructure projects // “Bulletin of the Moscow Finance and law University”, № 4, 2016. PP. 5–65.
10. *Khanom N.* Conceptual issues in defining public private partnerships (PPPs) // “International Review of Business Research Papers”, № 6 (2), 2010. PP. 150–163.
11. *Tang L., Shen Q. & Cheng E.* A review of studies on public – private partnership projects in the construction industry // “International journal of project management”, № 28 (7), 2010. PP. 683–694.
12. *Li X., Huang J., Li X., Shen Z., Han J., Li, L., & Wang B.* Review of PPP–RTK: Achievements, challenges, and opportunities // “Satellite Navigation”, № 3 (1), 28, 2022.
13. *Almeile A., Chipulu M., Ojiako U., Marshall A.* The Impact of economic and political imperatives on the successful use of public-private partnership (PPP) in projects, August 2022 // “Production Planning & Control”, № 35 (2): 1–21, DOI: 10.1080/09537287.2022.2110171
14. *Savrukov A.* Assessment of the status and level of development of public-private partnership in the regions of the Russian Federation // “The Issues of the economy”, № 7, 2018. PP. 131–141.
15. *Cheremisinova D., Tarasenko S., Pavtse A.* Foreign experience of financing infrastructure projects based on publicprivate partnership (PPP) and the possibility of its implementation // FSAOU VO “Sevastopol State University”, 2017.
16. *Li X., Huang J., Li X., Shen, Z., Han J., Li L. & Wang B.* Review of PPP–RTK: Achievements, challenges, and opportunities // “Satellite Navigation”, № 3 (1), 28, 2022.
17. *Kelbach S.* The role of infrastructure in the process of spatial integration of the regional economy // “Bulletin of Saint-Petersburg state University of Economics”, № 5 (73), 2017. PP. 45–57.

18. *Askar A.* Public-private partnerships in large-scale mineral extraction and water resource management projects // «Universum: экономика и юриспруденция», № 3 (125), 2025. PP. 16–20.
19. *Ismail S., Mohamad R. & Mohd S.* Performance indicators for lifecycle process of public private partnership (PPP) projects in Malaysia // “Built Environment Project and Asset Management”, № 12 (5), 2022. PP. 704–718.
20. *Ivanov O.* Gosudarstvenno-chastnoye partnerstvo kak instrument razvitiya infrastruktury i modernizatsii ekonomiki (opyt stran Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona) [Public-Private Partnership as a Tool for Developing Infrastructure and Modernizing the Economy (the Experience of the Countries of the Asia-Pacific Region)]. M.: “MGIMO-Universitet”, 2019, 300p (in Russian).
21. *Ivanov O., Inshakova A.* Public-Private Partnerships in Russia. Institutional Frameworks and Best Practices. “Springer”, 2020, 312p.
22. *Korolev V., Vorotnikov A.* O razvitii gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v rossiyskikh regionakh [On the development of public-private partnership in Russian regions] // “Real estate and investment. Legal regulation”, № 2, 2010 (in Russian).
23. *Kovalenko E., Kochetkova S.* Ispolzovanie mekhanizma GChP v upravlenii gosudapstvennoy sobstvennostyu subekta Rossiyskoy Federatsii // [The use of the PPP mechanism in the management of state property of the Russian Federation] “Fundamental research”, № 8, 2015. PP. 562–566 (in Russian).
24. *Kochetkova S.* Razvitie gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v regione: organizatsionno-pravovoy mekhanizm [The development of public-private partnership in regions: organizational and legal mechanism] // “Scientific journal of NIITMO. Series: Economics and Environmental Management”, № 1, 2015 (in Russian); *Kochetkova S.* Vzaimodeystvie subektov GChP na urovne regiona [The interaction of actors in PPP in the region]. “Fundamental research”, № 8, 2015 (in Russian); *Kochetkova S.* Primenenie mekhanizma gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v upravlenii strategicheskim razvitiem regiona [The use of the mechanism of state-private partnership in the management of the strategic development of the region] All-Russian scientific-practical conference with international participation “Quality management and sustainable development in a changing world”, 2016. (in Russian); *Kochetkova S.* Normativno-pravovye aspekty razvitiya gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v subektakh RF: problemy i ikh resheniya [Legal aspects of public-private partnerships in constituent entities of the Russian Federation: problems and solutions] // “Economy and society” (Ekonomika i socium). № 3, 2014 (in Russian).
25. *Belokrylova O.* Vzaimodeystvie biznesa i vlasti v protsesse formirovaniya strategii ekonomicheskogo razvitiya regionov [The interaction of business and

- government in the process of formation of strategy of economic development of regions] М.: "Nauchnyy ekspert", 2011 (in Russian).
26. *Varnavskiy V.* Upravlenie gosudarstvenno-chastnymi partnerstvami za rubezhom [Management of public-private partnerships abroad] // "Public administration issues", № 2, 2012 (in Russian).
  27. *Antonova K.* Teoreticheskie osnovy gosudarstvenno-chastnogo partnerstva [The theoretical basis of public-private partnerships] // "Vestnik Universiteta", № 22, 2011 (in Russian).
  28. *Kabashkin V.* Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo: mezhdunarodnyy opyt i rossiyskie perspektivy [Public-private partnership: international experience and Russian prospects], 2010 (in Russian).
  29. *Perevalov S.* Public-private partnerships as the most effective form of implementation of major infrastructure projects // URFU, 2017.
  30. *Rejeb A., Rejeb K., Appolloni A., Zailani S., & Iranmanesh M.* Navigating the landscape of public-private partnership research: a novel review using latent Dirichlet allocation // "International Journal of Public Sector Management", № 38 (2), 2025. PP. 213–237.
  31. *Ma L., Li J., Jin R. and Ke Y.* A holistic review of public-private partnership literature published between 2008 and 2018 // "Advances in Civil Engineering", Vol. 2019, e7094653, DOI: 10.1155/2019/7094653.
  32. *Verweij S. & van Meerkerk I.* Do public-private partnerships achieve better time and cost performance than regular contracts? // "Public Money & Management", № 41 (4), 2021. PP. 286–295.
  33. *Lowndes V. & Roberts M.* Three Phases of Institutionalism. Why institutions matter: the new institutionalism in political science. 2013. PP. 18–42.
  34. *Filatova I., Nikolaichuk L., Zakaev D. & Ili I.* Public-private partnership as a tool of sustainable development in the oil-refining sector: Russian case // "Sustainability", № 13 (9), 2021. PP. 51–53.

PREREQUISITES FOR THE DEVELOPMENT OF PROJECTS WITHIN THE FRAMEWORK OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP IN ARMENIA: ECONOMIC ASPECT

M. Voskanyan¹, S. Maslova², R. Simonyan³, I. Stepanyan⁴, A. Aghajanyan⁵

*Russian-Armenian (Slavonic) University^{1,3,4,5},
St. Petersburg State University²*

ABSTRACT

In the context of the development of the modern global economy, the development of infrastructure of the country becomes a priority from the point of view of sustainable and long-term development. However, as a rule, state budgets are quite limited in funds, which in turn determines the need to attract private capital in the implementation of certain infrastructure projects. In world practice, the most optimal way of developing the country's infrastructure at various levels is the implementation and further development of state-private partnership projects. The article is devoted to assessing the potential of Armenia's economy in the context of the perspective of the application of state-private partnership mechanisms from the point of view of infrastructure development and possible sources of financing of PPP projects in the long term. The article is the part of a broader study on the state of public-private partnership in Armenia, including an overview of the legislation, potential sources of funding for such projects, as well as already implemented PPP projects in the country. Empirical approaches to the application of public-private partnership in the implementation of infrastructure projects served as the methodological basis of the study. **The methods** of dynamic series analysis, comparative analysis, generalization and synthesis are used in the work. **The information base** was made up of statistical data on the economy of Armenia, as well as the values of international indexes and ratings. It was revealed that Armenia has a sufficiently large potential from the point of view of the need to apply mechanisms of public-private partnership, as well as a certain potential from the point of view of attracting financial resources to such projects. **The result** of the study is the conclusion about the need for the development of public-private partnership in Armenia as the most possible source of development of the country's infrastructure in the long term.

Keywords: state-private partnership, infrastructure, investment, financial system, developing economy, Armenia.

DOI 10.24412/1829-0450-2025-3-34-49
УДК 358.2

Поступила: 28.03.2025г.
Сдана на рецензию: 07.04.2025г.
Подписана к печати: 08.05.2025г.

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЧЕРЕЗ СОЗДАНИЕ НОВЫХ ГОРОДОВ: ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И РЕШЕНИЯ XXI ВЕКА

А.А. Аветян¹, Н.С. Алексеева², М. Халиль³

*Российско-Армянский (Славянский) университет¹
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого^{2,3}
arman.avetyan@rau.am, alekseeva_ns@spbstu.ru, mheyarkhalil@hotmail.com
ORCID¹: 0009-0009-3004-0015, ORCID²: 0000-0002-7355-3277,
ORCID³: 0009-0001-4171-3950*

АННОТАЦИЯ

В данной статье речь идет о том, что XXIV. создание новых городов приобретает особую актуальность, обусловленную демографическими, экологическими и экономическими вызовами. Быстрая урбанизация и рост населения перегружают инфраструктуру существующих мегаполисов, что делает необходимым создание современных городов, спроектированных с учетом энергоэффективности и устойчивого развития. Новые урбанистические центры демонстрируют возможности стратегического подхода к городскому планированию, способствуя экономическому росту и привлечению инвестиций. Однако реализация таких проектов сопряжена с рядом проблем. Исследование показывает, что большинство проектов строительства новых городов сталкиваются с задержками ввода в эксплуатацию, что снижает доверие потенциальных жителей и бизнеса. Проблемы финансирования, низкие темпы привлечения населения и предпринимателей усугубляют ситуацию, препятствуя созданию эффективных экономических зон. Данное исследование направлено на анализ опыта строительства новых городов и выявление ключевых вызовов. Полученные результаты помогут глубже понять процессы современной урбанизации и определить пути решения проблем, связанных с развитием новых городских центров.

Ключевые слова: новые города, умные города, инвестиции, концепция, устойчивое развитие.

Введение

Строительство новых городов – одна из наиболее амбициозных задач, которые человечество ставило перед собой на протяжении XXв. Формирование совершенно новых населенных пунктов, часто в ранее неосвоенных территориях, отражает не только технические возможности своего времени, но и стратегическое видение будущего [1].

История создания городов на пустынных территориях в XXв. демонстрирует разнообразие подходов и целей, преследуемых различными странами. Одним из наиболее известных примеров является Бразилия – столица Бразилии, построенная в 1960-х годах по проекту архитектора Оскара Нимейера и градостроителя Лусио Косты. Этот город был задуман как символ модернизации и экономического роста, а также как инструмент децентрализации страны. Другой значимый пример – Канберра, столица Австралии, основанная еще в начале века, но достигшая расцвета именно в XXв. Ее строительство было вызвано необходимостью создать нейтральный центр, который бы урегулировал конкуренцию между крупнейшими городами страны, Сиднеем и Мельбурном. Следует отметить, что если в древние времена или в средневековые города в основном строились в военно-политических целях, то после развития морской торговли для соединения различных типов торговых путей города создавались в основном по социально-экономическим «причинам».

Не менее важную роль в истории строительства новых городов сыграл Советский Союз. В рамках масштабной индустриализации были построены такие города, как Магнитогорск, Комсомольск-на-Амуре, Новокузнецк, Чаренцаван и др. Эти населенные пункты не только способствовали экономическому развитию отдаленных или стратегически важных регионов, но и отражали идеологические устремления государства, стремившегося к созданию нового общества [2, 3].

Сегодня, в ХХІв., актуальность строительства новых городов вновь возрастает [4]. Причины этого феномена разнообразны и связаны с множеством глобальных вызовов [5]. Во-первых, быстрый рост населения и урбанизация приводят к перегрузке инфраструктуры существующих мегаполисов, что создает необходимость переноса части населения (например, социальные группы) в новые, заранее спроектированные города [6]. Во-вторых, экологические вызовы требуют нового подхода к городскому планированию. Современные города с нуля позволяют интегрировать передовые технологии, способствующие снижению углеродного следа и повышению энергоэффективности. Наконец, строительство новых городов часто становится инструментом экономического развития и привлечения инвестиций [7]. Стратегически расположенные урбанистические центры создают новые экономические зоны, которые стимулируют развитие торговли, промышленности и технологий. Примером такого подхода может служить Астана, столица Казахстана, которая была перенесена и реконструирована с целью экономического и политического укрепления страны.

Таким образом, строительство новых городов остается не только актуальной, но и крайне значимой задачей, отражающей как возможности современного общества, так и его стремление к устойчивому и сбалансированному развитию. Изучение этого феномена позволяет глубже понять эволюцию урбанистики и выявить пути для решения ключевых вызовов, стоящих перед человечеством в ХХІ веке.

Тенденции современной урбанистики связаны с развитием «умных» городов, тренды развития которых и эффективность управления как системами исследовалась в [8–11]. Данное исследование продолжает указанные и конкретизируется на анализе лучших бенчмарков текущего времени и описание их проблемного поля.

Задачами данного исследования являются:

- ✓ выявление новых городов мира и представление их кратких описаний;
- ✓ выявление проблемных полей реализации проектов строительства новых городов.

Методологическое основание исследования

Исследование основано на комплексном и междисциплинарном подходе, включающем теоретический анализ, изучение эмпирических данных и сравнительный метод. Основу составляют концепции устойчивого развития и урбанизации, а также анализ успешных кейсов – таких, как Сонгдо и Woven City.

Методология включает анализ данных о технико-экономических показателях и сроках реализации проектов, сравнительный подход для выявления ключевых факторов успеха и проблем, проблемно-ориентированный анализ с акцентом на финансирование, демографические и инфраструктурные вызовы.

Предлагаемое исследование вносит вклад в развитие урбанистики, раскрывая современные подходы к планированию и строительству новых городов в условиях глобальных вызовов. Оно обобщает опыт реализации урбанистических проектов, таких как Woven City и Сонгдо, что позволяет уточнить теоретические представления об устойчивом развитии, стратегическом градостроительстве и экологически ориентированном планировании. Результаты исследования могут быть использованы для формирования новых научных концепций, связанных с развитием городов будущего, а также для дальнейших исследований в смежных областях.

Работа акцентирует внимание на ключевых проблемах, таких как задержки в строительстве, сложности финансирования и привлечения населения. Полученные выводы могут быть использованы государственными структурами, инвесторами и проектировщиками при планировании и реализации новых урбанистических центров. Анализ успешных и проблемных кейсов помогает разработать стратегии минимизации рисков и повышения привлекательности новых городов для бизнеса и жителей, что способствует устойчивому экономическому и социальному развитию.

Новые города мира XXI века

Woven City. Город стремится объединить традиционную эстетику с передовыми технологиями и методами. Особенности планировочных решений города заключаются в наличии 3 типов магистралей, которые соединяются на уровне земли. Одна предназначена для беспилотного транспорта, вторая – для пешеходов, третья для пешеходов, пользующихся персональными мобильными средствами передвижения. Также будет реализована подземная дорога для перевозки грузов. Здания планируется построить из дерева с применением промышленных роботов. Люди, здания и транспортные средства будут связаны между собой и будут общаться друг с другом посредством данных и датчиков, что позволит протестировать технологии искусственного интеллекта как в виртуальном, так и в физическом мире, максимально раскрыв их потенциал.

Сообщество жителей будет состоять в основном из пожилых людей, семей с маленькими детьми и изобретателей. В дальнейшем ожидается, что население нового города составят стартаперы, предприниматели, разработчики, корпорации-партнеры и другие жители.

Визионером и основным инвестором выступает компания Toyota. Архитектор проекта – датчанин Бьярк Ингельс.

The Line. В 2022г. наследный принц Саудовской Аравии представил концепцию строительства нового города The Line. The Line предлагает новый подход к городскому дизайну: идея вертикального расположения городских функций, при этом предоставляя людям возможность беспрепятственно перемещаться в трех измерениях (вверх, вниз или поперек) для доступа к ним, – это концепция, называемая Zero Gravity Urbanism.

Особенностью проектных решений The Line является то, что его ширина составляет всего 200 метров на протяжении 170 километров, а высота – 500 метров над уровнем моря. Город будет построен на площади не более 34 квадратных километров и вмещает около 9 миллионов человек, что совершенно беспрецедентно для городов такого

размера. Это, в свою очередь, сокращает расширение инфраструктуры и особым образом повышает эффективность и экологичность города. The Line предоставляет всем жителям доступ ко всем удобствам и услугам в течение 5 минут, в дополнение к наличию высокоскоростного поезда, который соединяет оба конца города в течение 20 минут. Построение компонентов города вертикальными слоями позволяет людям перемещаться в трех направлениях (вверх, вниз и горизонтально с каждой стороны), что по своему роду попытка визуализации новой парадигмы развития городов в XXIв. В концепции The Line заявляются две важные особенности: отсутствие углеродного следа (будут использоваться возобновляемые источники энергии) и отсутствие внутри автомобилей.

Создатели не указывают основных видов деятельности, в которых будут задействованы жители города, проработанная концепция по созданию рабочих мест в городе отсутствует. На сегодняшний день Саудовская Аравия на 98% сократила планы строительства города будущего.

Основной инвестор – Саудовская Аравия. Визионер проекта – Наследный принц Саудовской Аравии Мухаммед ибн Салман. Инжиниринговой компанией выступает британская ATKINS.

Masdar City. Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ) на протяжении десятилетий были основным поставщиком ископаемого топлива для мировой экономики, что позволяло стране экономически процветать. Но глобальная обеспокоенность по поводу разрушения окружающей среды и изменения климата побуждает руководство ОАЭ искать альтернативные источники энергии. Из этого экологического страха родился Масдар-Сити – амбициозный проект, который надеется создать первый в мире город с нулевым уровнем выбросов углекислого газа. Цель проекта – использовать энергию в социально, экономически и экологически устойчивой системе без ущерба для современного образа жизни [12]. Разработчики Masdar City хотят создать компактное многофункциональное сообщество, которое не будет наносить вред окружающей среде. Общественные пространства, парки и

площади будут интегрированы по всему городу, чтобы способствовать социальному взаимодействию и вовлечению в жизнь общества за пределами дома. Основные инновационные решения горда связаны с нейтрализацией углеродного следа.

Город планируется сделать центром разработки новых идей в области производства энергии. Люди ускоренными темпами мигрируют из сельской местности в города, и поэтому так важно вводить в эксплуатацию проекты «умных», устойчивых городов по всему миру, таких как Masdar City, которые по завершении строительства будут иметь сбалансированную экосистему, созданную на основе двухсторонней, взаимоукрепляющей стратегии внедрения умных ИКТ-технологий, с одной стороны, и умных методов производства, сохранения и управления энергией, с другой стороны [13].

Основной инвестор – эмиратская государственная холдинговая компания Mubadala. Проектировщик – компания Foster and Partners.

Konza Technopolis. Конза Технополис проектируется как многофункциональный город с высокой плотностью застройки. Генеральный план включает в себя университет, жилую зону, научно-технологическую зону и офисный район. Генеральный план также включает в себя ряд районных парков, расположенных по всему городу в разных направлениях. Интегрированная городская информационно-коммуникационная сеть будет поддерживать предоставление связанных между собой городских услуг. Будучи «умным» городом, Конза будет собирать данные с интеллектуальных устройств и датчиков, встроенных в городскую среду, таких как дороги, здания и другие объекты. Собранные данные будут передаваться через интеллектуальную систему связи и анализироваться программным обеспечением, которое предоставляет ценную информацию и расширенные цифровые услуги жителям Конзы.

Конза Технополис создается как крупный технологический центр Кении, его также называют «местом, где начинается африканская силиконовая саванна».

Технико-экономический и концептуальный генеральный план был подготовлен совместно компаниями Deloitte и Pell Frischmann, британским консалтинговым агентством по проектированию, и финансировался Международной финансовой корпорацией [14].

Сонгдо. Недалеко от Сеула, на территории столичного района Инчхон строится новый город Сонгдо. Этот мегагородской проект рассчитан на проживание около 260 000 жителей к 2025г. В связи с этим район подвергается интенсивному международному маркетингу, и в 2020г. он стал городской моделью XXIв., сочетающей цифровые технологии («u-city» и «smart city») и устойчивое развитие («green city») [15].

Сонгдо – результат совместных усилий застройщиков, крупнейших технологических компаний, национальных и местных властей по созданию с нуля комплексной городской агломерации, оснащенной передовой, технологически усовершенствованной инфраструктурой и услугами. Все высотные башни Сонгдо, оснащенные по последнему слову техники, получили сертификаты экологической безопасности, в городе созданы продуманные кварталы и городской оазис по образцу нью-йоркского Центрального парка [16]. Город стремится достичь успехов в области био- и нанотехнологий и информационных технологий, а также стать процветающим мировым центром инноваций и развития сквозных технологий. Многие ведущие международные и корейские технологические компании открыли в городе свои научно-исследовательские центры, а в 2008г. он был удостоен награды «Устойчивый город» [17].

Технико-экономические показатели проектов строительства представленных новых городов сведены в Табл. 1.

Таблица 1.

**Технико-экономические показатели проектов строительства
представленных новых городов XXI века (составлено авторами
по данным открытых источников информации)**

Показатель	Woven City	The Line	Masdar City	Konza Technopolis	Сонгдо
Площадь, кв. м	708 000	34 000 000	6 500 000	21 000 000	6 300 000
Страна местонахождения	Япония	Саудовская Аравия	ОАЭ	Кения	Южная Корея
Год начала реализации проекта	2021	2022	2008	2009	2003
Этап реализации проекта	Завершена 1-я фаза строительства	Реализуется 0 цикл строительства	Построено несколько кварталов	Завершена 1-я фаза строительства	Строительство подходит к завершению
Планируемый год завершения проекта	2025	2030	2025	2030	2025
Планируемая величина инвестиций в проект, млрд \$	10	150	22	15	40
Планируемое количество жителей, чел.	2 000	5 000 000	50 000	240 000	260 000
Текущее количество жителей, чел.	360	0	300	30 000	200 000

**Проблемное поле реализации проектов строительства
новых городов**

Реализация проектов строительства новых городов представляет собой сложное и многогранное проблемное поле, включающее техни-

ческие, экономические, экологические и социальные аспекты. Эти проекты требуют интеграции множества дисциплин и учет разнообразных факторов, что делает их реализацию сложной задачей.

Анализ технико-экономических показателей реализации проектов строительства выявил, что все они идут с опозданием относительно заложенных планами сроков (Табл. 2).

Таблица 2.

**Показатели, характеризующие сроки реализации проектов
строительства новых городов (расчеты выполнены авторами
по данным открытых источников информации)**

Показатель	Woven City	The Line	Masdar City	Konza Technopolis	Сонгдо
Год начала реализации проекта	2021	2022	2008	2009	2003
Планируемый год завершения проекта	2025	2030	2025	2030	2025
Расчетный срок реализации проекта	4	8	17	21	22
Период реализации проекта на текущую дату	3	2	16	15	21
Расчетный процент реализации проекта	75%	25%	94%	71%	95%
Фактический этап реализации проекта	Завершена 1 фаза строительства	Реализуется 0 цикл строительства	Построено несколько кварталов	Завершена 1 фаза строительства	Строительство подходит к завершению
Вывод по срокам реализации	Существенное отставание от графика	Отставание от графика	Существенное отставание от графика	Существенное отставание от графика	В соответствии с графиком

Отметим, что сроки строительства Сонгдо несколько раз переносились, а проект сейчас находится на завершающей стадии, что не позволяет в полной мере сравнить его с другими проектами по показателю отставания от графика ввода.

Отставание от графика реализации проектов помимо проблем, связанных с финансированием, оказывает влияние на доверие и лояльность потенциальных жителей и предпринимателей. Возникают сложности с привлечением бизнеса и населения в новые города, которые развиваются медленно и в которых в начале отсутствует эффект масштаба нахождения потребителей на небольшой территории.

Заключение

Новые города мира, объединяющие передовые технологии возобновляемой энергетики, инновационные архитектурные решения и комплексные методы устойчивого развития, должны были стать образцом жизнеспособности и преимуществ устойчивого городского образа жизни. Однако задержки в реализации проектов, разнообразная критика и скептицизм в определенной степени мешают их застройщикам. Несмотря на серьезные проблемы, связанные со стоимостью, масштабами и экологическими условиями, такие города продолжают развиваться. Следует отметить, что даже высокая стоимость реализации таких проектов не отталкивает инвесторов от идеи вложиться, неоднократно подчеркнув свою приверженность созданию устойчивого сообщества с низким уровнем выбросов углекислого газа. Поэтому остается надеяться, что новые города станут столь необходимым ориентиром для экологически сознательного развития, доказав, что при наличии целеустремленности и инноваций видение устойчивого будущего действительно может стать реальностью.

Направлением дальнейшего исследования является разработка мер, необходимых для стимулирования развития новых городов, которые дадут новый толчок стратегическому развитию социально-экономического роста регионов и государств.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Суварян А.М.* Современные проблемы управления / А.М. Суварян, А.А. Аветян, И.К. Манукян // Глобальные вызовы цифровой трансформации рынков: Коллективная монография. СПб.: «Политех-ПРЕСС», 2023. СС. 348–367.
2. *Оганесян Т.О.* Определение социального прогресса и его взаимосвязь с экономическим ростом / Т.О. Оганесян // «Вестник Российско-Армянского университета: сер.: гуманитарные и общественные науки», № 2 (26), 2017. СС. 127–132.
3. *Пупенцова С.В.* Опыт экологического планирования и управления территориями городов / С.В. Пупенцова, Н.С. Алексеева // «Экономика строительства», № 4 (58), 2019. СС. 18–27.
4. *Pupentsova S.* Foreign and Domestic Experience in Environmental Planning and Territory Management / S. Pupentsova, N. Alekseeva, O. Stroganova // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering: International Science and Technology Conference “FarEastCon 2019”, Vladivostok, Russky Island, 01–04 октября 2019 года. Vol. 753, 3, Chapter 2. Vladivostok, Russky Island: Institute of Physics Publishing, 2020. P. 032026. DOI 10.1088/1757-899X/753/3/032026.
5. *Бабкин А.В., Акмаева Р.И., Алексеева Н.С. [и др].* Стратегическое управление устойчивым развитием экономики в новой реальности. СПб.: «Политех-ПРЕСС», 2022, 752с. ISBN 978-5-7422-7755-2.
6. *Багратян Г.А.* Основные предпосылки миграции трудовых ресурсов и капитала в условиях мегаэкономики / Г.А. Багратян // «Вестник Российско-Армянского университета. Сер.: Гуманитарные и общественные науки», № 2 (23), 2016. СС. 89–100.
7. *Мартиросян Г.К.* Вопросы инвестиционной привлекательности муниципальных образований в РА // «Вестник Российско-Армянского (Славянского) университета. Сер.: Гуманитарные и общественные науки», № 3 (24), 2016. СС. 86–92.
8. *Суварян А.М.* Концепция «Smart city» как эффективный инструмент управления развитием городской экосистемы / А.М. Суварян, А.А. Аветян // Управление инновационной экосистемой региона и коммерциализацией нововведений. Организационное, аналитическое и информационно-документационное сопровождение деятельности инфраструктуры: Сб. трудов V Всероссийской (национальной) научно-практ. конференции с международным участием. Краснодар, 24–29 мая 2021г. / Краснодар: Изд-во Кубанского гос. университета, 2021. СС. 76–82.

9. *Алексеева Н.С.* Тренды развития инновационных жилых кластеров / Н.С. Алексеева // Новеллы права, экономики и управления 2020. Сб. научных трудов по материалам VI международной научно-практ. конференции, Гатчина, 25–26 ноября 2020г. Т. 1. Гатчина: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2021. СС. 407–410.
10. *Алексеева Н.С.* Исследование положения российских городов среди «умных» городов мира / Н.С. Алексеева, Д.Н. Рыхтик // XIII Ежегодная научная сессия аспирантов и молодых ученых: Материалы межрегиональной научной конференции: в 2-х т. Вологда, 18–22 ноября 2019г. / Т. 2. Вологда: Вологодский государственный университет, 2019. СС. 4–7.
11. *Аветян А.А.* Концепция “SMART CITY” как стратегия управления городским хозяйством // Научно-технический журнал «Регион и мир», № 6. Ер., 2020. СС. 146–150.
12. *D'Eramo A.* Masdar City: A Study of Energy, Infrastructure, and Technological Hope Hope // SMU “Journal of Undergraduate Research”, № 6 (1), 2021. С. 3. Doi: 10.25172/jour.6.1.3.
13. *Venkatanarayanan S., Chopra A.* Creating Global Sustainable Smart Cities (A Case Study of Masdar City) // “Journal of Physics: Conference Series”. Т. 1706, 2022. С. 012141 DOI 10.1088/1742-6596/1706/1/012141.
14. Konza Technopolis. URL: <https://konza.go.ke/> (Дата обращения: 16.12.2024).
15. *Peyrard S., Gelézeau V.* Smart City Songdo? A Digital Turn on Urban Fabric // “Seoul Journal of Korean Studies”, № 33(2), 2020. СС. 493–518. DOI: 10.1353/seo.2020.0019.
16. Там же.
17. *Yigitcanlar T., Han H., Kamruzzaman Md., Ioppolo G., Sabatini-Marques J.* The Making of Smart Cities: Are Songdo, Masdar, Amsterdam, San Francisco and Brisbane the Best We Could Build? // “Land Use Policy”, № 88, 2019. СС. 104–187. Doi: 10.1016/j.landusepol.2019.104187.

REFERENCES

1. *Suvaryan A.* Modern management problems / A. Suvaryan, A. Avetyan, I. Manukyan // Global challenges of digital transformation of markets: Collective monograph. St. Petersburg: “POLYTECH-PRESS”, 2023. PP. 348–367.
2. *Hovhannisyan T.* Definition of social progress and its relationship with economic growth / T.O. Hovhannisyan // “Bulletin of the Russian-Armenian University / Humanities and Social Sciences”, № 2 (26), 2017. PP. 127–132.

3. *Pupentsova S.* Experience of environmental planning and management of urban areas / S.V. Pupentsova, N.S. Alekseeva // “Construction Economics”, № 4 (58), 2019. PP. 18–27.
4. *Pupentsova S.* Foreign and Domestic Experience in Environmental Planning and Territory Management / S. Pupentsova, N. Alekseeva, O. Stroganova // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering: International Science and Technology Conference “FarEastCon 2019”, Vladivostok, Russky Island, October 01–04, 2019. Vol. 753, 3, Chapter 2. Vladivostok, Russky Island: Institute of Physics Publishing, 2020. P. 032026. DOI 10.1088/1757-899X/753/3/032026.
5. *Babkin A., Akmaeva R., Alekseeva N. [et al].* Strategic management of sustainable economic development in the new reality. St. Petersburg: “POLITEKH-PRESS”, 2022. 752p. ISBN 978-5-7422-7755-2.
6. *Bagratyan G.* The main prerequisites for the migration of labor resources and capital in the mega economy / G. Bagratyan // “Bulletin of the Russian-Armenian University: Humanities and Social Sciences”, № 2 (23), 2016. PP. 89–100.
7. *Martirosyan G.* Issues of investment attractiveness of municipalities in the RA // “Bulletin of the Russian-Armenian University: Humanities and Social Sciences”, № 3(24), 2016. PP. 86–92.
8. *Suvaryan A.* The concept of “Smart city” as an effective tool for managing the development of urban ecosystem / A. Suvaryan, A. Avetyan // Management of innovation ecosystem of the region and commercialization of innovations. Organizational, analytical and information-documentation support of infrastructure activities: Proceedings of the V All-Russian (national) scientific-pract. conference with international participation. Krasnodar, May 24–29, 2021 / Editor-in-Chief V.V. Ermolenko. Krasnodar: Kuban State University, 2021. PP. 76–82.
9. *Alekseeva N.* Trends in the development of innovative residential clusters / N. Alekseeva // Novels of law, economics and management 2020: collection of scientific papers on the materials of the VI International Scientific and Practical Conference. Gatchina, Nov. 25–26, 2020. Vol. 1. Gatchina: State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, 2021. PP. 407–410.
10. *Alekseeva N.* Study of the position of Russian cities among the “smart” cities of the world / N. Alekseeva, D. Rychtik // XIII Annual Scientific Session of graduate students and young scientists: Proceedings of the interregional scientific conference. In 2 volumes, Vologda, November 18–22, 2019 / Editor-in-Chief V. Makoveev. Vol. 2. Vologda: Vologda State University, 2019. PP. 4–7.

11. *Avetyan A.* The concept “SMART CITY” as an urban management strategy // Scientific and technical journal “Region and the World”, № 6. Yer., 2020. PP. 146–150 (In Russian).
12. *D’Eramo A.* Masdar City: A Study of Energy, Infrastructure, and Technological Hope Hope // “SMU Journal of Undergraduate Research”, № 6 (1), 2021. P. 3. DOI: 10.25172/jour.6.1.3.
13. *Venkatanarayanan S., Chopra A.* Creating Global Sustainable Smart Cities (A Case Study of Masdar City) // “Journal of Physics: Conference Series”. V. 1706, 2022. P. 012141 DOI 10.1088/1742-6596/1706/1/012141
14. Konza Technopolis. URL: <https://konza.go.ke/> (accessed 12/16/2024).
15. *Peyrard S., Gelézeau V.* Smart City Songdo? A Digital Turn on Urban Fabric // “Seoul Journal of Korean Studies”, № 33 (2), 2020. PP. 493–518. DOI: 10.1353/seo.2020.0019.
16. Ibid.
17. *Yigitcanlar T., Han H., Kamruzzaman Md., Ioppolo G., Sabatini-Marques J.* The Making of Smart Cities: Are Songdo, Masdar, Amsterdam, San Francisco and Brisbane the Best We Could Build? // “Land Use Policy”, 88, 2019. PP. 104–187. DOI: 10.1016/j.landusepol.2019.104187.

STRATEGIC DEVELOPMENT THROUGH THE CREATION OF NEW CITIES: GLOBAL CHALLENGES AND SOLUTIONS FOR THE TWENTY-FIRST CENTURY

A. Avetyan¹, N. Alekseeva², M. Khalil³

*Russian-Armenian (Slavonic) University¹
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University^{2,3}*

ABSTRACT

In the 21st century, the construction of new cities is becoming particularly important due to demographic, environmental and economic challenges. Rapid urbanization and population growth are overloading the infrastructure of existing megacities, making it necessary to create modern cities designed with energy efficiency and sustainable development in mind. New urban centers demonstrate the potential of a strategic approach to urban planning, contributing to economic growth and attracting investment. However, there are a number of challenges in implementing such projects. Research shows that most new urban center projects face delays in

commissioning, reducing the confidence of potential residents and businesses. Financing problems, low rates of attracting residents and entrepreneurs aggravate the situation, hindering the creation of effective economic zones. This study aims to analyze the experience of building new cities and identify key challenges. The results obtained will help to better understand the processes of modern urbanization and identify ways to address the challenges associated with the development of new urban centers.

Keywords: new cities, smart cities, investments, concept, sustainable development.

DOI 10.24412/1829-0450-2025-3-50-81
УДК 330.34, 330.35, 620.9

Поступила: 03.06.2025г.
Сдана на рецензию: 09.06.2025г.
Подписана к печати: 06.09.2025г.

ВЛИЯНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ИСТОЧНИКОВ ЭНЕРГИИ И ВОЗОБНОВЛЯЕМОЙ ЭНЕРГИИ НА ЭКОНОМИКУ: МЕЖСТРАНОВОЙ АНАЛИЗ*

А.Г. Галстян¹, А.М. Арутюнян², К.К. Торосян³

*Российско-Армянский (Славянский) университет^{1,3}
Национальный политехнический университет Армении²
ani.galstyan@rau.am, an.m.harutyunyan@gmail.com,
torosyan.karina@student.rau.am*

*ORCID¹: 0000-0002-7800-7232, ORCID²: 0009-0005-9874-1281,
ORCID³: 0009-0002-4827-4679*

АННОТАЦИЯ

В современном мире значение энергетической сферы для экономического роста и развития получает все больше внимания со стороны науки и государственной политики. Несмотря на то, что долгие десятилетия традиционные источники энергии являлись фундаментом для индустриализации экономики, сейчас приоритетными считаются устойчивое развитие и «зеленая» экономика. Данная статья посвящена сравнительному анализу влияния традиционных и возобновляемых источников энергии на экономическое развитие в контексте устойчивого роста на примере 15 стран. Основной целью исследования является проведение сравнительного анализа воздействия традиционных источников энергии и возобновляемой энергии на экономику страны. Методология исследования включает межстрановой статистический и эконометрический анализы. В рамках данного исследования были разработаны три модели панельной регрессии для оценки влияния по следующим направлениям:

---

* Исследование выполнено в рамках финансирования из средств Программы развития РАУ на 2023–2025гг. (23PR:HU-ekon-63312).

Модель 1 – влияние потребления разных источников энергии на ВВП; Модель 2 – влияние генерации электроэнергии по видам на ВВП; Модель 3 – влияние энергетической интенсивности на ВВП. Результаты исследования показывают, что на данном этапе возобновляемые источники энергии (ВИЭ) не имеют значительного положительного влияния на ВВП страны, а традиционные источники все еще играют значительную роль. В то же время, наблюдается большой потенциал ВИЭ как фактора устойчивого экономического роста в долгосрочной перспективе в контексте перехода к «зеленой» экономике. Полученные выводы могут быть использованы при разработке энергетической стратегии правительствами, а также для разработки инвестиционной стратегии разными организациями.

Ключевые слова: источники энергии, «зеленая» экономика, устойчивый рост, экономическое развитие.

Введение

Энергетическая сфера является фундаментом для экономического развития и прогресса [1–2]. Эффективность данной сферы оказывает значительное влияние на сектора экономики и конкурентоспособность в общем [3]. Долгие годы традиционные источники энергии (нефть, природный газ, уголь и т.д.) являлись основными определяющими факторами темпов индустриализации экономики и, следовательно, экономического роста. Однако в современном мире мы сталкиваемся с усилением экологических проблем, что привело к необходимости перехода к более устойчивым источникам энергии [4–6]. В то же время осознавая роль климатических изменений, использование источников возобновляемой энергии стало более актуальным, особенно при высокой степени исчерпаемости традиционных источников энергии.

Целью данной статьи является проведение сравнительного анализа воздействия традиционных источников энергии и возобновляемой энергии на экономику страны. Исходя из цели исследования, основная гипотеза работы следующая: в отличие от традиционных источников энергии, использование возобновляемых источников

энергии приводит к устойчивому и долгосрочному экономическому росту, сокращая негативное воздействие на окружающую среду.

Сейчас многие страны для снижения зависимости от импорта традиционных источников, в основном газа и нефти, переходят к возобновляемой энергии. В свою очередь, внедрение возобновляемых источников энергии может привлекать инвестиции и также создавать новые рабочие места, тем самым снижая уровень безработицы в стране [7].

Многие страны разрабатывают свою политику в области энергетики, принимая законы для поддержки и регулирования перехода к возобновляемой энергии. В области возобновляемой энергии постоянно появляются новые технологии для снижения стоимости ресурсов, что в свою очередь может повлиять на решения, которые принимаются в энергетическом секторе [8].

Именно по вышеуказанным причинам, исследование данной темы позволит лучше понять, какие источники энергии в большей степени влияют на экономический рост, что может помочь разработке более эффективной политики в энергетическом секторе.

В течение тысячелетий человечество добывало энергию теми или иными способами и со временем источники энергии стали делить на традиционные и возобновляемые. Традиционными источниками энергии принято считать невозобновляемые источники. Традиционные источники энергии, как правило, широко распространены и доступны по цене, что делает их более привлекательными для развития промышленности и производства. Многие десятилетия традиционные источники энергии стимулировали развитие новых технологий, тем самым способствуя росту производительности и также экономическому росту стран [9].

Тем не менее, традиционные источники энергии имеют также недостатки, которые в свою очередь могут иметь негативное влияние на экономический рост. Самыми очевидными недостатками принято считать:

- ✓ загрязнение окружающей среды [10]: сжигание традиционных источников энергии в большинстве случаев приводит к за-

грязнению окружающей среды, что может нанести ущерб, как здоровью населения, так и экосистеме в целом;

- ✓ неустойчивость [11]: запасы традиционных источников энергии ограничены, и они с высокой долей вероятности могут истощаться в будущем.

Преимущества традиционных источников энергии:

- ✓ высокая эффективность источников энергии [12];
- ✓ низкие производственные затраты [13];
- ✓ сырье традиционных источников энергии относительно легко транспортировать в связи с уже существующей инфраструктурой [14].

Возобновляемыми называют те источники энергии, которые возобновляются, иначе говоря, скорость пополнения получаемой энергии больше скорости ее потребления. Самыми известными возобновляемыми источниками энергии являются:

- ✓ солнечная энергия: данный вид энергии, несмотря на название, можно использовать даже в пасмурную погоду с помощью солнечных панелей;
- ✓ ветровая энергия: с помощью ветряных турбин создается энергия, основанная на движении воздуха;
- ✓ геотермальная энергия: данный вид использует тепловую энергию недр Земли, с помощью бурения скважин;
- ✓ гидроэнергия: используется энергия воды, которая перемещается с более высокой точки на низкую точку;
- ✓ энергия океана: получение энергии из волн и течений, однако такие энергетические системы пока что находятся на ранних стадиях разработки;
- ✓ биоэнергия (биомасса): в основном это древесина, навоз, древесный уголь, то есть разные органические удобрения.

Возобновляемые энергии (солнечная, ветровая, гидроэнергия) становятся все более популярными в ряде стран. Использование таких энергий имеет множество положительных сторон, таких как:

- ✓ не загрязняет окружающую среду [15–16], возобновляемые источники энергии не производят выбросов парниковых

газов, то есть тем самым не вредят окружающей среде и здоровью человека;

- ✓ увеличивают энергетическую безопасность [17–18], так как возобновляемая энергия не зависит от импорта энергоресурсов, можно сказать, что это повышает энергетическую безопасность страны;
- ✓ создает новые рабочие места [19], благодаря внедрению возобновляемых источников энергии создаются новые рабочие места, и наблюдается рост занятости.

Кроме положительных сторон, возобновляемые источники энергии также имеют ряд недостатков. Самые очевидные из них:

- ✓ высокая стоимость [20], в сравнении с теми же традиционными источниками энергии, стоимость возобновляемой энергии выше;
- ✓ непостоянство выработки [21], так как возобновляемая энергия не может вырабатываться постоянно, это может значительно затруднить обеспечение стабильного энергоснабжения.

Во многих странах мира развитие возобновляемой энергетики стало частью государственной политики в плане разработки и финансирования научно-технических программ в данной области. В связи с этим, проводятся разные исследования в области развития возобновляемых источников энергии, например рассчитывают потенциал или влияние на климат

Марданов утверждает, что средняя энергетическая мощность, которая требуется на одного человека ежедневно, равна 2 кВт, и при расчете потенциала возобновляемой энергии, он выявил, что с каждого квадратного метра поверхности земли можно получить около 500 Вт [22]. А при эффективности преобразования в 4% на одного человека требуется десять квадратных метров. Поэтому если учесть среднюю плотность населения, показатель является достижимым.

С другой стороны, исследуя взаимосвязь между внутренними интересами, энергоэффективностью и возобновляемыми источниками энергии в Японии, Мое сделал выводы по нескольким важным направлениям [23].

Внутренние интересы. В статье было выдвинуто теоретическое предположение о том, что развитие возобновляемой энергетики может встретить отпор со стороны уже существующих внутренних интересов, так как из-за таких структурных изменений в экономике, они могут потерять свои позиции. Исходя из этого, авторы считают необходимым анализ структуры внутренних.

Солнечная энергия и ветровая энергия. В Японии солнечная энергетика оказалась более успешной внутри структуры внутренних интересов, чем ветровая энергетика, и это привело к сложностям внедрения ветровой энергии.

Энергоэффективность. Уже более тридцати лет в Японии придерживаются принципа повышения энергоэффективности, не вызывает противоречий с внутренними интересами и поэтому, остается предпочтительным подходом в энергетической политике.

С другой стороны, литературный обзор показывает, что нефть стимулирует рост, а уголь ограничивает его [24]. В то же время авторы также сделали вывод о том, что переход к возобновляемой энергии не приведет к экономическому росту, так как положительный эффект от их применения перекрывается отрицательным эффектом, таким как например, высокие затраты на продвижение этих источников.

Возобновляемые источники энергии (ВИЭ) принято считать наиболее экологичными, однако существуют экологические проблемы, которые возникают при использовании ВИЭ [25]. Несмотря на то, что ВИЭ не загрязняют окружающую среду и не выбрасывают парниковые газы в отличие от традиционных источников энергии, они все же могут негативно влиять на экологию на стадии производства и установки. Именно из-за этого необходимо учитывать весь жизненный цикл ВИЭ, начиная с добычи и транспортировки природных ресурсов, процесса производства энергоустановок и заканчивая процессом их утилизации.

Анализируя преимущества и недостатки каждого вида ВИЭ (солнечная, ветровая, гидро-, био-, геотермальная энергия) и их перспективы, ученые подчеркивают, что ВИЭ являются ключевым фактором

для обеспечения энергетической безопасности, снижения загрязнения окружающей среды и борьбы с изменением климата [26].

В то же время Линс и Мусдоч утверждают [27], что несмотря на увеличение энергопотребления, в 2014г. впервые за четыре десятилетия объем мировых выбросов углерода, связанных с потреблением энергии, остался неизменным на фоне роста глобальной экономики. В те годы уже доля использования возобновляемых источников росла, и превзошла ожидания экспертов. Так, на момент 2015г. объем электроэнергии, производимой возобновляемыми источниками энергии, увеличился в силу того, что в то время использование многих технологий стало дешевле. В статье также изучен совокупный годовой темп сокращения мировой энергоемкости, который составил 1.25% в рассматриваемый период времени (с 1990 по 2013г). Более того, все меньше первичной энергии будет требоваться при увеличении доли возобновляемых источников энергии в общей структуре энергопотребления.

Из-за роста стоимости оборудования сектор возобновляемой энергетики в 2022г. столкнулся с многочисленными проблемами. Сталь, медь, алюминий и поликремний стали дороже, и так как они являются ключевыми факторами производства, это негативно сказалось на секторе в целом. Несмотря на эти проблемы, технологии ветровой и солнечной энергетик остаются более рентабельными, чем ископаемое топливо в большинстве стран [28–29].

В целом, переход к ВИЭ открывает большие возможности для роста, например, растет занятость в новых и расширяющихся отраслях. Если рассматривать данные за 2022г., то выходит в общем, что производственные мощности солнечной энергии выросли на 39%, в то время как рост ветроэнергетики оставался низким (2%). На данный момент, правительства разных стран устанавливают цели в области развития использования возобновляемых источников энергии, которая будет способствовать развитию экономики в целом и противостоять изменению климата. Такая политика может повлиять на экономику как со стороны спроса, так и со стороны предложения.

В то же время, рассматривая тенденции роста возобновляемых источников энергии, разрыв между странами с развитой экономикой и

развивающимся странами довольно большой. Так в то время, как в развитых странах инвестиции в эту сферу растут, в развивающихся странах в 2023г. инвестиции упали на 20%.

Межстрановой анализ

В 2022г. выбросы CO₂, возникающие из-за топлива, увеличились на 2.5% и достигли уровня более 33.8 Гт CO₂, что является рекордом, хотя в то же время глобальная интенсивность выбросов CO₂ снизилась на 0,7% в 2022г., что намного меньше среднего показателя за 2010–2019гг. (-2.3% в год). В Индии, Индонезии, Саудовской Аравии и в Мексике выбросы CO₂ увеличивались соответственно на 8.8%, 28%, 10% и 10%.

На данный момент, нефть можно считать одним из самых востребованных источников в мире, однако это влияет также на быструю истощаемость данного вида источника энергии. Например, на момент конца 2023г. по запасам нефти первое место занимает Венесуэла с запасом 304 тыс. млн баррелей (Рис. 1). По расчетам специалистов запасы нефти закончатся через 47 лет, если страны не начнут пересматривать свою политику в энергетическом секторе.

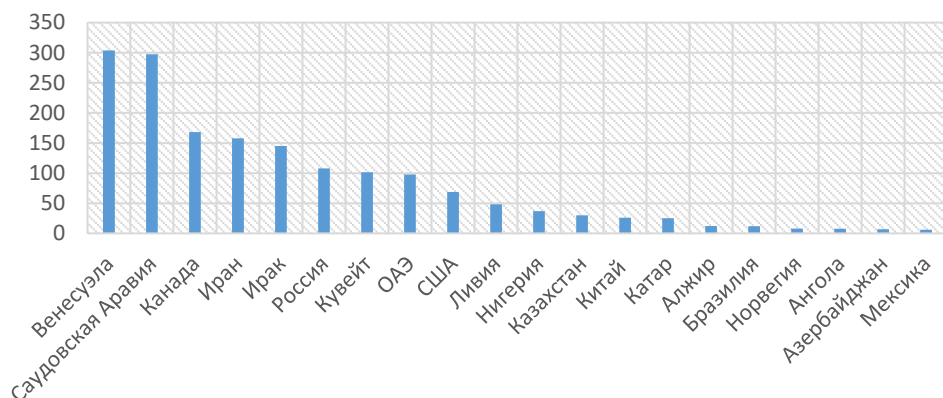

Рисунок 1. Запасы нефти в миллиард баррелей на конец 2023г. (Топ-20 стран).

Составлено по: <https://wisevoter.com/> (дата обращения: 24.07.2024).

Природный газ является смесью метана, этилена, пропена, бутана и сероводорода. С экологической точки зрения, газ можно считать более экологичным источником энергии, чем нефть, но в то же время как недостаток, в первую очередь, можно отметить зависимость от импорта для ряда стран. В 2021г. добыча газа выросла на 4.3%, а в 2022г. оставалась стабильной в то время, как спрос на газ снизился. Это также может быть связано с тем, что в 2022г. добыча газа в России упала из-за снижения экспорта в Европу на 12%, в то время как добыча выросла в Северной Америке, на Ближнем Востоке, в Китае и Австралии, в качестве компенсации. Если рассматривать статистику европейских стран, то в 2022г. добыча газа также упала в Нидерландах (около 15%), а в Норвегии и Великобритании выросла.

Уголь является твердым горючим веществом, который образовывался под определенным давлением и температурой в течение миллионов лет. Уголь является самым распространенным и в то же время дешевым источником энергии. Запасы угля слишком большие (Рис. 4), его можно легко добывать, и он в основном используется для производства электроэнергии. Самым большим его недостатком можно считать загрязнение окружающей среды, так как при его сжигании выделяется слишком много углекислого газа.

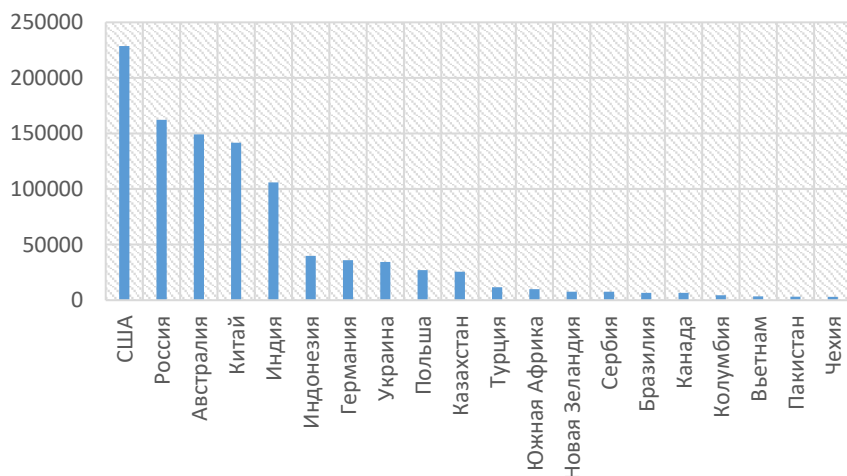

Рисунок 2. Запасы угля в миллионах кубических метров на конец 2023г. (Топ-20 стран).

Составлено по: <https://www.globalfirepower.com/> (дата обращения: 24.07.2024).

В качестве сырья для производства ядерной энергии используются уран, торий, плутоний, точнее – их расщепляют. Данный вид энергии используется при производстве электроэнергии на атомных электростанциях (АЭС). Ядерная (атомная) энергия считается высокоэффективной и стоит недорого. В мире немало стран с мощными АЭС, и если посмотреть на список топ 10 АЭС, то большинство находятся во Франции и Японии.

- ✓ АЭС «Касивадзаки-Карива», Япония,
- ✓ АЭС «Брюс», Канада,
- ✓ Запорожская АЭС, Украина,
- ✓ АЭС «Хануль», Южная Корея,
- ✓ АЭС «Гравелин», Франция,
- ✓ АЭС «Палюэль», Франция,
- ✓ АЭС «Охи», Япония,
- ✓ АЭС Palo Verde, США,
- ✓ Балаковская АЭС, Россия,
- ✓ АЭС «Хамаока», Япония.

С помощью использования ядерной энергии страны могут снизить затраты на производство электроэнергии. Например, в период с 2012г. по 2022г. США снизило общие затраты на 39,6%.

По данным Международного энергетического агентства (МЭА), 10% всей произведенной электроэнергии приходится на ядерную энергию. Так как ядерная энергия считается самым крупным низкоуглеродным видом энергии среди традиционных источников (в целом, первое место занимает гидроэнергия), она может поспособствовать декарбонизации неэлектрических применений.

Для понимания воздействия ядерной энергии на экономику страны, можно рассмотреть пример Южной Кореи. На долю ядерной энергетики приходится почти треть электроэнергии в Южной Корее, и есть положительная связь между развитием ядерной отрасли и развитием страны.

Для развития экономики стран МАГАТЭ особо оценивает важность разнообразия кадров. По этой причине существует программа стипендий Марии Склодовской-Кюри, которая занимается увеличением

количества женщин, которые работают в этой сфере. Количество женщин, занятых в ядерной отрасли, составляет только 22,4%, что является проблемой.

В современном мире энергия является одним из важнейших факторов экономического роста. Исторически сложилось так, что традиционные источники энергии всегда доминировали в мировом энергобалансе, но в последние годы все популярней становится возобновляемая энергия.

Есть несколько факторов, от которых зависит влияние источников энергии на экономический рост страны:

- ✓ доступность источников энергии: как правило, страны у которых доступность источников энергии более высокая, имеют более высокий экономический рост;
- ✓ качество источников энергии: высококачественные источники энергии могут способствовать более устойчивому экономическому росту;
- ✓ цена источников энергии: в зависимости от уровня цены источников энергии, экономический рост может быть разным.

С 2021г. весь мир чувствует последствия глобального экономического кризиса после пандемии, а уже после войны России с Украиной, которая началась в феврале 2022г., кризис обострился. В 2022г. цены на ископаемое топливо сильно поднялись, вследствие чего цены на электричество тоже увеличились. Так как энергия нужна почти во всех областях экономики, данная инфляция повлияла на все энергопотребляющие отрасли, то есть даже некоторые производства сократились, тем самым вызвав замедление (падение) экономического роста.

В связи с этим были представлены соответствующие пакеты политических мер:

- ✓ Европейский План Комиссии REPowerEU;
- ✓ Закон снижения инфляции (IRA) в США.

Данные меры направлены на стимулирование экономического роста с помощью развития производства и использования возобновляемых источников энергии посредством пакетов субсидий.

Но, чтобы понять, насколько возможен и хорош для экономик стран переход к возобновляемой энергии, нужно изучить все аспекты и провести сравнительный анализ между разными видами источников энергии.

Изъятие энергетического сырья из недр крайне отрицательно влияет на окружающую среду [30]. Для минимизации этого воздействия необходимо отталкиваться от двух главных условий – поиска альтернативных источников энергии или усовершенствования существующих. Авторы данной статьи считают, что проблему истощения природных ресурсов можно решить двумя путями: использованием альтернативных источников энергии или энергосбережением, с помощью повышения эффективности уже существующих энергетических станций. В целом, проблема, связанная с воздействием предприятий энергетики на окружающую среду, увеличивается с ростом темпов производства энергии.

В данной статье как пример, были рассмотрены теплоэлектростанция (ТЭС), атомная электростанция (АЭС) и ветроэнергетическая станция (ВЭС).

В конечном итоге, среди рассмотренных электростанций самой лучшей для здоровья жителей страны является станция на базе ветровой энергии.

Истощение традиционных источников ископаемого топлива, увеличение затрат их добычи и негативное влияние на окружающую среду приводят к интересу использования возобновляемой энергетики. Из-за всех этих факторов цены на традиционные энергетические ресурсы растут, приводя к ежегодному увеличению тарифа для конечных потребителей на 15–25% [31]. Тем не менее стоимость оборудования для получения и использования возобновляемой энергии снижается, и поэтому есть случаи, когда применение возобновляемой энергии становится экономически целесообразным, если сравнивать с традиционными источниками. Можно привести пример США, когда уже в 2013г. стоимость солнечной энергии составляла 0.056 доллара США за киловатт-час, ветровой – 0.014 доллара США, а стоимость

киловатт-час энергии из газа и угля обходился в 0.061 и 0.066 доллара США соответственно.

Рассматривая влияние экологически чистых источников энергии на экономику страны, можно утверждать, что инвестиции, сделанные в данные виды источников (ядерная энергия, солнечная энергия и ветровая энергия) влияют на рост ВВП от 2 до 7 раз больше, чем инвестиции, сделанные в сферу ископаемых источников энергии [32].

Также в анализе, сделанном Международным агентством по возобновляемым источникам энергии (IRENA), при сценарии, когда климатическая цель (ограничение повышения температуры 1,5°C) будет достигнута к 2030г., в то же время увеличится количество рабочих мест в секторе возобновляемых источников от 12 до 38 млн [33]. В сравнении с этим, количество рабочих мест в сфере ископаемой энергетики с 39 млн дойдет до 27 млн. То есть, выходит, что, то количество рабочих мест, которое будет утрачено в сфере ископаемых источников, будет компенсировано переходом к использованию низкоуглеродных источников и даже больше.

Если сравнить все источники энергии, то согласно публикации МВФ, инвестиции, которые делаются в сферу ядерной энергетики имеют самый большой мультиплицирующий экономический эффект. В сравнении с ветроэнергетикой, ядерная энергетика создает на 25% больше рабочих мест, и в целом работники в данном секторе получают зарплату на 25–30% больше, чем в других энергетических секторах [34].

В Табл. 1. можно увидеть обобщенные относительные преимущества и недостатки источников энергии.

Таблица 1.

Преимущества и недостатки разных видов источников энергии

Источники энергии	Преимущества	Недостатки
Уголь	Большие запасы	Негативно влияет на экологию
	Дешевый в использовании	Высокий уровень выбросов CO ₂
		Небезопасен для работников

Нефть и природный газ	Высокая энергетическая плотность	Многие страны зависят от их импорта
	Высокая эффективность	Для нефти высоки риски утечек и загрязнения морских вод
		Ограниченные запасы
		У природного газа высокие показатели выбросов CO ₂ .
Ядерная энергия	Высокий КПД	Проблемы с безопасностью, риски ядерных аварий
		Высокие затраты на строительство
	Низкие выбросы CO ₂ в атмосферу	Проблемы с управлением радиоактивными отходами
Гидроэнергия	Экологически чистая, стабильная энергия	Зависимость от природных и климатических условий
	Высокий КПД	При создании водохранилищ необходимо воздействие на экосистемы
Солнечная энергия	Бесконечные ресурсы	Зависимость от погоды, а также времени суток
	Низкие эксплуатационные затраты	Высокие затраты на оборудование
	Нулевые выбросы CO ₂	Необходимость хранения энергии
Ветровая энергия	Эффективность	Зависимость от ветровых условий
	Низкие выбросы	Визуальное воздействие
	Низкие эксплуатационные затраты	Проблемы с транспортировкой
Геотермальная энергия	Постоянный источник	Локализованность
	Низкие выбросы	Высокие затраты на строительство
	Высокий КПД	Потенциальные сейсмические риски

Морская энергия	Постоянные источники	Технические сложности
	Высокая энергетическая плотность	Высокие затраты на оборудование
		Воздействие на экосистемы
Биомасса	Доступные источники	Конкуренция с продовольственным производством
	Биоразлагаемость	Потенциальные проблемы с использованием земли
	Низкие выбросы CO ₂	Зависимость от ресурсов

Составлено по анализу литературных источников и статистики

Таким образом, можно сделать вывод, что традиционные виды энергии плохо влияют на экологию, от их импорта могут зависеть некоторые страны, а самый главный их недостаток – это то, что они заканчиваются, в то время как эти проблемы не грозят возобновляемым источникам. Хотя у данного вида источников энергии свои специфические недостатки. Например, время суток и погодные условия имеют большое влияние на работу солнечных батарей, тем самым являясь проблемой. По этим причинам, возникают ситуации, при которых аккумулятор видекамеры в течение светового дня может быть заряжен полностью или только наполовину. Например, в странах, где длительность солнечного дня зимой маленькая, сильно сокращаются возможности использования солнечных батарей. Такими странами являются Россия, Швеция, Норвегия, Финляндия, также с такой проблемой могут столкнуться северные города Канады и Аляска в США.

Несмотря на недостатки, в настоящее время огромное количество людей переходит на альтернативные источники выработки электроэнергии и, пожалуй, самым популярным выбором являются солнечные панели. В основном такие источники являются не основным способом получения электроэнергии, а всего лишь дополнительным. Но все же, как выше было упомянуто, потребление энергии растет с каждым годом (Рис. 3), так как без энергии ничего бы не функционировало.

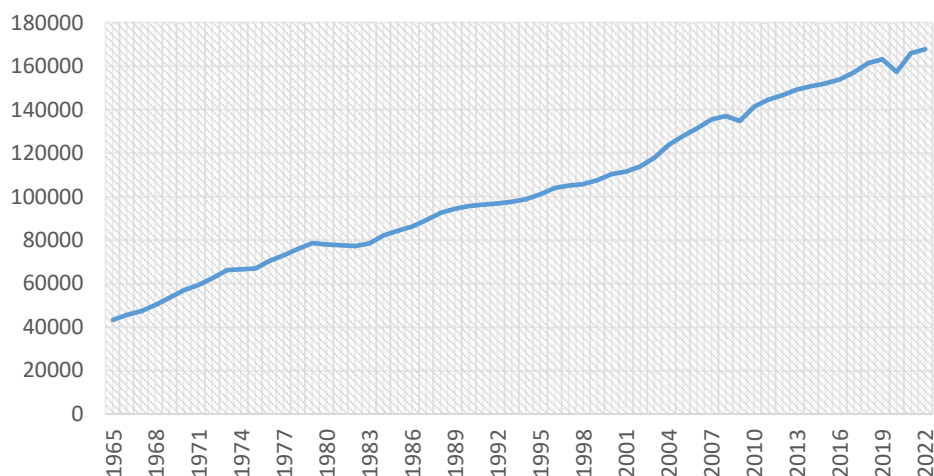

Рисунок 3. Общее потребление энергии в мире в ТВт-ч.

Составлено по: <https://www.bp.com/en/> (дата обращения: 12.08.2024).

Тем не менее, потребление энергий, полученных традиционными источниками энергии, все равно во много раз превышает потребление возобновляемой энергии, хотя в последние годы и наблюдается сильный рост такого потребления (Рис. 4).

Самый высокий показатель потребления у нефти. В 2020г. во время пандемии спрос на нефть упал, и цена впервые в истории упала ниже нуля из-за серьезного спада экономической активности. Но, конечно же, после этого цены на нефть резко выросли, и выходит, что по мере роста экономики растет и спрос на нефть. Так как нефть составляет 3% мирового ВВП, любые ценовые изменения будут влиять на цены практически всех товаров и услуг. С ростом потребления нефти, конечно же, выросли и негативные последствия на окружающую среду, и кроме этого, вырос спрос (увеличился после пандемии).

В сравнении с возобновляемыми источниками энергии, нефть имеет очень длинные инвестиционные циклы, в то время как ВИЭ могут производить энергию гораздо быстрее, но у них ограничены масштабы. Также, если цены на нефть растут, то возникают проблемы у

стран-импортеров, в то время как страны-экспортеры получают выгоду. Казалось бы, что переход к ВИЭ решит эти проблемы, но они не являются прямой заменой нефти.

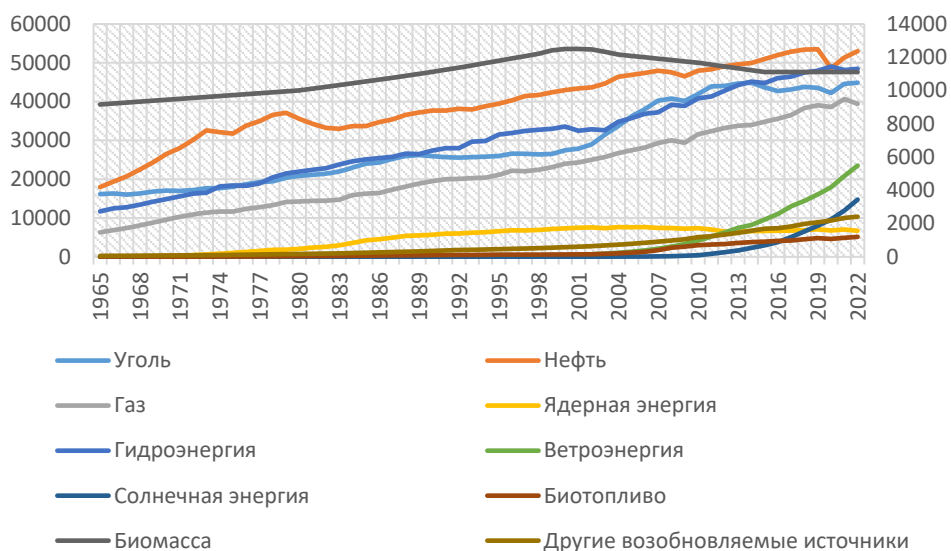

Рисунок 4. Потребление энергии в ТВт-ч (в зависимости от источника энергии).
Составлено по: <https://www.bp.com/en/> (дата обращения: 12.08.2024).

Выбор одного вида источника невозможен, и для того, чтобы достичь целей, нужно найти баланс между традиционными источниками энергии и возобновляемой энергией.

Методология

В рамках данного исследования был проведен панельный регрессионный анализ для определения влияния традиционных и возобновляемых источников энергии на экономику страны. Выборка включает в себя подборку из 15 стран: США, Китай, Норвегия, Нидерланды, Новая Зеландия, Германия, Франция, Бельгия, Япония, Южная Корея, Ирландия, Испания, Бразилия, Россия и Финляндия.

Страны были выбраны по принципу как экономического, так и географического разнообразия. Также при выборе стран были учтены выбранные стратегии в энергетическом секторе и доступность данных, чтобы обеспечить максимальный спектр условий для проведения регрессионного анализа. Так для исследования был выбран промежуток времени с 2000г. по 2022г., и в итоге получилось 345 наблюдений.

В Табл. 2 представлены переменные, использованные для регрессионного анализа, а также их первичная статистическая обработка.

Таблица 2.

Переменные, использованные в модели

Наименование переменной	Описание	Трансформация
SOLAR_CONS	потребление солнечной энергии	$\Delta \ln$
OTH_REN_CONS	потребление других возобновляемых источников энергии	$\Delta \ln$
OIL_CONS	потребление нефти	$\Delta \ln$
NUC_CONS	потребление ядерной энергии	$\Delta \ln$
HYDRO_CONS	потребление гидроэнергии	$\Delta \ln$
WIND_CONS	потребление ветроэнергии	$\Delta \ln$
BIO_CONS	потребление биотоплива	$\Delta \ln$
COAL_CONS	потребление угля	$\Delta \ln$
GAS_CONS	потребление газа	$\Delta \ln$
EL_FROM_BIO	электричество из биотоплива	$\Delta \ln$
EL_FROM_COAL	электричество из угля	$\Delta \ln$
EL_FROM_GAS	электричество из газа	$\Delta \ln$
EL_FROM_HYDRO	электричество из гидроэнергии	$\Delta \ln$
EL_FROM_NUC	электричество из ядерной энергии	$\Delta \ln$
EL_FROM_OIL	электричество из нефти	$\Delta \ln$
EL_FROM_WIND	электричество из ветроэнергии	$\Delta \ln$

EL_FROM_SOLAR	электричество из солнечной энергии	$\Delta \ln$
EI_BIO	ЭИ биотоплива	$\Delta \ln$
EI_COAL	ЭИ угля	$\Delta \ln$
EI_GAS	ЭИ газа	$\Delta \ln$
EI_NUC	ЭИ ядерной энергии	$\Delta \ln$
EI_HYDRO	ЭИ гидроэнергии	$\Delta \ln$
EI_OIL	ЭИ нефти	$\Delta \ln$
EI_OTH_REN	ЭИ других возобновляемых источников энергии	$\Delta \ln$
EI_SOLAR	ЭИ солнечной энергии	$\Delta \ln$
EI_WIND	ЭИ ветроэнергии	$\Delta \ln$

Источник: Составлено автором.

Результаты

Первая модель рассматривает влияние потребления разных источников энергии на изменения ВВП. Была выбрана подмодель фиксированных эффектов (Табл. 3).

Таблица 3.

Влияние потребления разных источников энергии на ВВП страны (панельная регрессия)

Variable	Coefficient	Std. Error	t-Statistic	Prob.
SOLAR_CONS	-0.037008	0.014000	-2.643506	0.0086
OTH_REN_CONS	0.048592	0.034244	1.418998	0.1569
OIL_CONS	0.525219	0.123730	4.244889	0.0000
NUC_CONS	0.012428	0.027598	0.450341	0.6528
HYDRO_CONS	0.019998	0.026004	0.769030	0.4424

WIND_CONS	-0.012457	0.015295	-0.814413	0.4160
BIO_CONS	0.023897	0.011462	2.084865	0.0379
COAL_CONS	0.049068	0.039739	1.234750	0.2178
GAS_CONS	0.101265	0.064026	1.581612	0.1147
C	0.057548	0.007944	7.243857	0.0000
Cross-section fixed (dummy variables)				
Root MSE	0.090386	R-squared		0.223692
Mean dependent var	0.051895	Adjusted R-squared		0.168068
S.D. dependent var	0.102734	S.E. of regression		0.093704
Akaike info criterion	-1.830332	Sum squared resid		2.818500
Schwarz criterion	-1.562955	Log likelihood		339.7323
Hannan-Quinn criter.	-1.723850	F-statistic		4.021546
Durbin-Watson stat	1.544247	Prob(F-statistic)		0.000000

Источник: составлено автором по EVIEWS 10

Согласно оценкам коэффициентов модели панельной регрессии, полученные результаты показывают, что с 5% уровнем значимости потребление солнечной энергии, нефти и биотоплива имеет значимое влияние на ВВП страны. Влияние остальных показателей не является значимым. По результатам данного анализа видно, что потребление биотоплива и нефти положительно влияет на ВВП, в то время как потребление солнечной энергии имеет негативное влияние.

Увеличение потребления нефти на 1% приведет к увеличению ВВП на 0.52%, а увеличение потребления биотоплива на 1% приведет к увеличению ВВП на 0.023%. В то же время, если увеличить потребление солнечной энергии на 1%, то ВВП уменьшится на 0.037%.

В то же время следующая модель показывает влияние генерации электроэнергии на ВВП (Табл. 4).

Таблица 4.

**Влияние генерации электроэнергии на ВВП страны
(панельная регрессия)**

Variable	Coefficient	Std. Error	t-Statistic	Prob.
EL_FROM_BIO	0.059021	0.035329	1.670577	0.0958
EL_FROM_COAL	0.021296	0.020746	1.026489	0.3054
EL_FROM_GAS	-0.004947	0.021690	-0.228084	0.8197
EL_FROM_HYDRO	0.011735	0.028659	0.409476	0.6825
EL_FROM_NUC	0.012653	0.028384	0.445784	0.6561
EL_FROM_OIL	0.042118	0.023557	1.787929	0.0747
EL_FROM_WIND	0.051284	0.022146	2.315688	0.0212
EL_FROM_SOLAR	-0.034099	0.014572	-2.340059	0.0199
C	0.045192	0.008702	5.193158	0.0000
Cross-section fixed (dummy variables)				
Root MSE	0.094356	R-squared		0.149426
Mean dependent var	0.051300	Adjusted R-squared		0.090581
S.D. dependent var	0.102459	S.E. of regression		0.097709
Akaike info criterion	-1.748584	Sum squared resid		3.035950
Schwarz criterion	-1.490128	Log likelihood		321.1335
Hannan-Quinn criter.	-1.645611	F-statistic		2.539324
Durbin-Watson stat	1.544967	Prob(F-statistic)		0.000223

Источник: составлено автором по EViews 10.

В этой модели влияние биотоплива и нефти имеют 10% значимость на изменение ВВП, а ветроэнергия и солнечная энергия значимы на 5%. Результат данного анализа аналогичен предыдущему. В данном

случае электричество, произведенное с помощью биотоплива и нефти положительно влияет на рост ВВП, так как при 1% увеличении производства электроэнергии с помощью нефти и биотоплива, ВВП увеличится на 0.042% и 0.059% соответственно. При увеличении производства электроэнергии с помощью солнечной энергии на 1% ВВП уменьшится на 0.034%, а при увеличении производства электроэнергии с помощью ветроэнергии на 1% ВВП увеличится на 0.051%.

Таблица 5.

**Влияние энергетической интенсивности на ВВП страны
(панельная регрессия)**

Variable	Coefficient	Std. Error	t-Statistic	Prob.
EI_BIO	0.023386	0.011226	2.083168	0.0380
EI_COAL	0.042392	0.039087	1.084574	0.2789
EI_GAS	0.107207	0.059550	1.800283	0.0727
EI_NUC	0.023027	0.026876	0.856759	0.3922
EI_HYDRO	0.030743	0.025824	1.190486	0.2347
EI_OIL	0.636950	0.117902	5.402365	0.0000
EI_OTH_REN	0.053395	0.032375	1.649282	0.1000
EI_SOLAR	-0.037484	0.013708	-2.734380	0.0066
EI_WIND	-0.004904	0.014927	-0.328535	0.7427
C	0.055915	0.007719	7.243465	0.0000
Root MSE	0.092096	R-squared		0.181405
Mean dependent var	0.052204	Adjusted R-squared		0.159147
S.D. dependent var	0.101940	S.E. of regression		0.093477
Akaike info criterion	-1.873317	Sum squared resid		2.892258

Schwarz criterion	-1.760945	Log likelihood	329.4006
Hannan-Quinn criter.	-1.828546	F-statistic	8.150164
Durbin-Watson stat	1.505302	Prob(F-statistic)	0.000000

Источник: Составлено автором по EVIEWS 10.

В модели влияния ЭИ на ВВП страны, изменение ЭИ биотоплива, нефти и солнечной энергии значимы на 5%, а ЭИ газа имеет 10% значимость на изменение ВВП (Табл. 5). При увеличении ЭИ биотоплива на 1%, то есть ухудшении, ВВП увеличится на 0.023%. Если ЭИ нефти увеличится на 1%, то ВВП увеличится на 0.64%, а при ухудшении показателя ЭИ газа (увеличении на 1%), ВВП увеличится на 0.1%. Солнечная энергия в данном случае показывает, что при усовершенствовании ЭИ, то есть уменьшении на 1%, ВВП увеличится на 0.037%.

Результаты всех трех моделей обоснуются тем, что использование ВИЭ пока не широко распространено, а также затратно. Так, например, деньги, вложенные в сектор солнечной энергии еще не окупились, так как долгое время оборудование, нужное для строительства солнечных станций стоило дорого, и только в последнее время наблюдается уменьшение цен на рынке. Средневзвешенная установленная стоимость планирует снижаться дальше и к 2030г. достичь цены в пределах 340–834 долларов за кВт-ч энергию, а уже к 2050 году – 165–481 долларов. Это даст возможность расширения использования солнечной энергии, что может повлиять на устойчивый экономический рост стран.

Заключение

В заключении работы можно отметить, что в современном мире в связи с климатическими проблемами и импортозависимостью от ископаемого топлива, большинство стран стремятся к переходу на

использование возобновляемой энергии. В то же время, если рассмотреть тенденции роста возобновляемых источников энергии, то разрыв между странами с развитой экономикой и развивающимися странами довольно большой. Основной проблемой перехода является инфраструктура, построенная на традиционных видах источников энергии, а резкое изменение их цен приводит к проблемам для стран импортеров. По сравнению с ними ВИЭ могут производить энергию гораздо быстрее, однако их использование в течение многих лет было затратным, но следует отметить, что в последние годы наблюдается изменение цен в лучшую сторону. В ходе анализа также было выявлено, что активное использование ВИЭ, создает новые рабочие места в стране.

В исследовании также были построены регрессионные модели влияния разных источников энергии на экономический рост страны. По результатам было видно, что на данном этапе ВИЭ пока не имеют сильного положительного влияния на ВВП страны, но тем не менее, прогресс наблюдается. Это все указывает на потенциал возобновляемых источников энергии как важного фактора экономического роста, но несмотря на глобальные тенденции перехода к «зеленой» энергетике, традиционные источники все еще играют значительную роль в экономике.

Обобщив все, можно утверждать, что выбрать один вид источника невозможно, и для того, чтобы достичь целей, нужно найти баланс между традиционными источниками энергии и возобновляемой энергией. Для этого странам необходимо продолжать исследования в энергетической сфере, чтобы найти наилучшую стратегию использования разных источников энергии для устойчивого долгосрочного экономического роста.

В целом для достижения долгосрочного экономического роста странам необходимы:

- ✓ диверсифицирование источников энергии: использовать как традиционные источники энергии, так и возобновляемые источники энергии, для снижения зависимости от одного вида;

- ✓ инвестиции в сферу возобновляемой энергетики: со временем увеличение использования ВИЭ будет положительно влиять на развитие экономики;
- ✓ технологические инновации: новые технологии позволят более эффективно использовать ресурсы;
- ✓ государственная поддержка: при поддержке со стороны государства, частным секторам будет проще внедрять ВИЭ, что положительно скажется на экономике;
- ✓ международное сотрудничество: при условии, что страны будут участвовать в международных энергетических собраниях, будет проще найти оптимальную стратегию.

Таким образом, на данный момент, влияние использования ВИЭ на экономику страны незначительное, но ввиду развития сектора, со временем, ВИЭ начинают показывать большой потенциал для достижения долгосрочного экономического роста.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Stern D.* Energy and economic growth // In Routledge handbook of Energy economics. Routledge, 2019. PP. 28–46.
2. *Xue C., Shahbaz M., Ahmed Z., Ahmad M. and Sinha A.* Clean energy consumption, economic growth, and environmental sustainability: what is the role of economic policy uncertainty? // “Renewable Energy”, 184, 2022. PP. 899–907.
3. *Brockway P., Sorrell S., Semieniuk G., Heun M. and Court V.* Energy efficiency and economy-wide rebound effects: A review of the evidence and its implications // “Renewable and sustainable energy reviews”, 141, 2021. P.110781.
4. *Maji I., Sulaiman C. and Abdul-Rahim A.* Renewable energy consumption and economic growth nexus: A fresh evidence from West Africa // “Energy Reports”, № 5, 2019. PP. 384–392.
5. *Khan I., Hou F., Zakari A. and Tawiah, V.K.* The dynamic links among energy transitions, energy consumption, and sustainable economic growth: A novel framework for IEA countries // “Energy”, 222, 2021. P.119935.
6. *Wang Q., Dong Z., Li R. and Wang L.* Renewable energy and economic growth: New insight from country risks // “Energy”, 238, 2022. P.122018.

7. *Hieu V.M. and Mai N.H.* Impact of renewable energy on economic growth? Novel evidence from developing countries through MMQR estimations // “Environmental Science and Pollution Research”, № 30(1), 2023. PP. 578–593.
8. *Solaymani S.* A review on energy and renewable energy policies in Iran // “Sustainability”, № 13(13), 2021. P.7328.
9. *Okoye L., Omarkhanlen A., Okoh J., Adeleye N., Ezeji F., Ezu G. and Ehikioya B.* Analyzing the energy consumption and economic growth nexus in Nigeria // “International Journal of Energy Economics and Policy”, 11(1), 2021. PP. 378–387.
10. *Namahoro J., Wu Q., Zhou N. and Xue S.* Impact of energy intensity, renewable energy, and economic growth on CO2 emissions: Evidence from Africa across regions and income levels // “Renewable and Sustainable Energy Reviews”, 147, 2021. P.111233.
11. *Kabeyi M.J.B. and Olanrewaju O.* Sustainable energy transition for renewable and low carbon grid electricity generation and supply // “Frontiers in Energy research”, № 9, 2022. P.743114.
12. *Paramati S., Shahzad U. and Doğan B.* The role of environmental technology for energy demand and energy efficiency: Evidence from OECD countries // “Renewable and Sustainable Energy Reviews”, 153, 2022. P.111735.
13. *Zhdanov D. and Moldabeav K.* Trends of increasing energy efficiency: opportunities of renewable and traditional energy sectors // “Actual Probs. Econ. & L.”, 2020. P. 249.
14. *Karaeva A., Ionescu G., Cioca L.I., Tolkou A., Katsoyiannis I. and Kyzas G.* Environmental sustainability for traditional energy small and medium enterprises // “Environmental Science and Pollution Research”, № 30(16), 2023. PP. 47822–47831.
15. *Kumar M.* Social, economic, and environmental impacts of renewable energy resources // “Wind solar hybrid renewable energy system”, № 1, 2020.
16. *Osman A.I., Chen L., Yang M., Msigwa G., Farghali M., Fawzy S., Rooney D.W. and Yap P.S.* Cost, environmental impact, and resilience of renewable energy under a changing climate: a review // Environmental chemistry letters, № 21(2), 2023. PP.741–764.
17. *Paravanti J.A. and Kontoulis N.* Energy security and renewable energy: a geopolitical perspective. // Renewable energy-resources, challenges and applications. Intech Open, 2020.
18. *Cergibozan R.* Renewable energy sources as a solution for energy security risk: Empirical evidence from OECD countries // “Renewable Energy”, 183, 2022. PP. 617–626.

19. *Stavropoulos S. and Burger M.* Modelling strategy and net employment effects of renewable energy and energy efficiency: A meta-regression // *Energy Policy*, 136, 2020. P. 111047.
20. *Marks-Bielska R., Bielski S., Pik K. and Kurowska K.* The importance of renewable energy sources in Poland's energy mix // *Energies*, 13(18), 2020. P. 4624.
21. *Aleti S. and Hochman G.* Non-constant elasticity of substitution and intermittent renewable energy // "Agricultural and Resource Economics Review", 49(2), 2020. PP. 321–359.
22. *Марданов А.Р.* Возобновляемые источники энергии: материалы постоянно действующей Международной междисциплинарной научной конференции. Йошкар-Ола, 2013. Ч. 2. СС. 281–282.
23. *Moe E.* Vested interests, energy efficiency and renewables in Japan // "Energy Policy", 40, 2011. DOI: 10.1016/j.enpol.2011.09.070.
24. *Marques A. and Fuinhas J.* Is renewable energy effective in promoting growth? // "Energy Policy", 46, 2012. PP. 434–442. 10.1016/j.enpol.2012.04.006.
25. *Соснина Е.Н.* Экологические проблемы возобновляемых источников энергии / Е.Н. Соснина и др.; Министерство образования и науки Российской Федерации, Федеральное гос. бюдж. образов. учреждение высшего профес. образования «Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева», Павловский филиал НГТУ. Нижний Новгород: НГТУ им. Р.Е. Алексеева, 2014, 163с.
26. *Hafezi R. and Alipour M.* Renewable energy sources: Traditional and modern-age technologies. // *Affordable and clean energy*. Cham: "Springer International Publishing", 2021, PP. 1085–1099.
27. *Lins Ch., Murdoch H.* The Impact of Renewable Energy Technology on Global Energy Consumption Efficiency // *UN Chronicle*, 3. PP. 70–75 URL: <https://www.un.org/en/chronicle/article/impact-renewable-energy-technologies-global-energy-efficiency#:~:text=%5B5%5D%20The%20increased%20deployment%20of,25%20per%20cent%20by%202030>
28. IEA. (2023). *Energy Technology Perspectives 2023*. URL: <https://iea.blob.core.windows.net/assets/a86b480e-2b03-4e25-bae1-da1395e0b620/EnergyTechnologyPerspectives2023.pdf>
29. REN21. (2023). *RENEWABLES 2023 GLOBAL STATUS REPORT*. URL: https://www.ren21.net/wp-content/uploads/2019/05/GSR2023_GlobalOverview_Full_Report_with_endnotes_web.pdf

30. Борисова Ю.С., Самарская Н.С. Сравнительный анализ влияния объектов традиционной и альтернативной энергетики на окружающую среду // «Безопасность техногенных и природных систем», № (4), 2021. СС. 58–63.
31. Тишков С.В., Каргинова-Губинова В.В., Щербак А.П., Волков А.Д. Современные подходы в сфере развития возобновляемой энергетики // «Вопросы инновационной экономики», № 10 (1), 2020. СС. 387–396.
32. Batini N., Di Serio M., Fragetta M., Melina G., Waldron A. Building back better: How big are green spending multipliers? // “Ecological Economics”, 193, 2022. P. 107305.
33. IRENA (2022). World Energy Transitions Outlook 2022: 1.5°C Pathway. International Renewable Energy Agency, Abu Dhabi. / ISBN: 978-92-9260-429-5 URL: <https://www.irena.org/publications/2022/Mar/World-Energy-Transitions-Outlook-2022>
34. Watson N., Ashton L. Towards a Just Energy Transition: Nuclear Power Boasts Best Paid Jobs in Clean Energy Sector, 2022. URL: <https://www.iaea.org/newscenter/news/towards-a-just-energy-transition-nuclear-power-boasts-best-paid-jobs-in-clean-energy-sector>

REFERENCES

1. Stern D.I. Energy and economic growth // In Routledge handbook of Energy economics. Routledge, 2019. PP. 28-46.
2. Xue C., Shahbaz M., Ahmed Z., Ahmad M. and Sinha A. Clean energy consumption, economic growth, and environmental sustainability: what is the role of economic policy uncertainty? // “Renewable Energy”, 184, 2022. PP.899–907.
3. Brockway P., Sorrell S., Semieniuk G., Heun M. and Court V. Energy efficiency and economy-wide rebound effects: A review of the evidence and its implications // “Renewable and sustainable energy reviews”, 141, 2021. P.110781.
4. Maji I.K., Sulaiman C. and Abdul-Rahim A.S. Renewable energy consumption and economic growth nexus: A fresh evidence from West Africa // “Energy Reports”, № 5, 2019. PP. 384–392.
5. Khan I., Hou F., Zakari A. and Tawiah, V.K. The dynamic links among energy transitions, energy consumption, and sustainable economic growth: A novel framework for IEA countries // “Energy”, 222, 2021. P.119935.
6. Wang Q., Dong Z., Li R. and Wang L. Renewable energy and economic growth: New insight from country risks // “Energy”, 238, 2022. P.122018.

7. *Hieu V.M. and Mai N.H.* Impact of renewable energy on economic growth? Novel evidence from developing countries through MMQR estimations // "Environmental Science and Pollution Research", № 30(1), 2023. PP. 578–593.
8. *Solaymani S.* A review on energy and renewable energy policies in Iran // "Sustainability", 13 (13), 2021. P.7328.
9. *Okoye L., Omankhanlen A., Okoh J., Adeleye N., Ezeji F., Ezu G. and Ehikioya B.* Analyzing the energy consumption and economic growth nexus in Nigeria // "International Journal of Energy Economics and Policy", № 11(1), 2021. PP. 378–387.
10. *Namahoro J.P., Wu Q., Zhou N. and Xue S.* Impact of energy intensity, renewable energy, and economic growth on CO2 emissions: Evidence from Africa across regions and income levels // "Renewable and Sustainable Energy Reviews", 147, 2021. P.111233.
11. *Kabeyi M.J.B. and Olanrewaju O.A.* Sustainable energy transition for renewable and low carbon grid electricity generation and supply // "Frontiers in Energy research", № 9, 2022. P.743114.
12. *Paramati S.R., Shahzad U. and Doğan B.* The role of environmental technology for energy demand and energy efficiency: Evidence from OECD countries // "Renewable and Sustainable Energy Reviews", 153, 2022. P.111735.
13. *Zhdanov D.A. and Moldabeav K.T.* Trends of increasing energy efficiency: opportunities of renewable and traditional energy sectors // "Actual Probs". Econ. & L., 2020. P. 249.
14. *Karaeva A., Ionescu G., Cioca L.I., Tolkou A., Katsoyiannis I. and Kyzas G.* Environmental sustainability for traditional energy small and medium enterprises // "Environmental Science and Pollution Research", № 30(16), 2023. PP.47822-47831.
15. *Kumar M.* Social, economic, and environmental impacts of renewable energy resources // Wind solar hybrid renewable energy system, 1, 2020.
16. *Osman A.I., Chen L., Yang M., Msigwa G., Farghali M., Fawzy S., Rooney D.W. and Yap P.S.* Cost, environmental impact, and resilience of renewable energy under a changing climate: a review // "Environmental chemistry letters", 21(2), 2023. PP.741–764.
17. *Paravanti J.A. and Kontoulis N.* Energy security and renewable energy: a geopolitical perspective. // Renewable energy-resources, challenges and applications. IntechOpen, 2020.
18. *Cergibozan R.* Renewable energy sources as a solution for energy security risk: Empirical evidence from OECD countries // Renewable Energy, 183, 2022. PP. 617–626.

19. *Stavropoulos S. and Burger M.J.* Modelling strategy and net employment effects of renewable energy and energy efficiency: A meta-regression // *Energy Policy*, 136, 2020. P. 111047.
20. *Marks-Bielska R., Bielski S., Pik K. and Kurowska K.* The importance of renewable energy sources in Poland's energy mix // *"Energies"*, 13(18), 2020. P. 4624.
21. *Aleti S. and Hochman G.* Non-constant elasticity of substitution and intermittent renewable energy // *"Agricultural and Resource Economics Review"*, № 49 (2), 2020. PP. 321–359.
22. *Mardanov A.* Renewable energy sources: materials of the permanent International interdisciplinary scientific conference, Yoshkar-Ola, Part 2, 2013. PP. 281–282. (In Russian)
23. *Moe E.* Vested interests, energy efficiency and renewables in Japan // *"Energy Policy"*, 40, 2011. DOI: 10.1016/j.enpol.2011.09.070.
24. *Marques A. and Fuinhas J.* Is renewable energy effective in promoting growth? // *"Energy Policy"*, 46, 2012. PP. 434–442. 10.1016/j.enpol.2012.04.006.
25. *Sosnina E.* Environmental issues of renewable energy sources / E.N. Sosnina et al.; Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "R.E. Alekseev Nizhny Novgorod State Technical University", Pavlovsk branch of R.E. Alekseev NSTU. - Nizhny Novgorod: R.E. Alekseev NSTU, 2014, 163p. (In Russian)
26. *Hafezi R. and Alipour M.* Renewable energy sources: Traditional and modern-age technologies. // *Affordable and clean energy*. Cham: Springer International Publishing, 2021. PP. 1085–1099.
27. *Lins Ch., Murdoch H.* The Impact of Renewable Energy Technology on Global Energy Consumption Efficiency // *UN Chronicle*, 3. PP. 70–75 URL: <https://www.un.org/en/chronicle/article/impact-renewable-energy-technologies-global-energy-efficiency#:~:text=%5B5%5D%20The%20increased%20deployment%20of,25%20per%20cent%20by%202030>
28. IEA. (2023). *Energy Technology Perspectives 2023*. URL: <https://iea.blob.core.windows.net/assets/a86b480e-2b03-4e25-bae1-da1395e0b620/EnergyTechnologyPerspectives2023.pdf>
29. REN21. (2023). *RENEWABLES 2023 GLOBAL STATUS REPORT*. URL: https://www.ren21.net/wp-content/uploads/2019/05/GSR2023_GlobalOverview_Full_Report_with_endnotes_web.pdf
30. *Borisova Yu.S., Samarskaya N.* Comparative analysis of the impact of objects of traditional and alternative energy on the environment // *"Safety of Technogenic*

- and Natural Systems”, № 4, 2021. PP.58–63. <https://doi.org/10.23947/2541-9129-2021-4-58-63> (In Russian)
31. *Tishkov S., Karginova-Gubinova V., Shcherbak A., Volkov A.* Modern approaches in the field of renewable energy development // *Issues of Innovative Economics*, 10(1), 2020. PP. 387–396. (In Russian)
32. *Batini N., Di Serio M., Fragetta M., Melina G., Waldron A.* Building back better: How big are green spending multipliers? // “*Ecological Economics*”, 193, 2022. P. 107305.
33. IRENA (2022). *World Energy Transitions Outlook 2022: 1.5°C Pathway*. International Renewable Energy Agency, Abu Dhabi. / ISBN: 978-92-9260-429-5 URL: <https://www.irena.org/publications/2022/Mar/World-Energy-Transitions-Outlook-2022>
34. *Watson N., Ashton L.* Towards a Just Energy Transition: Nuclear Power Boasts Best Paid Jobs in Clean Energy Sector, 2022. URL: <https://www.iaea.org/newscenter/news/towards-a-just-energy-transition-nuclear-power-boasts-best-paid-jobs-in-clean-energy-sector>

THE IMPACT OF TRADITIONAL AND RENEWABLE ENERGY SOURCES ON THE ECONOMY: A CROSS-COUNTRY ANALYSIS

A. Galstyan¹, A. Harutyunyan², K. Torosyan³

*Russian-Armenian (Slavonic) University^{1,3}
National Polytechnic University of Armenia²*

ABSTRACT

In the modern world, the importance of the energy sector for economic growth and development is receiving increasing attention from science and public policy. Although traditional energy sources were the foundation for the industrialization of the economy for many decades, sustainable development and the green economy are now considered a priority. The current article is devoted to a comparative analysis of the impact of traditional and renewable energy sources on economic development in the context of sustainable growth using the example of 15 countries. The main objective of the study is to conduct a comparative analysis of the impact of traditional energy sources and renewable energy on the economy. The methodology of the study includes cross-country statistical analysis and econometric analysis. Within the framework of this study, three panel regression models were developed to assess the impact in the

following areas: Model 1 – The impact of consumption of different energy sources on GDP; Model 2 – The impact of electricity generation by type on GDP; Model 3 – The impact of energy intensity on GDP. The study results show that at the current stage, renewable energy sources (RES) do not have a significant positive impact on the country's GDP, and traditional sources still play a significant role. At the same time, there is excellent potential for RES as a factor in sustainable economic growth in the long term in the context of the transition to a green economy. The findings can be used in the development of energy strategies by governments, as well as for the development of investment strategies by various organizations.

Keywords: Energy sources, green economy, sustainable growth, economic development.

DOI 10.24412/1829-0450-2025-3-82-99
УДК 339.9

Поступила: 04.07.2025г.
Сдана на рецензию: 08.07.2025г.
Подписана к печати: 08.10.2025г.

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ БИЗНЕС-МОДЕЛЕЙ АРМЯНО-КИТАЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

В.Г. Абрамян¹, А.А. Арутюнян²

*Российско-Армянский (Славянский) университет
vahram.abrahamyan@rau.am, arman.har99@gmail.com
ORCID¹: 0000-0003-3408-599X, ORCID²: 0009-0009-6013-4223*

АННОТАЦИЯ

В данной статье речь идет о том, что в условиях глобальной турбулентности и цифровой трансформации международных отношений стратегическая трансформация бизнес-моделей приобретает особую значимость для малых государств, стремящихся к устойчивому экономическому позиционированию. Рассматриваются институциональные, цифровые и коэволюционные аспекты развития армяно-китайского экономического сотрудничества с акцентом на переход от транзакционных моделей к платформенно-экосистемным формам взаимодействия. На основе анализа текущего состояния двусторонних отношений и глобальных трендов в области трансформации бизнес-моделей предложена авторская концепция сопряженной архитектуры сотрудничества, включающая принципы цифровой интеграции, институциональной гибкости и проектной устойчивости. Представлены типологии современных и перспективных моделей, а также рекомендации по созданию цифровых платформ, центров стратегического развития и механизмов ESG-комплаенса. Научная новизна заключается в межуровневом подходе к переосмыслению роли бизнес-модели как инструмента коэволюционного развития партнерства в условиях асимметрии и нестабильности.

Ключевые слова: армяно-китайское сотрудничество, бизнес-модель, стратегическая трансформация, цифровая платформа, институциональная.

Формирующийся миропорядок, характеризующийся высокой степенью геоэкономической турбулентности, институциональной фрагментации и ускоренной цифровизацией, предопределяет необходимость переосмысления архитектуры международного экономического взаимодействия. В этих условиях особое значение приобретает стратегическое развитие двусторонних отношений между малыми странами и глобальными экономическими центрами силы. Армяно-китайское экономическое сотрудничество становится одним из таких региональных кейсов, в которых пересекаются интересы локального развития, трансграничной интеграции и адаптации к новым моделям глобализации.

На протяжении последних двух десятилетий взаимодействие Армении и Китая в экономической сфере развивалось преимущественно в рамках торгово-инвестиционной логики с акцентом на инфраструктурные и логистические проекты. В последние годы наблюдается поступательный рост торгово-экономических связей между этими странами. Так, по данным Национальной статистической службы Армении, товарооборот между странами увеличился с 484 млн долл. США в 2015 году [1] до более чем 1,3 млрд долл. США в 2023 году, при этом импорт из Китая в Армению стабильно превышает экспорт, формируя отрицательное сальдо двусторонней торговли. Основными статьями экспорта выступают алкогольная и агропродовольственная продукция, тогда как в структуре импорта преобладают промышленные товары, электроника и строительные материалы. Объем прямых китайских инвестиций в Армению за период 2015–2023 гг. оценивается в 100–120 млн долл. США, преимущественно в строительный сектор и сферу инфраструктуры, тогда как значимых обратных потоков капитала со стороны армянских компаний в КНР не зафиксировано. Несмотря на относительную скромность показателей, именно эта динамика подтверждает актуальность перехода от транзакционных схем к институционально и цифрово сопряженным бизнес-моделям, способным трансформировать количественный рост в качественные эффекты долгосрочного сотрудничества.

Важно отметить, что модели, лежащие в основе этой кооперации, в значительной степени повторяли шаблоны, характерные для сырьевой периферии и транзитных маршрутов без глубокой институциональной и технологической интеграции. Такой подход, при всех его краткосрочных преимуществах, оказался малоустойчивым в условиях усложнения глобальных рисков, трансформации производственных цепочек и роста требований к цифровой и ESG-совместимости партнёрств.

Современные вызовы – от геополитического давления и санкционных режимов до смены парадигмы глобального спроса – требуют не просто адаптации, а стратегического сдвига в логике построения бизнес-моделей, лежащих в основе армяно-китайского сотрудничества. Речь идёт о переходе от фрагментарного и транзакционного взаимодействия к институционально устойчивым, цифрово насыщенным и инновационно-ориентированным форматам партнерства. В этой связи наблюдается острый дефицит научно обоснованных концепций трансформации бизнес-моделей на региональном уровне, способных учитывать специфику малого государства в асимметричных отношениях с глобальным актором.

Дополнительным фактором актуализации темы является усиливающееся противоречие между нарастающей технологической мощью Китая как производителя и экспортера платформенных решений и институциональной уязвимостью стран-партнёров, не обладающих механизмами быстрой адаптации к цифровым и ESG-требованиям. В случае с Арменией это выражается в слабой включенности в глобальные цепочки создания стоимости, ограниченном доступе к высокотехнологичному обмену и фрагментарности нормативной базы, регулирующей трансграничные проекты.

Целью настоящего исследования становится выявление направлений и принципов стратегической трансформации бизнес-моделей армяно-китайского экономического сотрудничества с опорой на современные теории международной кооперации, институционального развития и цифровой трансформации. Особое внимание уделяется теоретико-методологическому осмыслению предпосылок и ограничений,

а также разработке авторской концепции, учитывающей асимметричность сторон, институциональную дивергенцию и необходимость сближения управленческих стандартов.

Теоретическая платформа настоящего исследования строится на междисциплинарной интеграции концептов стратегического управления, институциональной экономики и теории международного бизнес-взаимодействия, что обусловлено сложной природой армяно-китайского экономического сотрудничества как феномена на стыке геоэкономики, цифровизации и культурной асимметрии. В качестве методологической базы используется аналитическая парадигма, в которой бизнес-модель рассматривается не как статичная конструкция, а как динамический инструмент институциональной адаптации и стратегического позиционирования в глобальной системе ценностей и потоков.

Ключевым элементом методологического аппарата выступает концепция бизнес-модели в её стратегическом измерении, разработанная в трудах Остервальдера, Тиса и Зотта, где акцент смещается с описания внутренних процессов на выявление механизмов создания, доставки и удержания ценности в условиях турбулентной внешней среды. Такая трактовка позволяет рассматривать трансформацию бизнес-моделей как результат реактивной и проактивной адаптации к изменениям в макросреде, включая институциональные, технологические и культурные параметры. Для целей исследования особое значение приобретают категории платформизации, гибридизации и экосистемности как форм эволюции модели кооперации [2].

Дополнительную глубину анализу придает применение теории глобальных цепочек добавленной стоимости (Global Value Chains, GVC), разработанной Г. Джереффи и его школой. Эта теория позволяет декомпозировать международное сотрудничество на функциональные узлы — от проектирования до послепродажного сервиса — и выявить степень включённости каждого партнёра в глобальную архитектуру создания стоимости. В армяно-китайском кейсе такая перспектива позволяет выявить институциональные пробелы, технологические ограничения и управленческие барьеры, препятствующие включению Армении в стратегические сегменты китайских GVC [3].

Методологически оправданным представляется использование институционального подхода в духе Д. Норта и О. Уильямсона, трактующего экономическое взаимодействие как игру с множественными правилами, где устойчивость и эффективность кооперации зависят от соответствия формальных и неформальных институтов. Армяно-китайское сотрудничество демонстрирует высокую степень институциональной асимметрии, проявляющуюся как в правовой плоскости (нормативная несовместимость), так и в управленческой культуре, что требует от бизнес-модели способности к гибридизации и самонастройке [4].

В качестве аналитических инструментов используются методы содержательного и структурного анализа действующих соглашений, кейс-анализ успешных и неудачных проектов армяно-китайского взаимодействия, а также элементы компаративного анализа с другими странами-партнерами Китая в Евразии. Наряду с этим применяется категориальный аппарат теории устойчивого развития (ESG) и цифровой зрелости, позволяющий оценить не только экономическую эффективность, но и институциональную устойчивость трансформируемых моделей [5].

Таким образом, исследование опирается на комплексную методологическую схему, в которой трансформация бизнес-моделей рассматривается как многоуровневый и многофакторный процесс, требующий учета институционального контекста, стратегической антиципации, цифровой инфраструктуры и культурной конвергенции. Это позволяет перейти от описательной фиксации кооперативных практик к выработке прогностически обоснованных моделей их стратегической перестройки в интересах устойчивого экономического взаимодействия.

На сегодняшний день экономическое сотрудничество между Арменией и Китаем носит преимущественно фрагментарный и неструктурированный характер, не выходящий за рамки базовых торговых и инвестиционных потоков. Несмотря на формальное наличие межправительственных соглашений и членство Армении в инициативе «Один пояс – один путь», фактический уровень институциональной и техно-

логической интеграции остается низким. Вектор двустороннего взаимодействия по-прежнему ориентирован на традиционные сектора – логистику, строительство, сырьевые ресурсы и ритейл – без создания устойчивых совместных бизнес-моделей с высоким уровнем добавленной стоимости.

Среди относительно активных направлений можно выделить экспорт армянской агропродукции и алкогольной продукции в Китай, а также участие китайских подрядчиков в строительных проектах на территории Армении. Однако данные форматы взаимодействия в значительной мере зависят от внешнеэкономической конъюнктуры и не обладают системным характером. Отсутствует четко институционализированная платформа, регулирующая бизнес-коммуникации, цифровой документооборот, систему двустороннего комплаенса и механизм долгосрочного софинансирования проектов [6].

Серьезным ограничением выступает несопоставимость масштабов и стратегических амбиций партнёров. Китайские компании, в том числе входящие в структуру национальных корпораций, ориентированы на мегапроекты и требуют высокой степени прозрачности, политических гарантий и инфраструктурной готовности. Армения, в свою очередь, обладает ограниченными ресурсами и испытывает институциональные сложности в формировании сквозной модели сопровождения инвестора, что сдерживает приход капитала в инновационные и высокотехнологичные сферы.

Показательным является тот факт, что в ИТ-секторе – одном из немногих конкурентных сегментов армянской экономики – практически отсутствует системное китайское присутствие. Образовательные и инновационные обмены, при всем потенциале научно-образовательной базы Армении, развиты точечно и вне контекста долгосрочной стратегии. Отдельные примеры (совместные стартапы, конференции, инвестиционные визиты) не формируют устойчивой рамочной инфраструктуры взаимодействия.

В результате, складывается ситуация институционального вакуума, при которой фактические потоки капитала и товаров не сопро-

вождаются соответствующими бизнес-моделями, способными к адаптации и масштабированию. Преобладают транзакционные схемы, основанные на краткосрочных выгодах, что делает армяно-китайское сотрудничество уязвимым к внешнеполитическим и макроэкономическим колебаниям. Отсутствие механизмов трансграничной проектной устойчивости, цифровой совместимости и институциональной рефлексивности ограничивает возможности перехода к кооперации следующего уровня [7].

Таблица 1.

Типология текущих форм армяно-китайского сотрудничества

Направление	Тип взаимодействия	Характеристика модели	Основные барьеры	Уровень устойчивости
Торговля агропродукцией	Экспортно-импортная	Простая товарная модель	Ограниченные объемы, логистика	Низкий
Строительство	Проектное подрядание	Китайская сторона как подрядчик	Отсутствие совместного управления, зависимость от госзаказа	Средний
Логистика	Транзитная схема	Инфраструктура на территории Армении	Низкий уровень сопряжения с китайскими коридорами	Средний
Технологии и ИТ	Отсутствует	Потенциал не реализован	Отсутствие двусторонних платформ	Низкий
Образование и R&D	Партнёрские инициативы	Эпизодические обмены и меморандумы	Нет долгосрочного финансирования	Низкий

Источник: составлено авторами.

Предложенная в Табл. 1 типология демонстрирует, что действующие модели взаимодействия не соответствуют требованиям страте-

гической трансформации. Основными дефицитами остаются институциональная стабильность, цифровая связность и проектная координация. Необходим переход от транзакционных моделей к экосистемным, с фокусом на совместное развитие, инновационную специализацию и институциональную сопряжённость.

В условиях нарастающей геоэкономической фрагментации, цифровой трансформации и роста нормативной плотности на международных рынках наблюдается качественное переосмысление концепта бизнес-модели как инструмента стратегического позиционирования. Глобальные акторы, включая транснациональные корпорации, региональные союзы и государственные агентства, переходят от иерархически организованных линейных структур к экосистемным и платформенным моделям, предполагающим гибкую координацию, распределённую ответственность и способность к интеграции в мультиинституциональную среду. Такой сдвиг носит не только технологический, но и институциональный характер, формируя новую норму глобального сотрудничества.

Одним из центральных трендов последних лет является рост роли цифровых платформ как инфраструктурных основ для формирования новых форм взаимодействия. Отдельные кейсы в Восточной и Юго-Восточной Азии демонстрируют, что экономическое сотрудничество, встроенное в логики цифровой логистики, умной сертификации и API-согласования данных, обладает существенно большей устойчивостью и адаптивностью, чем классические контрактоориентированные подходы. При этом платформа не ограничивается лишь технологической оболочкой, а выступает как носитель нормативных, управленческих и поведенческих кодов взаимодействия [8].

Не менее важным направлением трансформации является институционализация устойчивости – как через ESG-архитектуру, так и через внедрение стандартов цифрового соответствия. Современные партнерства вынуждены учитывать не только коммерческую логику, но и экологические, социальные и управленческие параметры. Это особенно актуально в рамках отношений с Китаем, где государствен-

ный капитализм сочетается с высокоцентрализованным регулированием и стратегическим программированием. Успешная кооперация требует от партнеров соответствующей институциональной гибкости и способности к согласованию процедур.

На передний план выходит также концепт коэволюции – динамического взаимодействия бизнес-моделей, в ходе которого происходит не просто взаимная адаптация, но и совместная генерация новых форм и правил. В этой логике экономическое сотрудничество становится процессом непрерывного соразвития, где критическую роль играет наличие общих ценностных установок, цифровой совместимости и институтов консенсуса. Именно такой подход обеспечивает трансграничной кооперации устойчивость к экзогенным шокам и способность к синхронному обновлению.

В контексте армяно-китайского трека все перечисленные тенденции обнаруживают как потенциальную релевантность, так и значительные барьеры к применению. Армения пока не обладает зрелой цифровой инфраструктурой, необходимой для создания платформенных моделей, и в ее институциональной среде отсутствуют отлаженные механизмы ESG-комплаенса. Однако на стороне потенциала выступает компактность экономической системы, высокая мобильность ИТ-сектора и наличие культурного капитала в виде проактивного малого бизнеса и ориентированных на экспорт производств [9].

Таким образом, стратегический выбор для армяно-китайского сотрудничества заключается не в механическом заимствовании глобальных моделей, а в их адаптации к локальным условиям с опорой на принципы цифровой сопряженности, институциональной согласованности и коэволюционной устойчивости. Переход к новым бизнес-моделям требует не столько внешнего импорта технологий и капитала, сколько создания общего институционального языка взаимодействия, где ключевыми параметрами становятся доверие, предсказуемость и способность к адаптивному реагированию.

На основании выявленных институциональных ограничений и глобальных трансформационных трендов формируется авторская концепция стратегической трансформации бизнес-моделей армяно-

китайского экономического сотрудничества, основанная на переходе от транзакционной логики к экосистемному подходу. В центре этой модели лежит необходимость создания институционально сопряженной и цифрово насыщенной среды, обеспечивающей возможность синхронного развития, обмена ценностью и устойчивого роста в условиях асимметричных возможностей и масштабов.

В отличие от существующих моделей, базирующихся на линейной логике «товар-деньги-услуга», предлагаемая концепция предполагает формирование кросс-секторальных цифровых платформ взаимодействия, в рамках которых обе стороны выступают не только как производители и потребители, но и как соавторы общих стандартов, практик и управленческих моделей. Это требует кардинального пересмотра роли государства, которое должно стать не оператором, а фасилитатором кооперативного проектирования.

Центральными принципами предлагаемой трансформации являются: цифровая сопряженность как условие синхронности процессов (логистика, контракты, сертификация);

- ✓ институциональная совместимость как фактор снижения транзакционных издержек;
- ✓ равноправие в генерации ценности через механизмы совместного владения данными, интеллектуальной собственностью и результатами инноваций;
- ✓ проектная устойчивость через внедрение ESG-фильтров, механизмов долгосрочного сопровождения и риск-менеджмента.

Для операционализации этих принципов предлагается авторская типология трансформированных бизнес-моделей, сгруппированных по степени зрелости, форме институциональной организации и ожидаемому эффекту на устойчивость двустороннего сотрудничества.

Таблица 2.

**Типология трансформируемых бизнес-моделей
в армяно-китайском сотрудничестве**

Тип модели	Характеристика	Международные примеры	Применимость для Армении	Авторские рекомендации
Платформенно-сервисная	Создание B2B-платформы для логистики, закупок, взаиморасчётов с интеграцией API и облачных решений	Alibaba (Китай), Amazon Business (США)	Ограниченная инфраструктурная готовность, но высокий потенциал в ИТ-секторе	Разработать пилотную логистическую платформу ArmBusinessLink с китайскими партнёрами и интеграцией МСБ
Проектно-экосистемная	Совместные кластеры R&D, стартап-инкубаторы и акселераторы, поддержка венчурного капитала	Huawei Innovation Labs (Китай), Astana Hub (Казахстан)	Есть кадровый потенциал в ИТ и инженерных науках, но дефицит венчурного финансирования	Создать совместный фонд акселерации стартапов, интегрированный в инициативу «Один пояс – один путь»
Цифрово-инфраструктурная	Smart-инфраструктура: транспорт, энергетика, таможня, использование IoT и цифровых двойников	Shenzhen Smart Port (Китай), «Умные города» в Сингапуре	Критическая зависимость от внешних инвестиций и госгарантий	Приоритетно развивать цифровизацию таможенных процедур и логистических узлов с китайским софинансированием
Образовательно-инновационная	Совместные университетские программы, двуязычные кампусы, онлайн-академии	Кэмбридж-Наньянский альянс (Сингапур), Nazarbayev University (Казахстан)	Высокий научный потенциал, но слабая интеграция в китайскую академическую среду	Создать совместную армяно-китайскую цифровую академию с акцентом на ИТ и прикладные науки

Координационно-ESG	Совместные центры ESG-комплаенса, аудит и стандартизация проектов	UN Global Compact (международ.), ESG-центры в Чехии и Сербии	Отсутствуют национальные ESG-стандарты, низкая правоприменительная практика	Учредить двусторонний центр ESG-комплаенса с функциями сертификации, мониторинга и подготовки специалистов
--------------------	---	--	---	--

Источник: составлено авторами.

Внедрение этих моделей требует не только институционального решения, но и смены ментальной рамки – от восприятия партнера как поставщика или заказчика к восприятию как креативного участника совместной эволюции. Именно такой подход позволяет армяно-китайскому взаимодействию перейти в разряд устойчивых, стратегически синхронизированных экономических партнерств, способных к мультипликативному росту и формированию новых стандартов в Евразийском регионе.

Внедрение предложенной модели трансформации бизнес-моделей армяно-китайского экономического сотрудничества требует институциональной, цифровой и управленческой интервенции, направленной на устранение текущих разрывов и запуск механизмов коэволюционного развития. Речь идет не об абстрактной интеграции, а о построении инфраструктуры сопряженности – в цифровом, нормативном и организационном измерениях.

Первым шагом выступает создание двусторонней цифровой платформы сопряжения бизнес-процессов, включающей модули логистики, сертификации, контрактного учета, отчетности и ESG-мониторинга. Такая платформа должна стать операционной основой нового уровня сотрудничества, заменяя разрозненные и несовместимые каналы взаимодействия системой стандартизированных API-интерфейсов. При этом её архитектура должна учитывать масштабируемость, юридическую защиту данных и включение малых и средних предприятий с обеих сторон.

Вторым направлением представляется институционализация совместного центра стратегического развития, выполняющего функции проектного офиса, think tank'a и мониторингового органа. Этот центр должен формировать приоритеты партнёрства, координировать инвестпрограммы, вырабатывать нормативные предложения по гармонизации стандартов и сопровождать трансграничные проекты на всех этапах жизненного цикла. Его структура предполагает участие представителей деловых сообществ, профильных министерств, исследовательских учреждений и цифровых операторов.

Третьим ключевым шагом является заключение рамочного соглашения о цифровой совместимости и институциональной рефлексивности, предусматривающего создание механизмов soft-law согласования – процедур добровольной стандартизации, ускоренного разрешения споров, гибких регламентов и механизмов обратной связи. В условиях правовой дивергенции такое соглашение может стать основой гибридной нормативности, опирающейся на принципы совместной ответственности и стратегической транспарентности.

Отдельную роль должна играть создаваемая система совместных проектных акселераторов и венчурных фондов, ориентированных на поддержку высокорисковых, но потенциально прорывных инициатив. Эти структуры, действуя на стыке государства, бизнеса и науки, способны компенсировать институциональную инерцию и ускорить развитие модели «двойного домицилия» – когда проекты одновременно получают юридическую, технологическую и инвестиционную поддержку с обеих сторон.

Наконец, необходима разработка и внедрение двусторонней системы ESG-оценки проектов, включая цифровую отчетность, открытые реестры устойчивости, сквозной аудит цепочек и репутационную сертификацию. Это обеспечит соответствие глобальным ожиданиям устойчивого развития и повысит инвестиционную привлекательность кооперации, особенно в контексте международных партнерств и участия в глобальных фондах зелёного финансирования.

Таким образом, реализация предложенной модели требует не универсальных решений, а контекстно-чувствительной архитектуры

институционального сопряжения, построенной на доверии, цифровой взаимопонимаемости и способности обеих сторон к соразвитию. Только в этом случае армяно-китайское сотрудничество может выйти за рамки формальной торговли и превратиться в стратегически устойчивую экосистему совместного будущего.

Проведённое исследование позволило обоснованно утверждать, что действующая модель армяно-китайского экономического сотрудничества не соответствует требованиям современной мировой экономической архитектуры, базирующейся на экосистемной логике, цифровой сопряженности и институциональной устойчивости. Развитие двусторонних отношений в прежних форматах, ориентированных преимущественно на транзакционные и инфраструктурные схемы, ограничивает потенциал стратегической синхронизации и исключает возможность устойчивой интеграции Армении в высокотехнологичные цепочки создания стоимости.

Анализ глобальных трендов трансформации бизнес-моделей, включая рост платформенных структур, ESG-комплаенса и цифровой козволюции, показал их релевантность даже для стран с малым экономическим объемом, при наличии политической воли, институциональной гибкости и предпринимательской среды. В этом контексте Армения может не только адаптироваться, но и предложить собственные гибридные форматы, учитывающие локальную специфику и открытость к институциональному эксперименту. Ключевым условием является переход от фрагментарных инициатив к системному проектированию трансформированных бизнес-моделей в рамках общего цифрового и нормативного поля.

Научная новизна представленного подхода заключается в выдвижении концепции стратегической трансформации бизнес-моделей в формате платформенно-институционального сопряжения, где приоритетом становится не масштаб, а архитектурная совместимость и управленческая рефлексивность. Предложенная типология моделей сотрудничества, опирающаяся на степень цифровой зрелости, форму институциональной реализации и устойчивость к экзогенным шокам, может быть использована в качестве базиса для прикладного проектирования

и экспертной оценки перспективных инициатив в рамках двусторонней повестки.

Сформулированная авторская позиция исходит из того, что устойчивое и стратегически выверенное армяно-китайское партнерство возможно только при условии синхронного развития цифровых платформ, механизмов комплаенса, совместных инновационных экосистем и институционально подкрепленных форм координации. Это требует переосмысления роли государства, диверсификации акторов сотрудничества и перехода к модели адаптивного соразвития, где обе стороны выступают не как сильный и слабый, а как взаимодополняющие участники единой архитектуры будущего.

Прикладное значение проведённого исследования проявляется в возможности институционализировать новые форматы армяно-китайского сотрудничества через последовательное внедрение цифровых и организационных инструментов. В краткосрочной перспективе целесообразно создание двусторонней цифровой платформы сопряжения бизнес-процессов, которая обеспечит сквозную интеграцию в сфере логистики, контрактного учета, сертификации и ESG-мониторинга. Такая платформа должна стать основой для снижения транзакционных издержек и повышения доверия между компаниями двух стран. Одновременно требуется формирование совместного проектного офиса, выполняющего функции стратегического центра развития, мониторинга и нормативного сопровождения двусторонних инициатив, что позволит обеспечить устойчивость и согласованность реализуемых проектов.

В среднесрочной перспективе ключевым направлением выступает развитие инновационно-образовательной и ESG-координационной модели взаимодействия. Для Армении это означает необходимость запуска двуязычной академии и исследовательских лабораторий с китайскими партнерами, ориентированных на подготовку специалистов в области цифровых технологий и устойчивого развития. Внедрение совместной системы ESG-сертификации и аудита позволит повысить инвестиционную привлекательность страны и интегрировать ее в международные цепочки зелёного финансирования. Сочетание

этих инструментов формирует основу для перехода от транзакционных схем к экосистемной модели сотрудничества, в рамках которой Армения сможет усилить собственную субъектность и превратить асимметричное взаимодействие в стратегически устойчивое партнёрство.

Таким образом, стратегическая трансформация бизнес-моделей армяно-китайского экономического взаимодействия является не просто инструментом углубления партнёрства, но и предпосылкой для повышения субъектности Армении в глобальных экономических процессах, где способность к институциональному изобретательству, цифровой гибкости и управленческой прозрачности становится новой формой конкурентного преимущества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Всемирный банк. Армения и инициатива Китая «Один пояс – один путь»: страновой кейс. Вашингтон: Всемирный банк, 2020, 38с.
2. *Тис Д. Дж.* Бизнес-модели и динамические способности // “Long Range Planning” № 1. Т. 51, 2018. СС. 40–49.
3. *Гиреффи Г.* Глобальные производственные цепочки и международная политика развития: возвращение компаний, сетей и ориентированных на политику исследований // “Journal of International Business Policy”, № 3. Т. 2. 2019. СС. 195–210.
4. *Норт Д.С.* Институты, институциональные изменения и экономические показатели. Кембридж: Изд-во Кембриджского университета, 1990. 229с.
5. *Бояджян М.* Экономическое сотрудничество Армении и Китая: возможности и ожидания // Ер.: «Центр Орбели», 2025.
6. *Рид Т., Трубецкой О.* Армения и инициатива Китая «Один пояс – один путь»: упущенные возможности и перспективы // Российский совет по международным делам (РСМД). М., 2022.
7. *Тис Д. Дж.* Бизнес-модели и динамические способности // “Long Range Planning”, № 1. Т. 51, 2018. СС. 40–49.
8. *Паркер Г., Ван Алстайн М., Чоудари С.П.* Революция платформ: как сетевые рынки трансформируют экономику. Нью-Йорк: W. W. Norton & Company, 2016, 352с.
9. Армения в инициативе «Один пояс – один путь» // EVN Report / Институт SALT. Ер., 2019.

REFERENCES

1. World Bank. Armenia and China's Belt and Road Initiative: Country Case Study. Washington: The World Bank, 2020, 38p.
2. Teece D.J. Business Models and Dynamic Capabilities // "Long Range Planning", No. 1, Vol. 51, 2018. PP. 40–49.
3. Gereffi G. Global Value Chains and International Development Policy: Bringing Firms, Networks and Policy-Engaged Scholarship Back // In "Journal of International Business Policy", No. 3, Vol. 2, 2019. PP. 195–210.
4. North D. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 229p.
5. Boyajyan M. Armenia-China Economic Cooperation: Opportunities and Expectations // Yer.: "Orbeli Center". 2025.
6. Reed T., Trubetskoy O. Armenia and China's Belt and Road Initiative: Lost Opportunities and Future Prospects // Russian International Affairs Council (RIAC). Moscow, 2022.
7. Teece D. Business Models and Dynamic Capabilities // "Long Range Planning", No. 1, Vol. 51, 2018. PP. 40–49.
8. Parker G., Van Alstyne M., Choudary S.P. Platform Revolution: How Networked Markets Are Transforming the Economy. New York: W. W. Norton & Company, 2016, 352p.
9. Armenia in the Belt and Road Initiative // EVN Report / SALT Institute. Yer., 2019.

STRATEGIC TRANSFORMATION OF BUSINESS MODELS IN ARMENIA-CHINA ECONOMIC COOPERATION

V. Abramyan, A. Arutyunyan

Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

In the context of global turbulence and the digital transformation of international relations, the strategic transformation of business models acquires particular importance for small states seeking sustainable economic positioning. This article examines institutional, digital, and co-evolutionary aspects of the development of Armenia–China economic cooperation, with a focus on the shift from transactional

models to platform-based ecosystem forms of interaction. Based on an analysis of the current state of bilateral relations and global trends in business model transformation, the authors propose a novel concept of a coupled cooperation architecture, incorporating principles of digital integration, institutional flexibility, and project sustainability. The article presents typologies of current and prospective models, along with recommendations for the development of digital platforms, strategic development centers, and ESG compliance mechanisms. The scientific novelty lies in a multi-level approach to rethinking the business model as a tool for the co-evolutionary development of partnerships under conditions of asymmetry and instability.

Keywords: Armenia-China cooperation, business model, strategic transformation, digital platform, institutional.

DOI 10.24412/1829-0450-2025-3-100-118
УДК 338.12

Поступила: 11.07.2025г.
Сдана на рецензию: 12.07.2025г.
Подписана к печати: 20.07.2025г.

IMPACT OF RECENT GEOPOLITICAL SHOCKS ON POTENTIAL GROWTH IN ARMENIA AND OTHER COUNTRIES IN THE REGION

G. Petrosyan

Russian-Armenian (Slavonic) University
garik.petrosyan@hotmail.com
ORCID: 0000-0002-4711-7615

ABSTRACT

This study examines the effects of recent geopolitical shocks on the potential economic growth and structural adjustments in Armenia and selected countries in the South Caucasus and Central Asia. It employs a comparative methodology using the Hodrick–Prescott filter to estimate potential GDP and output gaps, distinguishing cyclical fluctuations from structural economic changes. The research discusses various transmission channels including trade flows, financial sector developments, and migration dynamics. The analysis identifies significant short-term growth enhancements in Armenia and, to a lesser extent, Georgia, with some positive effects on potential growth rates and also highlights the structural limitations of other countries. The findings emphasize the importance of institutional readiness and policy reforms to sustain short-term high growth gains and to convert temporary economic boosts into durable structural improvements.

Keywords: potential GDP, output gap, geopolitical shocks, structural changes, Armenia, economic growth.

Introduction

In recent years, the global economy has experienced a series of severe and overlapping shocks, among which the Russia–Ukraine military conflict

has emerged as a particularly disruptive geopolitical event. For Armenia and other economies in the region the conflict has significantly altered trade patterns, financial flows, migration dynamics, and broader macroeconomic trajectories. These disruptions have raised fundamental questions regarding the resilience and directions of long-term economic growth in the region, particularly concerning changes in potential output and structural growth capacity. Understanding the evolving dynamics of potential GDP in the face of such exogenous shocks is crucial not only for assessing macroeconomic stability but also for designing forward-looking fiscal and structural policies.

The relevance of this issue is underscored by Armenia's unexpected and rapid economic expansion in 2022, driven largely by conflict-induced inflows of capital, labor, and business relocations from Russia. While these developments temporarily boosted real GDP growth, they also complicated the task of distinguishing between cyclical surges and genuine improvements in long-term productive capacity. Policymakers face the challenge of determining whether recent growth reflects a transitory rebound or a structural transformation that raises the economy's potential output.

A growing body of research has attempted to analyze the economic effects of the Russia–Ukraine conflict on countries in Eastern Europe and Central Asia. Gourinchas et al. (2022) [1], through a global macroeconomic lens, highlight disruptions in supply chains and commodity markets that have affected small open economies disproportionately. Region-specific analyses, such as those by Bems and Johnson (2022) [2] and the World Bank (2023) [3], point to a sharp increase in Armenia's economic activity linked to the relocation of Russian citizens and firms. These shifts have had profound short-term effects on sectors such as financial services, IT, and real estate, raising important questions about their long-term sustainability. Meanwhile, Guriev and Treisman (2022) [4] explore the possibility of lasting productivity gains through the absorption of skilled migrants, a factor particularly relevant to Armenia's human capital profile.

Despite these insights, a gap remains in the empirical assessment of how these geopolitical shocks have affected potential output across

countries in the region. While studies like those of Blagrove et al. (2015) [5] and Alichí et al. (2017) [6] provide robust methods for estimating potential GDP using multivariate filters and production functions, few studies have applied these frameworks in a comparative, cross-country context specifically tailored to the post-2022 environment. Moreover, the literature on Central Asia (Dabrowski & Domínguez-Jiménez, 2023) [7] and the Eurasian Economic Union (Vinokurov & Libman, 2022) [8] raises concerns about over-reliance on Russian economic linkages, but does not fully explore how this exposure translates into long-term growth prospects.

The goal of this study is to assess the impact of recent geopolitical shocks, particularly the Russia–Ukraine conflict, on the potential economic growth of Armenia and selected countries in the South Caucasus and Central Asia. This is achieved by estimating potential GDP and output gaps using a variety of methods, including linear trends, statistical filters, and production function approaches. Through a comparative analysis of estimation results, the study aims to identify whether observed economic expansions represent genuine structural shifts or temporary deviations from trend.

The central hypothesis of this research is that while the geopolitical shock has introduced significant short-term volatility, it has also triggered structural realignments – particularly in Armenia – that could raise potential growth in the medium term. However, this potential is unevenly distributed across countries and is contingent upon institutional readiness, absorptive capacity, and policy responses.

Methodology and data

This study investigates the dynamics of potential GDP and output gaps in Armenia and selected comparator countries in the South Caucasus and Central Asia in light of recent geopolitical shocks, with particular focus on the aftermath of the Russia–Ukraine conflict. In the course of the research, three standard approaches to estimating potential output were considered: (1) linear trend extrapolation, (2) statistical filtering techniques, and (3) the production function approach. Each of these methodologies

offers a distinct conceptual lens and operational trade-offs, which are briefly described below to frame the methodological choices made in this study.

The linear trend method involves fitting a deterministic trend to historical real GDP data and assumes a stable long-term growth path unaffected by structural shifts. While simple and transparent, this method is limited in its ability to capture recent or abrupt changes in growth dynamics, making it less suitable for periods marked by overlapping shocks. The production function approach, in contrast, offers a more theoretically grounded framework by modeling potential output as a function of capital, labor, and total factor productivity (TFP). Although widely used, this method presents substantial implementation challenges in data-constrained contexts. Specifically, reliable and consistent estimates of the capital stock, labor quality, and productivity trends are often lacking for many of the countries in the region. Additionally, estimating unobservable components such as TFP and the non-accelerating inflation rate of unemployment (NAIRU) typically involves strong assumptions and complex modeling choices, which introduce further uncertainty.

Given these constraints, this study adopts the Hodrick–Prescott (HP) filter as the primary tool for estimating potential GDP. The HP filter is a widely used statistical method introduced by Hodrick and Prescott (1997) [9], which decomposes real GDP into trend and cyclical components by minimizing the squared deviations from the trend, while penalizing variability in the trend's growth rate. This method offers a pragmatic balance between simplicity and robustness, particularly in cross-country comparisons where data quality and availability vary. However, the HP filter is not without limitations: it is known to suffer from endpoint bias, particularly at the end of the sample, and lacks an explicit economic interpretation. Despite these limitations, its ease of application and broad use in policy analysis make it a suitable choice for the scope and comparative nature of this study.

The analysis includes Armenia and six regional comparator countries – Georgia, Azerbaijan, Kazakhstan, Kyrgyz Republic, Turkey, and Uzbekistan – selected based on geographic proximity, economic interconnectedness, and data availability. For each country, potential output

is estimated using seasonally adjusted real GDP series, with a focus on identifying deviations from long-term trends over two sub-periods: the pre-shock baseline (2010–2019) and the post-shock phase (2020–2023). Output gaps are calculated as the percentage difference between actual and trend output, where positive gaps indicate temporary above-potential performance, and negative gaps reflect slack or underutilization of capacity.

While this paper relies exclusively on the HP filter for estimation, future iterations of the research aim to incorporate the alternative methods discussed above. Integrating production function models and linear trends as well as considering structural methods will enhance the analytical depth and allow for cross-validation of results, particularly in identifying the sources and sustainability of recent growth dynamics in the region.

Results and discussion

A key set of transmission channels through which recent geopolitical shocks have affected Armenia and neighboring economies includes shifts in trade patterns, capital flows, labor migration, and consequently sectoral developments. The reorientation of external trade has been one of the most immediate and visible consequences. With sanctions constraining Russia's access to many Western goods and services, Armenia experienced a sharp increase in exports, particularly re-exports of consumer electronics, vehicles, and other high-demand goods. This sudden surge contributed significantly to the acceleration of real GDP growth in 2022. However, the nature of this growth raises concerns about its structural durability. Much of the trade expansion has been opportunistic, driven by temporary geopolitical dislocations, and dependent on Armenia's role as an intermediary rather than a producer. Therefore, while the short-term output gains are evident, their contribution to potential GDP remains ambiguous unless they are accompanied by domestic capacity building and longer-term trade diversification.

In parallel, the region witnessed notable shifts in financial flows, with Armenia becoming a destination for Russian capital, particularly in the form of bank deposits, real estate investment, and increased foreign exchange transactions. These flows have had an immediate positive impact on the

financial system, reflected in improved liquidity conditions, a strengthening of the national currency, and heightened activity in banking and housing markets. Yet, a significant portion of these inflows appears to be precautionary or speculative rather than directed toward long-term investment in productive capital. Without mechanisms to channel this liquidity into innovation, infrastructure, or industrial upgrading, the impact on potential output is likely to be limited or transient. Moreover, this dependence on externally driven financial dynamics introduces vulnerabilities, especially if the geopolitical environment shifts or sanctions regimes are restructured.

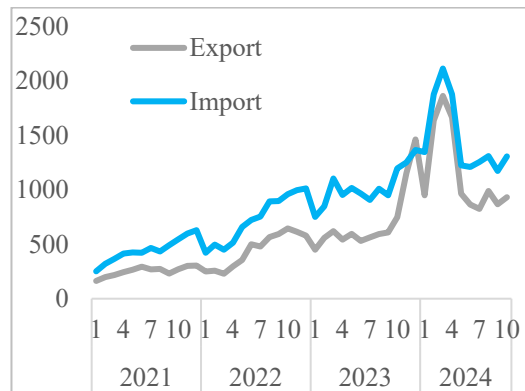

Figure 1. Monthly Export and Import Trends in Armenia (Million USD).
Source: Statistics Committee of RA.

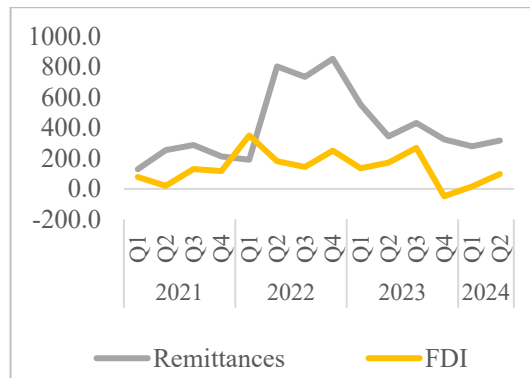
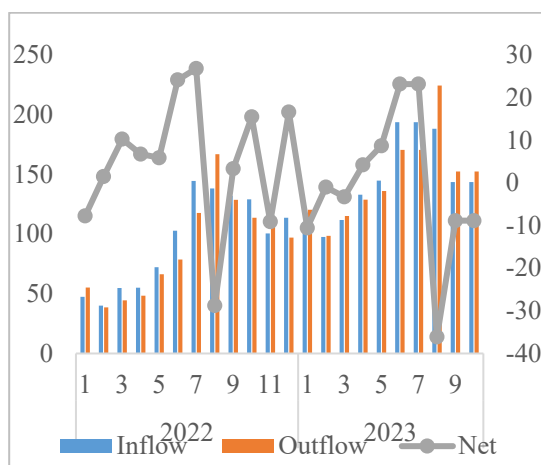

Figure 2. Remittances and FDI Inflows to Armenia (Million USD).
Source: Central Bank of RA.

Figure 3. Inflow, Outflow, and Net Migration of Russian Citizens in Armenia, 1000 people.

Source: Statistics Committee of RA.

Perhaps the most potentially transformative development has been the migration of a large number of Russian citizens – many of them highly educated professionals – into Armenia and Georgia. The inflow of human capital, particularly in sectors such as information technology, finance, education, and professional services, has contributed to increased labor supply and sectoral dynamism. In Armenia, this demographic shift has led to rising service-sector output, growing demand in urban areas, and wage growth in specialized industries. Unlike trade or financial flows, which are often subject to sudden reversals, the integration of skilled migrants into the labor market presents a plausible pathway for sustained increases in productivity and thus potential output. However, this depends critically on the absorptive capacity of the host economy and the extent to which these migrants remain in the country. Lastly, developments in the financial sector—where activity expanded by 46.8% in 2022 before contracting by 8% in 2023—reflect both the speed and fragility of externally driven growth. Rising average wages in financial services (33.7% in 2022) signal short-term prosperity, but unless the sector evolves toward more robust financial

intermediation and innovation, its contribution to sustainable growth may remain modest. Overall, these transmission channels have shaped a complex economic landscape where short-term accelerations must be carefully distinguished from long-term improvements in structural capacity.

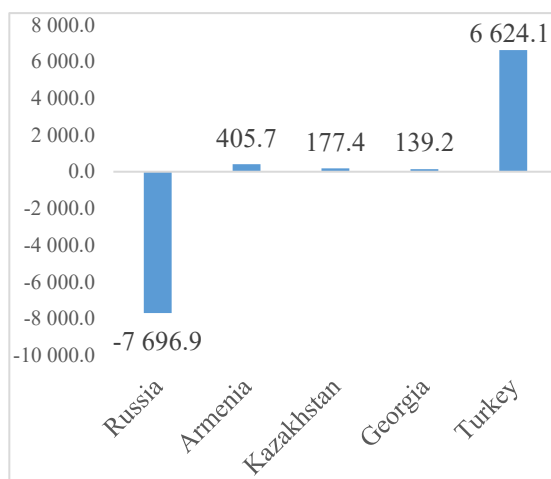

Figure 4. Change of Nominal GDP in Financial Sector in Selected Countries in 2022, Million USD Change.

Source: World bank, World Development Indicators.

The data on changes in nominal value added in the “Financial and insurance activities” sector across countries in 2022 provide important insights into how the regional financial landscape responded to the geopolitical shock associated with the Russia–Ukraine situation. Russia experienced a dramatic contraction in this sector, with a decline of approximately 7.7 billion USD, reflecting the direct impact of international sanctions, financial isolation, and declining investor confidence. In contrast, neighboring countries such as Armenia, Kazakhstan, and Georgia registered notable, albeit much smaller, increases in financial sector value added—amounting to approximately 405.7 million, 177.4 million, and 139.2 million USD, respectively. These increases coincided with the relocation of financial flows, businesses, and human capital from Russia, and underscore

the role of neighboring financial systems in partially absorbing displaced economic activity.

Among Eurasian Economic Union member countries and Georgia, Armenia stands out with the highest absolute increase in financial sector value added, which likely reflects the significant inflow of Russian firms and professionals, as well as rising demand for financial services such as banking, payments, and insurance. However, when juxtaposed with the scale of Russia's contraction and the expansion observed in Turkey (+6.6 billion USD), Armenia's gain appears modest. This divergence suggests that while Armenia benefitted from the regional reallocation of financial services, its capacity to absorb and institutionalize this shock was constrained. Limitations in physical infrastructure, regulatory flexibility, and labor market depth may have curtailed the extent to which Armenia could capitalize on this opportunity. The contrast between realized gains and potential absorptive capacity points to untapped growth potential within Armenia's financial sector. If targeted reforms and institutional strengthening had been in place, the sector might have expanded even more significantly. Therefore, the post-shock dynamics in financial services reveal both the country's responsiveness to external disruptions and the structural limitations that may have capped the magnitude of its gains.

Another major aspect of the post-shock period in Armenia and neighboring countries has been the performance of the external sector, which significantly shaped overall economic momentum and affected the sustainability of recent growth patterns. Armenia's current account and trade balance both underwent significant transformations beginning in 2022, reflecting the combined impact of increased exports to Russia, elevated remittance inflows, and changes in service trade such as IT and tourism. The external demand shock, driven by new demand from relocated firms and consumers, contributed to a rapid increase in GDP in Armenia, surpassing growth expectations. The sharp appreciation of the Armenian dram further highlights the extraordinary nature of these inflows. While this improved external stability in the short term, it introduced competitiveness concerns for domestic exporters and import-competing industries.

Nevertheless, these favorable external conditions have begun to normalize in 2023, as evident in softening growth rates and a partial reversal of some one-time effects. The economic expansion driven by external sector dynamics appears to have peaked, raising questions about the persistence of elevated output levels. Moreover, the regional heterogeneity in external sector performance suggests that while countries like Armenia may have reaped short-term benefits from geopolitical repositioning, the challenge now lies in leveraging those gains toward long-term productivity enhancement and resilience to external volatility.

To better understand these dynamics, this study also considers changes in the structure and quality of economic growth using a composite Economic Growth Index. While headline GDP growth rates capture the scale of economic expansion, they do not necessarily reflect its composition, sustainability, or inclusivity. By analyzing the relative contributions of various sectors – such as financial and insurance activities, construction, trade, and ICT—the index offers a more nuanced view of the post-shock recovery and potential structural shifts. In Armenia, the contribution of the service sector to overall growth increased substantially, particularly in IT and financial services, reflecting both domestic responses and the effects of Russian business relocation. These sectoral trends suggest a potential reallocation of resources toward higher value-added activities. However, they also reveal concentration risks, as growth becomes increasingly dependent on a narrow set of externally influenced industries.

At the regional level, differences in the structure of growth are also evident. For instance, in Kazakhstan and Uzbekistan, the recovery remained more commodity-driven, while in Georgia and Armenia, services played a more prominent role. These structural differences may translate into differing implications for potential GDP and long-term growth resilience. Countries that successfully diversify their economic base and invest in human capital and technological capabilities are more likely to transform short-term windfalls into sustainable gains. Thus, the evolution of the external sector and the internal structure of growth are closely interlinked: short-term external shocks have reshaped economic trajectories, but their lasting impact on potential output depends on the depth and direction of internal adjustments.

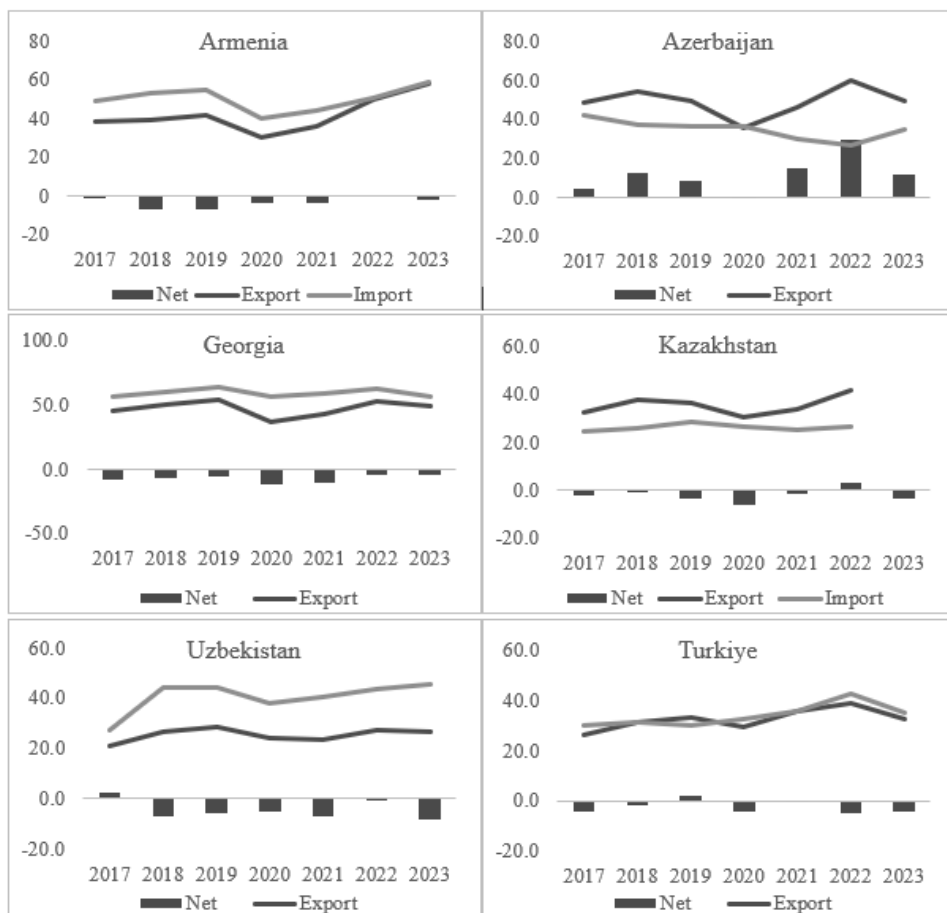

Figure 5. Exports, Imports, and Net Trade of Goods and Services in Selected Regional Economies.

Source: International Monetary Fund.

The trajectory of real GDP growth across countries in the region, as illustrated by the Economic Growth Index, underscores both the asymmetrical impact of recent geopolitical and economic shocks and the differentiated capacity of countries to leverage these shocks for growth. With 2021 serving as the baseline (index=100), Armenia exhibits a distinctly steeper growth trajectory than its regional peers over the period 2022–2026, with its index rising above 145 by 2026. This performance notably exceeds that of Kazakhstan, Türkiye, and Uzbekistan, and is

particularly striking in light of the country's historical growth volatility and relatively limited internal market size.

The sharp acceleration in Armenia's growth from 2022 onwards is largely attributable to its unique position as a recipient of redirected trade, capital, and skilled labor in the aftermath of the regional conflict. The inflow of firms, professionals, and financial resources from Russia catalyzed a rapid expansion in high-productivity sectors such as ICT, financial services, and professional consulting. These developments temporarily boosted aggregate demand, employment, and investment, helping Armenia outpace both its immediate neighbors and larger economies like Türkiye and Kazakhstan. However, this divergence also raises questions about the sustainability of the growth path and the extent to which it reflects an upward shift in potential GDP versus a temporary output gap expansion.

In contrast, countries such as Azerbaijan and Kazakhstan show more moderate growth trajectories, with their real GDP indices rising more gradually. This reflects the continued reliance on commodity exports and a more constrained response to the regional reallocation of economic activity. Georgia and the Kyrgyz Republic, while benefiting to some extent from the same migration and service-sector impulses as Armenia, appear to have experienced smaller-scale gains, perhaps due to more limited absorptive capacity or narrower sectoral specialization. Türkiye's performance, though better than some of its peers, likely reflects a combination of internal economic imbalances, inflationary pressures, and external volatility that have partially offset its scale advantages.

The estimation of potential GDP and output gaps across the selected countries provides an empirical foundation for assessing the structural consequences of recent geopolitical shocks. The comparison between actual GDP and estimated potential GDP trends from 2017 to 2026 reveals notable differences in both cyclical volatility and underlying growth trajectories. In the case of Armenia, the actual GDP path demonstrates a sharp divergence from the potential trend beginning in 2022, resulting in a large and positive output gap. This suggests that the Armenian economy has temporarily operated above its estimated long-term capacity, largely due to the sudden inflow of capital, labor, and demand following the escalation of the Russia–

Ukraine conflict. The trend line, however, adjusts upward over time, indicating a possible revision of potential output as the economy internalizes the external shock. Yet, the positive output gap narrowing by 2026 implies either stabilization of growth or a slowdown in the pace of structural adaptation.

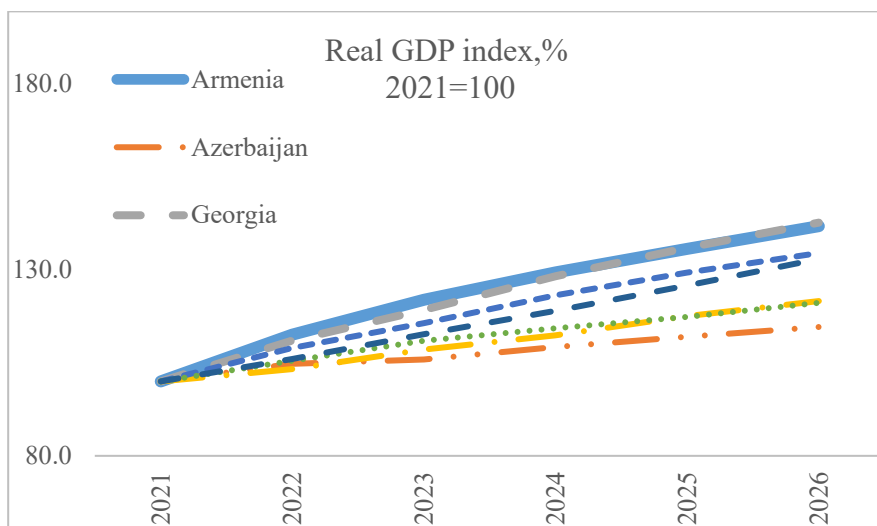

Figure 6. Real GDP Index in Selected Countries, 2021–2026 (2021=100).

Source: International Monetary Fund and Author's calculations.

Other countries in the region exhibit more muted or delayed responses. Azerbaijan and Kazakhstan show small negative output gaps in 2022, with GDP levels largely tracking or slightly exceeding potential output only in recent years, implying a more gradual recovery from the pandemic shock and less pronounced benefits from the geopolitical realignment. Georgia and the Kyrgyz Republic display significant negative gaps in 2020–2021, followed by convergence between actual and potential output from 2022 onwards, suggesting that recent growth has helped these economies return to trend rather than exceed it. Turkey presents a case of persistent moderate positive gaps from 2021 onward, but the potential trend appears relatively flat, reflecting structural challenges and macroeconomic

imbalances. These patterns collectively highlight that Armenia has experienced the most pronounced short-term overshooting relative to trend, but whether this translates into a new long-term trajectory remains contingent on the economy's capacity to retain and build upon the gains.

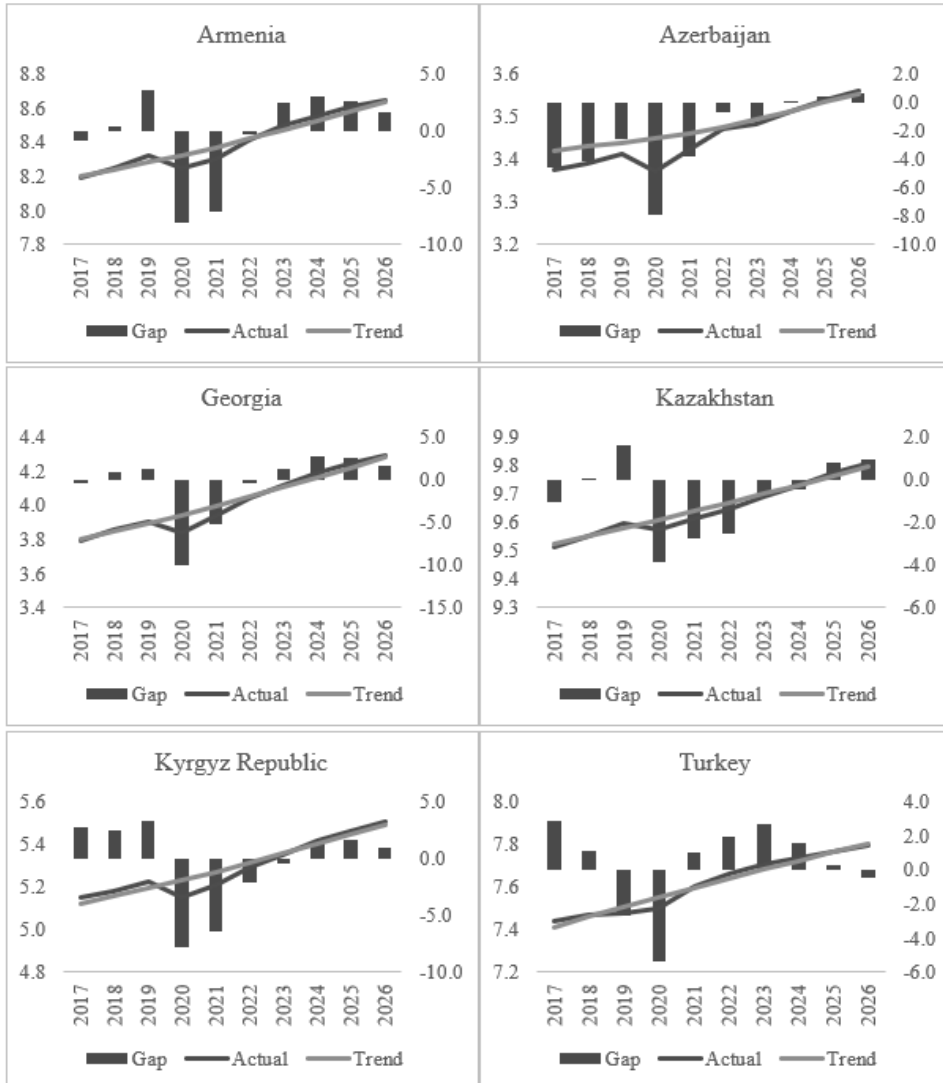
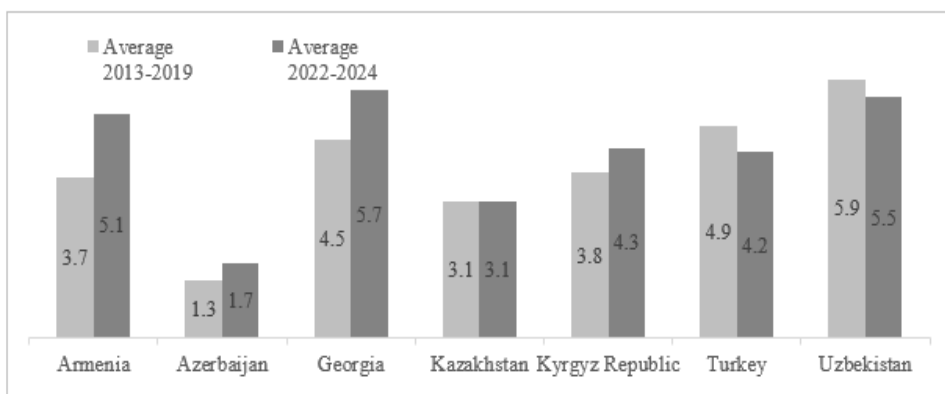

Figure 7. Estimated Potential GDP and Output Gaps (% of GDP) in Selected Countries, 2017–2026.

Source: Author's calculations.

This interpretation is further supported by the comparison of potential GDP growth rates before and after the onset of recent shocks. The second figure compares average potential growth in the pre-shock period (2013–2019) with the post-shock years (2022–2024). Armenia stands out with one of the largest increases in estimated potential growth—from 3.7% to 5.1%—a striking 1.4 percentage point jump. This increase reflects the economy’s rapid expansion following the relocation of human and financial capital from Russia, improved performance in high-productivity sectors, and temporary spillover benefits from trade and service sector activity. However, this rise in estimated potential growth should be interpreted with caution. While it may reflect genuine structural changes, such as a more skilled labor force and expanded service exports, it may also be overstated if based on a short-run extrapolation of recent high growth that is unlikely to persist without further investment in productive capacity.

Figure 8. Average Potential GDP Growth Rates in Selected Countries: Comparison of 2013–2019 and 2022–2024 Periods (%).

Source: Author’s calculations.

Other countries show more modest changes in potential growth. Georgia’s potential growth increases notably from 4.5% to 5.7%, driven in part by similar migration and service sector dynamics. Azerbaijan and Kazakhstan show only slight increases or stagnation, suggesting that energy dependence and slower diversification have limited their responsiveness to

post-2022 opportunities. In contrast, Turkey and Uzbekistan experience slight declines in potential growth, despite relatively high baseline levels, possibly due to macroeconomic instability (Turkey) or post-pandemic normalization (Uzbekistan). The cross-country comparison confirms that while the geopolitical shock has reallocated resources in ways that may elevate potential growth in certain economies, particularly Armenia and Georgia, these gains are uneven and conditional on the ability of national institutions to sustain reform, investment, and integration of new economic inputs.

Conclusions

The empirical analysis reveals that recent geopolitical shocks, including conflicts that have significantly reshaped economic ties, significantly influenced potential GDP growth in Armenia and other regional economies through channels of trade reorientation, capital flows, and skilled labor migration. Armenia notably benefitted from an accelerated expansion driven by increased human capital and financial sector activity, reflected in elevated potential GDP growth rates post-2022. However, the sustainability of these gains remains uncertain, as they are heavily reliant on external geopolitical developments and internal institutional capacity to absorb and institutionalize these shocks.

Comparatively, Georgia experienced notable but somewhat smaller structural gains, largely due to similar migratory and service-sector developments, while Azerbaijan and Kazakhstan showed limited structural adaptability due to persistent dependence on energy exports and less diversified economies. Turkey and Uzbekistan demonstrated minor declines in potential GDP growth, reflecting macroeconomic imbalances and the normalization of growth post-pandemic.

Overall, the study underscores the conditional nature of economic benefits derived from geopolitical shocks. Short-term growth episodes must be complemented by targeted policy reforms aimed at strengthening institutions, enhancing economic diversification, and investing in human and physical capital. Future research incorporating alternative estimation

methods, such as production function and structural modeling, will enhance analytical precision and further inform policy responses for sustaining growth resilience amid ongoing geopolitical uncertainty.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Gourinchas P-O., et al.* World Economic Outlook: Countering the Cost-of-Living Crisis. IMF, October 2022. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO>
2. *Bems R., & Johnson R.* Relocation of Firms and People: Early Evidence from Russia's Neighbors // "IMF Internal Note" (unpublished, cited in WEO Oct 2022).
3. World Bank. Armenia Economic Update – Spring 2023: Post-Shock Expansion and Reform Priorities. URL: <https://www.worldbank.org/en/country/armenia/publication/economic-update-spring-2023>
4. *Guriev S., & Treisman D.* *Spin Dictators: The Changing Face of Tyranny in the 21st Century.* "Princeton University Press", 2022.
5. *Blagrove P., Garcia-Saltos R., Laxton D., & Zhang F.A.* Simple Multivariate Filter for Estimating Potential Output // "IMF Working Paper", № 15/79, 2015. URL: <https://doi.org/10.5089/9781484344917.001>
6. *Alichi A., Bizimana O., & Zhang L.* Estimating Potential Output Using a Multivariate Filter: An Application to Armenia // "IMF Working Paper", № 17/104, 2017. URL: <https://doi.org/10.5089/9781475596493.001>
7. *Dabrowski M., & Domínguez-Jiménez M.* Central Asia's Response to the Ukraine War: Risks and Opportunities // "CASE Network Studies and Analyses", № 527, 2023. URL: <https://doi.org/10.2139/ssrn.4358001>
8. *Vinokurov E., & Libman A.* EAEU in the Times of Turbulence: Coping with the Russia–Ukraine Conflict // "Russian Journal of Economics", № 8 (3), 2022. PP. 199–217.
9. *Hodrick R., & Prescott E.* Postwar U.S. business cycles: An empirical investigation // "Journal of Money, Credit and Banking", № 29 (1), 1997. PP. 1–16. URL: <https://doi.org/10.2307/2953682>

REFERENCES

1. *Gourinchas P-O., et al.* World Economic Outlook: Countering the Cost-of-Living Crisis. IMF, October 2022. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO>
2. *Bems R., & Johnson R.* Relocation of Firms and People: Early Evidence from Russia's Neighbors // "IMF Internal Note" (unpublished, cited in WEO Oct 2022).

3. World Bank. Armenia Economic Update – Spring 2023: Post-Shock Expansion and Reform Priorities. URL: <https://www.worldbank.org/en/country/armenia/publication/economic-update-spring-2023>
4. Guriev S., & Treisman D. *Spin Dictators: The Changing Face of Tyranny in the 21st Century*. “Princeton University Press”, 2022.
5. Blaggrave P., Garcia-Saltos R., Laxton D., & Zhang F.A. Simple Multivariate Filter for Estimating Potential Output // “IMF Working Paper”, № 15/79, 2015. URL: <https://doi.org/10.5089/9781484344917.001>
6. Alichì A., Bizimana O., & Zhang L. Estimating Potential Output Using a Multivariate Filter: An Application to Armenia // “IMF Working Paper”, № 17/104, 2017. URL: <https://doi.org/10.5089/9781475596493.001>
7. Dabrowski M. & Domínguez-Jiménez M. Central Asia’s Response to the Ukraine War: Risks and Opportunities // “CASE Network Studies and Analyses”, № 527, 2023. URL: <https://doi.org/10.2139/ssrn.4358001>
8. Vinokurov E., & Libman A. EAEU in the Times of Turbulence: Coping with the Russia–Ukraine Conflict // “Russian Journal of Economics”, № 8 (3), 2022. PP. 199–217.
9. Hodrick R. & Prescott E. Postwar U.S. business cycles: An empirical investigation // “Journal of Money, Credit and Banking”, № 29 (1), 1997. PP. 1–16. URL: <https://doi.org/10.2307/2953682>

ВЛИЯНИЕ ПОСЛЕДНИХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ШОКОВ НА ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ РОСТ ЭКОНОМИКИ АРМЕНИИ И ДРУГИХ СТРАН РЕГИОНА

Г.А. Петросян

Российско-Армянский (Славянский) университет

АННОТАЦИЯ

В настоящем исследовании рассматривается влияние недавних геополитических шоков на потенциальный экономический рост и структурные изменения в Армении и отдельных странах Южного Кавказа и Центральной Азии. Используется сравнительная методология с применением фильтра Ходрика–Прескотта для оценки потенциального ВВП и разрыва выпуска, позволяющая различать циклические колебания и структурные изменения. Обсуждаются основные

каналы передачи шоков, включая торговые потоки, развитие финансового сектора и миграционные процессы. Анализ выявил значительный краткосрочный рост в Армении и, в меньшей степени, в Грузии, также показывая небольшой положительный эффект на потенциальный выпуск, а также указал на структурные ограничения других стран региона. Результаты подчеркивают важность институциональной готовности и проведения политических реформ для поддержания краткосрочных успехов и преобразования временных экономических импульсов в устойчивые структурные улучшения.

Ключевые слова: потенциальный ВВП, разрыв выпуска, геополитические шоки, структурные изменения, Армения, экономический рост.

ПОЛИТОЛОГИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

DOI 10.24412/1829-0450-2025-3-119-136

УДК 32

Поступила: 12.08.2025г.

Сдана на рецензию: 14.08.2025г.

Подписана к печати: 17.09.2025г.

THE CHINESE VECTOR IN THE FORMATION OF RUSSIAN FOREIGN ENERGY POLICY: TOWARDS ASIA-CENTRIC ENERGY ORDER

V. Davtyan

Russian-Armenian (Slavonic) University

vahedavtyan@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-0848-3436

ABSTRACT

Russian-Chinese energy dialogue continues to play an important role in the formation of the international energy architecture. At the same time, energy ties between Moscow and Beijing are not anchored solely on the economic component. They are characterized by geopolitical content and are aimed at reshaping the global energy market, making it more “Asia-centric”. The outbreak of special military operation in Ukraine gave a new impetus to Russian-Chinese energy cooperation, which was reflected in an increase in natural gas supplies, as well as negotiations on the construction of the “Power of Siberia-2 gas” pipeline. In Russia's strategic documents, the Chinese direction is considered as a key one with the aim of diversifying foreign energy policy. On the other hand, focusing on the China creates some problems for Moscow, the main one of which is increasing dependence on the Chinese economy.

Keywords: China, Russia, Energy, Security, Asia-Centric, Gas, Oil, Goeconomy.

Introduction: Prerequisites for the Formation of an Asia-Centric Energy Order

Since the 2000s, Asia and the broader Asia-Pacific region have been major consumers in the global energy market, enabling countries in the region to exert a direct influence on shaping the global energy security architecture [1]. Moreover, the role of being key drivers of consumption is often leveraged by these countries as a geopolitical tool to address specific strategic issues beyond the region. Among these countries, particular attention should be given to China and India, which, especially in the current context of international economic sanctions imposed on Russia, facilitate Moscow's continued prominence in the global oil and gas sector. China is increasingly diversifying its gas transport routes with Russia while simultaneously expanding hydrocarbon imports from Iran, which is also subject to Western economic sanctions. Meanwhile, since 2022, India has positioned itself as a refiner of Russian-imported oil, exporting the resulting petroleum products to third countries, including Europe [2].

At the same time, it is important to emphasize that the growing influence of China and India in global energy markets is not solely a consequence of Moscow's diversification strategy in response to the ongoing military operation in Ukraine. As rapidly developing economies, China and India are projected to face an even greater demand for energy in the near future, encompassing not only hydrocarbons but also expanding capacities in nuclear energy and electricity generation based on renewable sources [3].

The International Energy Agency's (IEA) 2015 report provides evidence of the existing prerequisites for the emergence of an Asia-centric global energy order. It predicts that, by 2040, global energy consumption will increase by 30% relative to 2016 levels. According to the IEA, this growth will be predominantly driven by China and India, as well as by the Middle East, and to some extent by Africa and Latin America. The report particularly highlights the role of the "Asian Tigers" – Indonesia, Malaysia, and Vietnam. Notably, the IEA forecasts a significant increase in the share of nuclear energy within these countries. During the same period, energy

consumption in the United States, Europe, and Japan is expected to decline [4]. The foundation of the Asia-centric energy order also includes the ongoing concentration of international financial flows in key Asian financial hubs such as Shanghai, Singapore, Hong Kong, and Beijing.

These dynamics will intensify the existing geopolitical competition, especially in Southeast and South Asia, manifestations of which are already observable today: the “Belt and Road” mega-project initiated by China (which includes a significant energy and transport component), the “Middle East Corridor” project endorsed by the G20 (linking India, the Middle East, and Europe), and Southeast Asian infrastructure integration initiatives spearheaded by the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN), among others.

However, the emerging Asia-centric energy order faces multiple risks that derive from this geopolitical competition. Notably, periodic escalations of tension around the South China Sea, conflicts of interest between China and the United States in the Strait of Malacca, and sustained disputes around the Spratly Islands merit particular attention [5]. The Taiwan issue similarly figures prominently, as does the AUKUS security pact established by the United States, the United Kingdom, and Australia to counterbalance China’s influence in the region [6].

To mitigate these risks, China is enhancing the quality of its relationship with Russia, striving to maintain Sino-Russian dialogue at a strategic level in order to synchronize the interests of these two pivotal Eurasian actors and augment its own influence within the Asia-centric energy order. To objectively assess Beijing’s strategy, it is instructive to examine the development and characteristics of Russian-Chinese relations before and after the outbreak of the military operation in Ukraine.

Russian-Chinese Relations: Strategic Deepening Under Conceptual Controversies

Moscow and Beijing officially define modern Russian-Chinese relations as “a relationship of comprehensive partnership and strategic interaction entering a new era” [7], the main principles and directions of

which are enshrined in the Treaty on Neighborliness, Friendship, and Cooperation signed in 2001.

To date, more than 300 intergovernmental treaties and agreements have been concluded between Moscow and Beijing, encompassing nearly all areas of cooperation, including intensive contacts at the highest political level, trade, economic and humanitarian ties, as well as coordination in the international arena, including within the UN Security Council. The two countries frequently adopt unified positions and jointly participate in international and regional organizations such as the Shanghai Cooperation Organization and BRICS. The leaders of Russia and China have met on 40 occasions, with Russian President Vladimir Putin having visited China more than 20 times – more than any other political leader globally [8].

In 2005, an agreement was signed to resolve disputed border issues, resulting in China acquiring several contested territories totaling 337 square kilometers. Nonetheless, the resolution of the remaining cross-border issues between Russia and China remains pertinent [9]. Notably, the new political map officially approved by Beijing in August 2023 includes certain Russian territories - specifically, the Great Ussuri Island on the Amur River - within Chinese borders, despite the 2008 agreement between Moscow and Beijing to divide the island into two parts [10]. Thus, territorial issues remain significant in Russian-Chinese relations, though they have not hindered the deepening of strategic dialogue [11].

The year 2022 marked significant developments in Russian-Chinese relations, indicating strategic rapprochement between the two states. Following China's public support for Russia's position on European security guarantees, on February 4, Presidents Putin and Xi Jinping signed a joint statement in Beijing affirming Russia's readiness to support China on a range of sensitive regional and security matters. In particular, Russia and China reaffirmed their commitment to the "one China" principle, explicitly rejecting any form of Taiwanese independence [12]. Moscow maintains a similar position regarding Tibet.

Trade and economic cooperation constitute a cornerstone of bilateral relations. Since 2010, China has been Russia's largest trading partner. Currently, Moscow and Beijing aim to double their trade turnover, targeting

200 billion USD by 2024. It is noteworthy that approximately 70% of cross-border payments between the two countries are conducted in their national currencies - the Russian ruble and the Chinese yuan [13].

At the outset of the military operation in Ukraine, China adopted a balanced stance, advocating for a peaceful resolution. Chinese officials have repeatedly emphasized their understanding of the root causes of the conflict and called for the consideration of the security interests of all involved states.

However, since 2022, the strategic rapprochement between Russia and China has become increasingly pronounced, possibly reflecting the challenges associated with the formation of a new international order [14]. Our analysis suggests this new order will materialize within a G2 framework, with Washington and Beijing emerging as the principal global actors, heralding a new bipolarity. To maintain effectiveness and competitiveness within this architecture, Beijing requires a deepened partnership with Moscow to establish itself as a Eurasian superpower. The Russian political elite are equally aware of this necessity, pursuing closer ties with China aligned with their long-term strategic interests. Consequently, Russia's foreign policy concept approved in March 2023, for the first time, accords equal status to Russian-Chinese and Russian-Indian relations (Articles 51–54) [15]. The concept envisions the creation of a “Greater Eurasian space”, underpinned by this balance, whereby Moscow seeks to position itself as a stabilizing force between China and India, thereby strengthening its influence within the Eurasian security architecture.

Naturally, such a balance proposed by Moscow is unlikely to be fully embraced by Beijing, especially considering unresolved issues with India.

In conclusion, despite the dynamic development and deepening interaction between Russia and China in key strategic areas, several disagreements persist. Particularly notable are unresolved territorial disputes and divergent approaches to shaping the new geopolitical balance in Greater Eurasia.

The Asian Vector as a Leitmotif of Russia's Energy Security Strategic Documents

In May 2019, the Russian Federation adopted a new Energy Security Doctrine [16]. Although it reiterates several principles found in earlier strategic documents dedicated to energy security, it is distinguished by novel approaches that reflect the political nature of the document, particularly its attempt to define the primary Asian vector of Russia's energy geopolitics.

Among the challenges to Russia's energy security identified in the doctrine is the emergence of new global energy market players, notably exporters such as the United States, which since 2017 has pursued a strategy aimed at increasing its influence in the global oil and gas markets [17]. This competition is most pronounced in the European direction, especially following the outbreak of the military operation in Ukraine.

The doctrine anticipates a shift in the center of global economic growth toward the Asia-Pacific region. This megatrend is framed as a challenge to Russia's energy security, thereby emphasizing the pivotal role of the Chinese vector within Moscow's Asia-Pacific foreign energy policy. It is well-known that China is the world's largest consumer of LNG, which, as previously noted, is increasing the share of "blue fuel" in its energy consumption structure.

Regarding the **"Energy Strategy of Russia – 2030"**, adopted in 2009, China is explicitly mentioned four times. Notable forecasts and programs articulated in the document include:

1. A decrease in the volume of energy exports from Russia toward Europe, accompanied by an increase in exports directed eastward, including China, Japan, the Republic of Korea, and the broader Asia-Pacific region;
2. The gradual formation of a unified gas supply system project in Eastern Siberia and the Far East, entailing the construction of gas pipelines intended to export natural gas to Asia-Pacific countries, particularly China and the Republic of Korea, with the potential integration of these countries into the unified system;

3. A doubling of natural gas exports from Russia to China, Japan, and the Republic of Korea;
4. The commencement of electricity exports from Russia to China [18].

The “**Energy Strategy of the Russian Federation – 2035**”, adopted in 2020, reveals a more explicit focus on an Asia-centric policy, marked by significant geographical expansion and the highlighting of specific projects. The document underscores the strengthening of Russia’s position in the energy markets of China, India, Vietnam, and Malaysia; active participation in nuclear energy projects such as the Tianwan Nuclear Power Plant (NPP); the development of energy infrastructure projects including the Zeisky Hydroelectric Power Plant–Amurskaya–Kheihe 500 kV power transmission line; and the intensification of China’s cooperation with the Eurasian Economic Union. A recurring theme throughout the strategy is the prioritization of positioning in the energy markets of China and India as a core objective of Russia’s energy policy [19].

Russian-Chinese Energy Cooperation since the Start of the Special Military Operation in Ukraine

Since 2022, the “energy dialogue” between Russia and China has intensified significantly [20]. Currently, Moscow and Beijing are actively implementing new joint energy projects. In February 2022, three agreements were signed aimed at ensuring the stability of oil and gas pipeline operations to further increase the volume of Russian gas and oil supplies to the Chinese market. Additionally, an agreement was concluded on the supply of petroleum products from oil refineries located in Western China. Concurrently, a memorandum of understanding was signed between the Chinese China National Petroleum Corporation (CNPC) and the Russian state oil company Rosneft [21].

Despite Russia being compelled to export energy to China at significant discounts due to sanctions, embargoes, and imposed “price ceilings”, the overall value of energy exports has increased substantially. Since the beginning of the military operation, China has imported energy

carriers from Russia worth approximately 86 billion euros, of which around 67 billion euros accounted for oil. It is noteworthy that in 2022, the value of Russian exports of oil, coal, liquefied natural gas, and pipeline gas to China increased by 56% [22].

Consequently, China has become the largest importer of Russian energy carriers since the onset of the conflict in Ukraine. Simultaneously, a pronounced imbalance in the energy trade relationship has emerged: China's share of Russian energy exports doubled from 15% to 30%, whereas Russia's share in China's imports has increased only marginally [23].

The strategy of de-dollarization remains central to Russian-Chinese energy cooperation. Currently, energy trade between the two countries is conducted exclusively in their national currencies, a development that aligns closely with Moscow's interests by enabling the Russian ruble to maintain relative stability. A notable milestone in this strategy was the issuance of corporate bonds denominated in Chinese yuan by "Rosneft" in 2022, totaling 15 billion rubles. This issuance represents the largest corporate bond offering in recent Russian market history [24].

However, Russia's increasing dependence on a single major consumer poses significant risks to the balance of power and, ultimately, to the diversification of its foreign energy strategy. Moreover, Chinese imports are unlikely to fully compensate for Russia's losses in European oil and gas markets. From Beijing's perspective, Russian energy offers strategic advantages, particularly due to overland pipeline deliveries and the potential utilization of the Northern Sea Route, which could reduce China's current reliance on southern maritime logistics that are vulnerable from a security standpoint.

The Geo-Economic Significance of the "Power of Siberia" and "Power of Siberia-2" ("Altai") Gas Pipelines

In response to the continuous growth of hydrocarbon energy consumption in the Asia-Pacific region, particularly in China, Moscow began developing new logistics routes in 2009–2010 to strengthen its

position in these markets. In 2009, Russia and China signed the “loan for oil” interstate agreement, under which China extended credit funds amounting to 25 billion USD to Russia - approximately 15 billion USD to Rosneft and 10 billion USD to the state oil transportation company Transneft. In exchange, Russia committed to exporting about 300 million tons of oil to China during 2011–2030, with an average annual volume of 15 million tons, or roughly 110 million barrels [25].

Another notable dimension of the Russian-Chinese “energy dialogue” includes the granting of gas extraction licenses to Chinese companies in two fields in Eastern Siberia, as well as ongoing negotiations regarding the long-term import of coal from Russia.

Pic. 1. “Power of Siberia” and “Power of Siberia-2” gas pipelines (oil and natural gas fields: 1 – Krasnoyarsk, 2 – Irkutsk, 3 – Yakutia, 4 - Sakhalin), resource: CNBC.

Currently, one of the key manifestations of Russian-Chinese energy cooperation is the “Power of Siberia” gas pipeline (pic. 1), which exports

natural gas extracted in Yakutia to the Asia-Pacific region. The project, a joint venture between Gazprom and CNPC, was initially estimated at a cost of 800 billion rubles, rising to 1.1 trillion rubles by 2018. The pipeline has an annual capacity of 38 billion cubic meters and was commissioned in December 2018 [26].

The project gained renewed impetus in 2014 within the framework of a 30-year treaty between Moscow and Beijing, under which Russia committed to exporting approximately 40 billion cubic meters of gas annually to China. The total contract value is estimated at 400 billion USD [27].

Thus, the “Power of Siberia” project acquired a clear commercial framework, providing Moscow with a stable and promising export route for “blue fuel” and offering Beijing a reliable mechanism for energy diversification and enhanced security. Given the expected large import volumes, China proposed a loan of 25 billion USD to Russia to address some infrastructure challenges of the pipeline. However, Gazprom declined this offer, aware that such a credit arrangement could obligate Russia to sell gas to China at a discounted price in the future.

Simultaneously, Russia and China pursue broader geo-economic interests within this framework. It is planned that the “Power of Siberia” will also supply gas to Russian gas processing plants, where the extracted gas will be converted into LNG for export to Japan. Japan, which seeks new energy import routes following the suspension of some nuclear power plants, represents a promising market for Moscow and Beijing alike [28].

In parallel with the “Power of Siberia”, Russia is implementing the “Power of Siberia-2” (“Altai”) gas pipeline project, which spans 3,550 kilometers, including 950 kilometers through Mongolian territory. This infrastructure aims to export approximately 80 billion cubic meters of gas annually from Western Siberia to China’s Xinjiang Uyghur Autonomous Region in the country’s western part. The pipeline is expected to connect with China’s “West-East” gas pipeline system, reaching Shanghai [29].

Russia views the Chinese market as a viable alternative to Europe and seeks to accelerate its reorientation toward exports to China. The “Power of Siberia-2” pipeline will enable an additional supply of 50 billion cubic meters of gas annually.

However, despite a memorandum signed in 2014 between Moscow and Beijing to double natural gas imports from Russia, the implementation of the “Altai” pipeline has proceeded slowly. The planned construction start date in 2024 may be delayed, as Moscow and Beijing have yet to finalize the project’s terms [30].

In its turn, The “Soyuz Vostok” gas pipeline project represents a critical juncture in the evolving Russia-China-Mongolia energy architecture. Currently in the final stages of environmental impact assessment on the Mongolian side, the pipeline is conceived as an extension of “Power of Siberia 2”, with a projected annual capacity of up to 50 billion cubic meters of natural gas sourced from Western Siberia and destined for the Chinese market via Mongolian territory.

Although the primary strategic objective of “Soyuz Vostok” is to facilitate Russian gas exports to China, bilateral negotiations between Moscow and Ulaanbaatar have also encompassed the potential allocation of supply volumes for the Mongolian domestic market. This provision is of particular relevance in light of projections by the L.A. Melentyev Energy Systems Institute (Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences), which estimate Mongolia’s natural gas demand could reach approximately 5,6 billion cubic meters annually by 2040 [31].

From Russia’s perspective, the project constitutes both a diversification of export routes and a geopolitical instrument to consolidate energy interdependence with China, while simultaneously reinforcing the long-standing partnership with Mongolia. For Ulaanbaatar, the “Soyuz Vostok” pipeline promises not only substantial infrastructure investment but also an enhanced position within the Eurasian energy transit network, thereby expanding its geopolitical agency.

The implementation timeline remains contingent upon the finalization of a long-term supply agreement between Gazprom and CNPC. Nevertheless, the strategic logic underpinning “Soyuz Vostok” extends beyond immediate commercial considerations. Its completion would effectively establish a trilateral energy axis, the influence of which would reverberate across regional energy security dynamics and the broader configuration of Eurasian power relations. Nonetheless, the presence of this

project on Russia's energy policy agenda clearly signals that the country's foreign energy vector is shifting from Europe toward Asia in the coming decade.

Conclusions

✓ Russian-Chinese cooperation in the energy sector, particularly in oil and gas, holds significant development potential, driven by Russia's vast hydrocarbon reserves and ongoing infrastructural and logistics projects on one hand, and China's steadily increasing energy demand on the other. Nevertheless, this energy agenda faces numerous challenges, foremost among them being the complex dynamics and volatility of the global energy market, which directly affect both the implementation of existing projects and the predictability of future demand. The current stage of Russian-Chinese energy relations should be analyzed within the broader context of the emerging Asia-centric global energy order, fueled primarily by the continuous economic and financial growth of the Asia-Pacific region and the corresponding rise in its energy consumption.

✓ The special military operation in Ukraine has introduced specific challenges to Russia's energy policy, including technological transfer restrictions stemming from sanctions and pronounced fluctuations in energy prices. However, these challenges simultaneously create new opportunities for Russian-Chinese energy cooperation, especially in light of the substantial restructuring underway in the global oil and gas markets.

✓ The deepening of the Russian-Chinese "energy dialogue" entails certain risks for Russia's energy security, notably due to its growing dependence on supplies to China under current conditions. It cannot be ruled out that China may leverage this dependence to pursue its geopolitical objectives at a strategically advantageous moment. The reliance on the Chinese market constrains Russia's diversification options and does not fully compensate for the losses incurred following the contraction of its European energy markets. Although Russian-Chinese relations exhibit positive development dynamics, fundamental disagreements persist regarding the geopolitical future of Eurasia. Simultaneously, a key objective

of Russian-Chinese energy cooperation is the de-dollarization of the energy market, which -given China's status as a leading global consumer - aims at a profound transformation of the global energy system.

✓ A critical challenge in advancing Russian-Chinese energy relations is the escalating demand for LNG. This trend compels Russia to expand production capacities and diversify export routes to the Chinese market. Considering the sustained global growth in LNG demand and the logistical advantages it offers, the development of gas liquefaction, regasification infrastructure, and LNG shipping fleets should be regarded as core priorities for Russia's energy security.

✓ The implementation of the "Power of Siberia" and "Power of Siberia-2" mega-projects underscores Russia's strategic shift toward an Asia-centric energy policy, driven by the rapid increase in "blue fuel" consumption in the Asia-Pacific region, particularly in China. Notably, the principle of Asia-centricity was enshrined in Russia's 2009 Energy Strategy and subsequently reaffirmed in the 2019 Energy Security Doctrine and the 2020 Energy Strategy. The ongoing developments related to the military operation in Ukraine and Russia's resulting marginalization from European energy markets have rendered the development of an Asia-centric energy policy a pivotal imperative for Russia's energy security.

ЖИТЕПАТЫРА

1. *Taghizadeh-Hesary F., Rasoulinezhad E., Yoshino N., Sarker T., Mirza N.* Determinants of the Russia and Asia-Pacific Energy Trade / "Energy Strategy Reviews", № 38, 2021. DOI: 10.1016/j.esr.2021.100681
2. *Kulik L.* Russia-India Economic Cooperation: Current Trends and Promising Directions // "MGIMO Review of International Relations", № 16 (2), 2022. PP. 159–175.
3. *Young Chan-Kim.* China-India Relations: Geo-political Competition, Economic Cooperation, Cultural Exchange and Business Ties. "Springer", 2020. 228p.
4. *World Energy Outlook 2015.* International Energy Agency, 2015. 701p. URL: <https://iea.blob.core.windows.net/assets/5a314029-69c2-42a9-98acd1c5deeb59b3/WEO2015.pdf>
5. *Mitchell M.* The South China Sea: A Geopolitical Analysis / "Journal of Geography and Geology". Vol. 8, № 3, 2016. PP. 14–25.

6. *Mickiewicz P.* AUKUS as an Effective Response to the Prospective Limitation of American Domination in the Indo-Pacific // “Torun International Studies”, 1(18), 2023. PP. 25–38.
7. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой (16 июля 2001г.). URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3418>
8. О российско-китайских отношениях стратегического партнерства // Официальный сайт МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/vnesnepoliticeskoe-dos-e/dvustoronnie-otnosenij-rossii-s-inostrannymi-gosudarstvami/strategiceskoe-partnerstvo-s-kitaem/
9. *Bolt P.* Sino-Russian Relations in a Changing World Order // “Strategic Studies Quarterly”, 2014. PP. 48–70.
10. *Dmochowski T.* The Settlement of the Russian-Chinese Border Dispute // “Polish Political Science Yearbook”. Vol. 44, 2015. PP. 56–74.
11. *Freire M.R.* China-Russia relations in a framework of strategic containment // “Relações internacionais, Special Issue”, 2021. PP. 53–68.
12. Китай поддержал российские требования о нерасширении НАТО. С какими еще требованиями Москвы солидаризировался Пекин // Информационное агентство РБК, 04.02.2022. URL: <https://www.rbc.ru/politics/04/02/2022/61fef1839a79475376a6f40b>
13. *Aksenov G., Ronglin Li, Qamar A., Fambo H., etc.* Development of Trade and Financial-Economical Relationships between China and Russia: A Study Based on the Trade Gravity Model / “Sustainability”, № 15, 2023. 39 p.
14. *Peters M.* Russia-China/China-Russia: Sino-Russian relations in the post-Soviet era // “Educational Philosophy and Theory, Routledge”, (Taylor and Francis Group), № 55:14, 2023. PP. 1664–1671.
15. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023г.). URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/>
16. Доктрина энергетической безопасности Российской Федерации / Утверждена указом Президента РФ от 13 мая 2019г. № 216.
17. *Davtyan V.* New World Energy Order: Obstacles to the Golden Age of American Energy Dominance // “International Journal of Energy Economics and Policy”, № 8:4, 2018. PP. 157–168.
18. Энергетическая стратегия России на период до 2030г. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 13 ноября 2009г. № 1715-р.
19. Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035г. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 9 июня 2020г. № 1523-р.

20. *Skalamera M.* The Geopolitics of Energy after the Invasion of Ukraine // “The Washington Quarterly”, № 46:1, 2023. PP. 7–24.
21. Rosneft and CNPC agreed to cooperate in the field of low carbon development // Информационное агентство “Bloomberg”, 04.02.2022. URL: <https://www.bloomberg.com/press-releases/2022-02-04/rosneft-oil-company-rosneft-and-cnpc-agreed-to-cooperate-in-the-field-of-low-carbon-development>
22. Новак сообщил, что добыча угля в РФ в 2022г. выросла на 0,3%, экспорт упал на 7% // Сетевое агентство «Интерфакс.ру», 11.01.2023. URL: <https://www.interfax.ru/business/880326>
23. *Wachtmeister H.* Russia-China energy relations since 24 February: Consequences and options for Europe // NKK & SCEEUS, 2023. URL: <https://www.ui.se/globalassets/ui.se-eng/publications/sceeus/russia-chinaenergy-relations-since-24-february.pdf>
24. Игорь Сечин выступил с ключевым докладом на открытии IV Российско-Китайского энергетического бизнес-форума // Официальный сайт компании ПАО «НК «Роснефть». URL: <https://www.rosneft.ru/press/news/item/212757/>
25. *Петелин Е.* Энергомонолог Китая в Центральной Азии // «Индекс безопасности», Т. 17, № 4 (99), 2011. СС. 35–57.
26. *Пляскина Н.И., Харитонова В.Н., Вижина И.А.* «Сила Сибири» – драйвер или угроза газохимическим кластерам востока России? // «Эко», № 4, 2015. СС. 54–71.
27. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в сфере поставок природного газа из Российской Федерации в Китайскую Народную Республику по «восточному» маршруту // Ратифицировано Федеральным законом от 02.05.2015 № 106-ФЗ.
28. *Земченков А.С.* Поставки СПГ в Японию: оценка потенциала российских энергетических компаний // «Газовая промышленность», № 9 (790), 2019. СС. 130–133.
29. *Железняк М.Н., Сериков С.И., Шац М.М.* Современный этап создания ГТС «Сила Сибири-2»: проблемы и перспективы // «Известия АО РГО», № 2 (61), 2021. СС. 27–39.
30. Russia’s planned gas pipeline to China faces construction delay, “Financial Times” reports // Информационное агентство “Reuters”, 28.01.2024. URL: <https://www.reuters.com/markets/commodities/russias-planned-gas-pipeline-china-faces-construction-delay-ft-2024-01-28/>
31. Монголия завершает экологическую оценку газопровода «Союз Восток» из РФ в Китай // Сетевое агентство «Интерфакс.ру», 21.03.2025. URL: <https://www.interfax.ru/world/1015974>

REFERENCES

1. *Taghizadeh-Hesary F., Rasoulinezhad E., Yoshino N., Sarker T., Mirza N.* Determinants of the Russia and Asia-Pacific Energy Trade / "Energy Strategy Reviews", № 38, 2021. DOI: 10.1016/j.esr.2021.100681
2. *Kulik L.* Russia-India Economic Cooperation: Current Trends and Promising Directions. "MGIMO Review of International Relations", № 16 (2), 2022. PP. 159–175.
3. *Young Chan-Kim.* China-India Relations: Geo-political Competition, Economic Cooperation, Cultural Exchange and Business Ties. "Springer", 2020. 228p.
4. World Energy Outlook 2015. International Energy Agency, 2015. 701p. URL: <https://iea.blob.core.windows.net/assets/5a314029-69c2-42a9-98ac-d1c5deeb59b3/WEO2015.pdf>
5. *Mitchell M.* The South China Sea: A Geopolitical Analysis / "Journal of Geography and Geology". Vol. 8, № 3, 2016. PP. 14–25.
6. *Mickiewicz P.* AUKUS as an Effective Response to the Prospective Limitation of American Domination in the Indo-Pacific // "Torun International Studies". № 1(18), 2023. PP. 25–38.
7. Treaty on Good-Neighborliness, Friendship and Cooperation between the Russian Federation and the People's Republic of China (Jul. 16, 2001). URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3418>
8. On Russian-Chinese strategic partnership relations // Official website of the Russian Ministry of Foreign Affairs. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/vnesnepoliticeskoe-dos-e/dvustoronnie-otnosenij-rossii-s-inostrannymi-gosudarstvami/strategiceskoe-partnerstvo-s-kitaem/
9. *Bolt P.* Sino-Russian Relations in a Changing World Order // "Strategic Studies Quarterly", 2014. PP. 48–70.
10. *Dmochowski T.* The Settlement of the Russian-Chinese Border Dispute // "Polish Political Science Yearbook". Vol. 44, 2015. PP. 56–74.
11. *Freire M.R.* China-Russia relations in a framework of strategic containment // "Relações internacionais, Special Issue", 2021. PP. 53–68.
12. China supported Russia's demands not to expand NATO. What other demands of Moscow did Beijing support? // "RBC" News Agency, 04.02.2022. URL: <https://www.rbc.ru/politics/04/02/2022/61fcf1839a79475376a6f40b>
13. *Aksenov G., Ronglin Li, Qamar A., Fambo H., etc.* Development of Trade and Financial-Economical Relationships between China and Russia: A Study Based on the Trade Gravity Model / "Sustainability", № 15, 2023. 39p.
14. *Peters M.* Russia-China/China-Russia: Sino-Russian relations in the post-Soviet era // "Educational Philosophy and Theory, Routledge" (Taylor and Francis Group), № 55:14, 2023. PP. 1664–1671.

15. The Foreign Policy Concept of the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation V.V. Putin on March 31, 2023). URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/>
16. Energy Security Doctrine of the Russian Federation / Approved by Decree of the President of the Russian Federation of May 13, 2019, № 216.
17. *Davtyan V.* New World Energy Order: Obstacles to the Golden Age of American Energy Dominance // “International Journal of Energy Economics and Policy”, № 8:4, 2018. PP. 157–168.
18. “Energy Strategy of Russia for the Period up to 2030” (approved by RF Government Decree № 1715-r on Nov. 13, 2009).
19. The Energy Strategy of the Russian Federation for the period up to 2035 (approved by RF Government Decree № 1523-r on June 9, 2020).
20. *Skalamera M.* The Geopolitics of Energy after the Invasion of Ukraine // “The Washington Quarterly”, № 46:1, 2023. PP. 7–24.
21. Rosneft and CNPC agreed to cooperate in the field of low carbon development // Информационное агентство “Bloomberg”, 04.02.2022. URL: <https://www.bloomberg.com/press-releases/2022-02-04/rosneft-oil-company-rosneft-and-cnpc-agreed-to-cooperate-in-the-field-of-low-carbon-development>
22. Novak reported that coal production in the Russian Federation in 2022 increased by 0.3%, while exports fell by 7% // “Interfax.ru” news agency, 11.01.2023. URL: <https://www.interfax.ru/business/880326>
23. *Wachtmeister H.* Russia-China energy relations since 24 February: Consequences and options for Europe // NKK & SCEEUS, 2023. URL: <https://www.ui.se/globalassets/ui.se-eng/publications/sceeu/russia-chinaenergy-relations-since-24-february.pdf>
24. Igor Sechin delivered a keynote speech at the opening of the IV Russian-Chinese Energy Business Forum // Official website of “Rosneft”. URL: <https://www.rosneft.ru/press/news/item/212757/>
25. *Petelin E.* Energy monologue of China in Central Asia // “Security Index”, Vol. 17, № 4 (99), 2011. PP. 35–57 (in Russ.).
26. *Plyaskina N., Kharitonova V., Vizhina I.* “The Power of Siberia” – a driver or a threat to gas chemical clusters in the east of Russia? // “Eco”, № 4, 2015. PP. 54–71 (in Russ.).
27. Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the People's Republic of China on cooperation in the field of natural gas supplies from the Russian Federation to the People's Republic of China via the “eastern” route // Ratified by Federal Law of 02.05.2015 № 106-FZ.

28. *Zemchenkov A.S.* LNG supplies to Japan: assessment of the potential of Russian energy companies // “Gas Industry”, № 9 (790), 2019. PP. 130–133 (in Russ.).
29. *Zheleznyak M., Serikov S., Shats M.* The current stage of creation of the Power of Siberia-2 GTS: problems and prospects // “Izvestia of the Russian Geographical Society”, № 2 (61), 2021. PP. 27–39 (in Russ.).
30. Russia’s planned gas pipeline to China faces construction delay, “Financial Times” reports // “Reuters” news agency, 28.01.2024. URL: <https://www.reuters.com/markets/commodities/russias-planned-gas-pipeline-china-faces-construction-delay-ft-2024-01-28/>
31. Mongolia completes environmental assessment of “Soyuz Vostok” gas pipeline from Russia to China // “Interfax.ru” news agency, 21.03.2025. URL: <https://www.interfax.ru/world/1015974>

**КИТАЙСКИЙ ВЕКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ВНЕШНЕЙ
ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ:
К АЗИАЦЕНТРИЧНОМУ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОМУ ПОРЯДКУ**

В.С. Дагтян

Российско-Армянский (Славянский) университет

АННОТАЦИЯ

Российско-китайский энергетический диалог продолжает играть важную роль в формировании международной энергетической архитектуры. При этом энергетические связи между Москвой и Пекином не основаны исключительно на экономической составляющей. Они обладают геополитическим содержанием и направлены на перестройку глобального энергетического рынка, делая его более «азиатско-центричным». Начало специальной военной операции на Украине придало новый импульс российско-китайскому энергетическому сотрудничеству, что отразилось на росте поставок природного газа, а также на переговорах по строительству газопровода «Сила Сибири-2». В стратегических документах России китайское направление рассматривается как ключевое с целью диверсификации внешней энергетической политики. С другой стороны, ориентация на Китай создает для Москвы определенные проблемы, главной из которых является растущая зависимость от китайской экономики.

Ключевые слова: Китай, Россия, энергетика, безопасность, азиатско-центричность, газ, нефть, геоэкономика.

DOI 10.24412/1829-0450-2025-3-137-154
УДК 32.01

Поступила: 12.05.2025г.
Сдана на рецензию: 17.05.2025г.
Подписана к печати: 23.08.2025г.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ: ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ, ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

И.А. Карамян

Российско-Армянский (Славянский) университет
irina.karamyan@rau.am
ORCID: 0009-0005-3445-8620

АННОТАЦИЯ

В данной статье исследуются ключевые аспекты цифровой трансформации в сфере государственного управления, рассматриваются как теоретические основы цифровизации государственного аппарата, так и практический международный опыт, с конкретным акцентом на анализ текущей ситуации в Республике Армения. Анализируется роль информационных технологий в повышении эффективности государственного управления. Выявлены проблемы цифровизации государственного аппарата Республики Армения на современном этапе. Для всестороннего понимания проблемы в статье использован анализ нормативно-правовых и программных документов.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии, информационное общество, электронное правительство, цифровизация, управление.

Введение

В современном мире цифровые технологии становятся неотъемлемой частью повседневной жизни. Цифровизация оказывают существенное влияние на экономическую, социальную, культурную и политическую жизнь. Технологические инновации создают новые перспек-

тивы для преобразования различных аспектов жизни общества и государственного управления, в частности. В нынешних условиях развития цифровых технологий, цифровизация становится важнейшим инструментом модернизации государственной системы. Государства по всему миру активно внедряют цифровые технологии, чтобы сделать управление более эффективным, прозрачным и удобным для граждан. Развитие и внедрение высоких технологий выступают одним из определяющих факторов устойчивого социально-экономического развития государства. Реализация технологического потенциала предоставляет возможность государству укрепить свои позиции в международном сообществе и оказывать влияние на формирование глобального конкурентного пространства. В последние десятилетия цифровизация стала неотъемлемой частью трансформации государственных институтов по всему миру. Внедрение цифровых технологий в публичное управление способствует повышению эффективности, прозрачности и доступности государственных услуг. Республика Армения, как часть глобального цифрового процесса, предпринимает активные шаги в направлении цифровой трансформации государственного аппарата.

Целью данной статьи является анализ текущего состояния цифровизации в органах государственного управления Республики Армения, выявление основных достижений и проблем, а также формулирование рекомендаций для повышения эффективности реализации цифровой повестки. В качестве основы для анализа рассматриваются теоретические концепции цифрового управления (govtech), а также примеры успешной международной практики.

Цифровизация государственного управления является не просто внедрением новых технологий, а коренным переосмыслением природы государственной власти и механизмов управления. В условиях стремительного развития искусственного интеллекта, больших данных, облачных технологий и автоматизированных систем принятия решений исполнительная власть сталкивается с необходимостью адаптации к новым требованиям прозрачности, эффективности и гибкости. Такие трансформации изменяют традиционные бюрократические

структуры, способствуя формированию более сетевых, децентрализованных и ориентированных на граждан модели управления.

Мануэль Кастельс в книге “The Rise of the Network Society” (1996) предложил концепцию сетевого общества, где социальная структура формируется не вокруг индустрий или классов, а вокруг сетей цифровой коммуникации. Это стало философской и теоретической основой для последующего употребления термина «цифровое общество».

Его идея «пространства потоков» (space of flows) предвосхищает концепт цифровой среды как новой формы социума. Кастельс является основоположником теоретического фреймворка, на котором базируется «цифровое общество» [1].

Ян ван Дейк – один из первых, кто ввёл и широко применял термин “digital society” в академическом контексте. В книге “The Network Society” (2005, 3rd ed. 2020) он одним из первых использовал термин digital society системно и сопоставил его с понятием «информационного общества», определил цифровое общество как общество, в котором ИКТ (информационно-коммуникационные технологии) пронизывают все сферы жизни: экономику, политику, культуру, образование, личные отношения. [2]

Клаус Шваб же является популяризатором идеи цифрового общества как глобальной трансформации в управлении, экономике и культуре. Хотя термин «цифровое общество» у него не является центральным, Шваб в книге “The Fourth Industrial Revolution” (2016) описывает общество, в котором технологии становятся системообразующими для всех сфер жизни, включая государство. Он вводит понятие «вторичной реальности» и цифровой идентичности человека [3].

Аспекты цифровой трансформации в сфере государственного управления

Рассматривая процесс цифровизации политики, А.Е. Коньков выделяет различные подходы. Цифровизацию политики можно рассмотреть с одной стороны, как распространение технологий на политические процессы и отношения и другой стороны как политическое

управление развитием цифровых технологий в экономике и социальной сфере. В рамках первого подхода рассматриваются механизмы артикулирования политических интересов с использованием социальных сетей, электронных петиций и онлайн-голосования.

В рамках второго подхода политика цифровизации рассматривается как построение системы управления развитием цифровой экономики, направленной на ускорение внедрения цифровых технологий как в экономической, так и в социальной сферах. Это также подразумевает регуляторную деятельность государства, направленную на формирование основ соответствующей политики. Основное внимание уделяется разработке и реализации национальной модели управления процессами, которые становятся все более значимыми в цифровом пространстве [4].

В научных исследованиях Л.Т. Волчковой [5] и В.Н. Мининой [6] публичное управление рассматривается как разновидность политического руководства и государственного администрирования, а также менеджмента. В их работах проанализированы и аргументированы модели и тенденции в области государственного и публичного управления, особенно подчеркивается, что выступает более сложным уровнем организации власти и общества, а также является показателем развития системы государственного управления и социальной сферы в каждой отдельной стране.

Н.Ф. Попова [7] сосредоточила свое внимание на вопросах цифровизации государственного управления, а также на проблемах и перспективах разработки цифровых платформ в этой сфере и цифровой трансформации процессов. В своем исследовании она обосновывает, что внедрение цифровых технологий в систему государственного управления должно способствовать улучшению качества жизни граждан. Это приведет к предоставлению услуг через единую цифровую платформу, сокращению социального неравенства, ускорению темпов экономического роста страны, минимизации административного усмотрения в процессе принятия управленческих решений чиновниками, а также автоматизации сбора и анализа управленческой и иной отчетности.

С.В. Володенков и С.Н. Федорченко [8] провели обзор научных концепций, моделей и сценариев, связанных с цифровизацией современных общественно-политических коммуникаций, рассмотрели подходы к определению особенностей и содержания влияния цифровизации на трансформацию общественно-политических практик. Представили научные позиции относительно роли цифровых технологий в современных процессах воздействия на массовое сознание. Показали вызовы национальному суверенитету в условиях технологических трансформаций.

Цифровизацию государственного аппарата рассмотрим, как процесс внедрения и использования цифровых технологий в деятельности органов государственной власти с целью повышения эффективности, прозрачности и доступности государственных услуг. Цифровизация может охватывать различные аспекты государственного управления, начиная от документооборота и автоматизации рабочих процессов, до создания электронных платформ для взаимодействия с гражданами. Цифровизация помогает государственным органам работать быстрее и эффективнее, а также делает их деятельность более прозрачной и доступной для людей. Это важный шаг к созданию современного, справедливого и более открытого управления, которое будет отвечать нуждам и ожиданиям общества.

Роль информационных технологий в повышении эффективности государственного управления

Информационные технологии (ИТ) становятся неотъемлемой частью современной жизни, проникая в различные сферы, включая государственное управление. В последние годы развитие цифровых технологий значительно изменило подходы к управлению государственными процессами, сделав их более эффективными, прозрачными и доступными для граждан. Применение ИТ в государственной сфере позволяет значительно улучшить качество предоставляемых услуг, ускорить работу государственных органов и повысить уровень взаимодействия с обществом [9].

Одним из основных преимуществ цифровизации является повышение прозрачности и подотчетности деятельности государственных институтов. Электронные системы документооборота, автоматизация процессов предоставления государственных услуг и развитие платформ электронного правительства способствуют снижению бюрократических барьеров, минимизации коррупционных рисков и повышению доверия граждан к государственным структурам. ИТ стали неотъемлемой частью государственного управления, потому что без них уже невозможно эффективно справляться с объёмом задач, которые стоят перед современным государством [10]. В условиях современного цифрового общества государственное управление сталкивается с неоправданно высокими ожиданиями граждан, стремящихся к скорости, точности и постоянной доступности публичных услуг. Объём процессов и потоков информации, с которыми взаимодействуют органы власти, превысил возможности традиционного бумажного администрирования. Управление «по-старинке» – вручную, с использованием бумажных носителей и при личном приеме в офисное время – стало технологически и организационно неэффективным в XXI веке. Цифровые технологии, в частности электронное правительство и автоматизация процедур, позволяют переводить большинство административных операций в цифровую среду, где процедуры осуществляются быстрее, прозрачнее и удобнее. Это уже не просто вопрос повышения комфорта, а критическая необходимость: внедрение информационно-коммуникационных технологий становится условием сохранения легитимности, эффективности и устойчивости публичного управления [11].

Внедрение цифровых технологий в государственные органы даёт возможность повысить открытость и доступность информации для граждан, что в свою очередь способствует увеличению доверия к власти и снижению коррупции.

Международный опыт формирования цифрового правительства

Цифровое правительство стало неотъемлемой частью государственного управления в XXI веке, и многие страны демонстрируют успешные примеры реализации цифровых трансформаций. Одним из

наиболее продвинутых примеров считается Эстония, где уже с начала 2000-х гг. была внедрена система электронного резидентства, а большинство государственных услуг стали доступны онлайн. Граждане могут голосовать на выборах, открывать бизнес, подавать налоговые декларации и подписывать юридически значимые документы в электронном формате. Такой подход позволил существенно сократить административные издержки и повысить уровень доверия к государственным институтам [12]. Другим примером служит Южная Корея, где цифровизация активно используется для улучшения взаимодействия между государственными структурами и гражданами через интегрированные платформы – такие, как “Government-24” [13].

В Российской Федерации на протяжении более 10 лет функционирует государственная программа «Информационное общество» [14]. Этот документ определяет цели и мероприятия, направленные на осуществление внутренней и внешней политики страны в области имплементации информационно-коммуникационных технологий. Его основная цель заключается в развитии информационного общества, создании национальной цифровой экономики, защите национальных интересов и реализации стратегически важных приоритетов. Основным, и одним из самых известных проектов цифровизации в России является платформа «Госуслуги» [15]. Это федеральный единый портал для предоставления государственных услуг в электронном виде. Данный сервис позволяет гражданам подавать документы на получение государственных услуг, платить налоги, штрафы и другие сборы, а также получать различные справки, и записываться на приём в госучреждения. Госуслуги позволили значительно сократить время, которое граждане тратят на получение необходимых документов и услуг. В 2025 году счёт зарегистрированных на данной платформе составил 112 миллионов пользователей, что составляет значительную часть населения страны [16].

И когда речь идёт про цифровизацию государства, то нельзя не упомянуть Китай, так как Китай сегодня считается одним из мировых лидеров в сфере цифрового государственного управления. Как у остальных государств, у Китая тоже есть свою особенность в цифрови-

зации, это централизованное планирование, масштабность внедряемых решений и активное участие частного сектора. Одна из особенностей Китая это то, что он развивает централизованные цифровые платформы, через которые предоставляются все основные услуги. Электронное государственное управление Китая включает использование информационных технологий для оказания государственных услуг, исполнения правительством своих функций, вовлечения в управление граждан, управление взаимоотношениями между гражданами, частным сектором и государством. Цели электронного государственного управления: высокое качество и низкие затраты операций правительства; поддержка оказания общественных услуг; вовлечение граждан в управление; обновление правил информационной политики; проведение административной и институциональной реформ [17].

Эффективность цифрового управления напрямую зависит от цифровой грамотности и степени доверия граждан. В России акцент сделан на обучении и поэтапном вовлечении пользователей посредством программы «Цифровая экономика», курсов цифровой грамотности и постоянной поддержкой на платформе «Госуслуги», а также информационными кампаниями о безопасности данных и удобстве электронных услуг.

В Китае цифровое мышление граждан формируется на национальном уровне посредством образовательных кампаний, внедрения цифровых технологий в повседневную жизнь. Цифровизация позиционируется как элемент национального прогресса, общего блага.

Международная практика показывает, что успешное цифровое правительство требует комплексного подхода, включающего не только развитие технологий, но и формирование правовой базы, обеспечение защиты персональных данных, кибербезопасности, а также повышение уровня цифровой грамотности населения. Опыт развитых стран доказывает, что цифровизация может стать мощным инструментом повышения прозрачности, эффективности и открытости государственного управления при условии стратегического планирования и политической воли, и последовательной работы с человеческим мышлением

– формированием новой культуры взаимодействия между государством и обществом, установок доверия к цифровым инструментам, восприятием инноваций.

Проблемы и вызовы цифровизации государственного аппарата Республики Армения на современном этапе

Первые шаги по внедрению электронного правительства правительство Республики Армения предприняло еще в 2000-х годах.

На современном этапе Армения активно развивает цифровое правительство, стремясь улучшить доступность и качество государственных услуг для граждан и бизнеса. Основным инструментом в этом процессе является единая платформа e-gov.am, которая объединяет более 400 онлайн-сервисов, включая регистрацию бизнеса, подачу заявлений, оплату пошлин и штрафов, а также получение различных справок и документов. Данный портал электронного правительства был представлен в 2010 году правительством Армении.

В 2020г. в Республике Армения была утверждена стратегия цифровизации страны на 2020–2025гг., концептуально-программный документ, направленный на институционализацию процессов цифровой трансформации и формирование устойчивой цифровой экосистемы. Согласно позиции органов власти страны, использование цифровых технологий в государственном управлении позволит повысить эффективность государственного управления за счет оптимизации административных процессов, снижения затрат, ускорения управленческих процессов, усиления механизмов контроля над процессами, снижения коррупционных рисков. Эта стратегия представляет собой комплексный план развития, нацеленный на общее развитие страны и охватывающий все социально-экономические секторы. Концептуальная модель стратегии базируется на трех основных стратегических столпах:

- 1) Государственное управление;
- 2) Экономика;
- 3) Общество [18].

Начиная с 2000-х гг. по сей день в Республике Армении реализован ряд ключевых программ и инициатив, направленных на развитие

цифрового государственного управления и формирование электронного правительства. Среди наиболее значимых мероприятий по цифровизации можно выделить внедрение системы электронных виз, внедрение системы электронных платежей ARCA, переход государственных органов на систему электронного документооборота Mulberry, развитие электронной подписи и механизмов отслеживания продвижения документов и заявлений в онлайн-режиме.

Также были реализованы комплексные мероприятия на повышение эффективности государственного управления в отношениях с гражданами и бизнесом, а именно - внедрение системы электронной налоговой отчетности, механизмов электронных разрешений и лицензий, электронных закупок и электронной регистрации бизнеса.

Важным элементом цифровой трансформации государственного управления РА стало внедрение национальных идентификационных карт (ID card) и биометрических паспортов, что обеспечило повышение уровня аутентификации и верификации личности граждан.

К числу других цифровых инициатив относятся внедрение электронной системы подачи заявок в агентство интеллектуальной собственности, создание платформы электронных торгов по реализации арестованного имущества, функционирование электронной правовой информационной системы Республики Армения, а также развитие портала электронных услуг комитета кадастра и официального сайта публичных оповещений. Существенное значение имеют также внедренные судебная информационная электронная система, электронный регистр избирателей и система электронных выборов, способствующие повышению уровня цифровизации в правовой, судебной и избирательной сферах.

Электронное правительство предполагает развитие цифровых форм взаимодействия между государственными учреждениями и служащими, организацию межведомственного обмена данными, а также высокий уровень координации, сотрудничества и эффективности в государственном управлении. Всеобъемлющая цифровая трансформация государственного сектора является многоаспектной задачей, которая затронет практически всех государственных служащих на национальном и региональном уровнях. В этом контексте особое значение

приобретает формирование у кадров государственного управления необходимых цифровых навыков, профессиональных компетенций и институциональных возможностей для обеспечения успешной реализации этого процесса [19].

Одним из приоритетов действующей программы Правительства РА является повышение эффективности работы госаппарата, расходуя при этом меньше ресурсов во всех сферах государственного управления. На современном этапе цифровой трансформации Республика Армения сталкивается с вызовами обеспечения кибербезопасности и защиты прав в условиях становления цифровой экономики. Существенным ограничивающим реформирование фактором является недостаточная обеспеченность квалифицированных кадров, способных эффективно работать и обеспечивать развитие цифровых инфраструктур, а также формирование экономики интеллектуальной собственности [20].

Для успешной реализации поставленной цели следует сформировать современную гибкую инфраструктуру, способную адаптироваться к актуальным требованиям эффективного взаимодействия, поддерживая динамичное развитие цифровой экономики Республики Армения. В данном контексте приоритетное значение приобретает формирование устойчивой системы информационной и кибербезопасности, направленной на защиту персональных данных и минимизацию цифровых рисков. Одновременно требуется совершенствование электронных сервисов, обеспечивающих предоставление государственных услуг в цифровом формате. Неотъемлемой частью реформ является комплексная цифровая трансформация данных, находящихся в распоряжении государственных структур, которая предполагает систематизацию, унификацию и интеграцию последних в едином информационном пространстве. Важным условием эффективности цифрового управления выступает внутренняя координация и совместимость государственных информационных систем и программных решений, что способствует оптимизации процессов обмена данными. Важно также обеспечить доступ к широкополосному, мобильному и фиксированному высокоскоростному Интернету на территории Армении,

обеспечить безопасную цифровую среду через национальный центр кибербезопасности, создать коммуникационные и цифровые инфраструктуры [21].

Недостатки в законодательной и правовой системе по-прежнему представляют собой важную проблему. В то же время, процесс цифровой трансформации требует широкомасштабного и постоянного обучения, а также привлечения высококвалифицированных кадров. В этом контексте наблюдаются существенные недостатки, особенно в регионах, что замедляет полноценное осуществление программ цифровизации. Необходимо подчеркнуть, что успешность внедрения цифровых технологий не может быть полностью реализована без наличия у широких слоев населения необходимых цифровых навыков и достаточной мотивации для использования онлайн-сервисов. Это подчеркивает значимость образовательных и просветительских инициатив, а также программ государственно-частного партнерства.

Заключение

Армения ориентируется на построение эффективной, прозрачной и доступной экосистемы электронного правительства посредством институционализации инновационных цифровых стратегий. Государственная программа на 2017–2022 годы определила цифровую трансформацию в качестве одного из ключевых направлений модернизации государственного управления, а Стратегия цифровизации на 2021–2025 годы заложила основы национальной архитектуры управления данными в цифровой среде. Программа Правительства на 2021–2026гг. акцентирует внимание на формировании инфраструктуры цифровой аутентификации для обеспечения безопасности и доверия в электронных транзакциях. Среди приоритетных направлений государственной цифровой политики выделяются разработка и внедрение единой платформы услуг электронных государственных услуг, создание центра передового опыта в области кибербезопасности, электронной системы налогового администрирования, а также функционирование национального портала электронного здравоохранения.

На современном этапе государственного реформирования институциональные и организационные основы цифровизации и цифровой трансформации в Армении находятся в стадии активного формирования и развития. В рамках реализации национальной цифровой повестки осуществлено внедрение ряда ключевых электронных платформ, направленных на оптимизацию взаимодействия граждан и государства, а также повышение эффективности предоставляемых государственных услуг. Среди них – портал электронного Правительства (*egov.am*), система документооборота органов государственной власти “*Mulberry*”, платформа взаимодействия граждан с государственными структурами (*e-citizen.am*), единая система электронных обращений *e-request.am* и др. Эти инструменты способствуют институционализации открытого управления, повышению административной прозрачности и формированию цифровой культуры в обществе.

Анализируя государственные электронные порталы доступные в Республике Армения, можно сказать что в сфере цифрового управления в Армении создана прочная основа для дальнейшей цифровой трансформации страны и для дальнейшего совершенствования данного процесса необходимо преодолеть ряд вызовов, таких как недостаточная интеграция ИТ-систем, низкий уровень цифровой грамотности среди населения и угрозы кибербезопасности, несовершенство законодательных условий, в частности нормативно-правовой базы в сфере прав интеллектуальной собственности и дальнейшего управления цифровыми решениями.

Развитие цифрового управления Армении – это долгосрочный процесс, требующий последовательных и обоснованных шагов. Этот процесс сталкивается с проблемами частичного регулирования правовой и организационной базы, нехватки квалифицированного человеческого капитала и неравномерного развития инфраструктуры, которые требуют комплексного подхода и четкости в разработке стратегической политики. Основы цифровизации государственного аппарата уже заложены – сформированы инфраструктурные и институциональные предпосылки, внедрены ключевые цифровые платформы и начата реализация стратегий – однако преодоление глубоких системных

барьеров требует не только значительных усилий и времени, но и проявления политической воли: предлагаемые изменения ещё не полностью институционализированы, многие административные и посреднические процессы нуждаются в цифровом преобразовании.

Не менее значимым является работа с человеческим мышлением – формированием цифрового управленческого и общественного сознания, развитие доверия к цифровым инициативам, преодоление психологических и культурных барьеров восприятия инноваций. Цифровая трансформация в Республике Армения требует не только модернизации технологий, но и формирования ценностных установок, определяющих готовность как государственных институтов, так и гражданского общества к принятию новых управленческих решений., трансформации политического мышления.

Чтобы добиться устойчивых результатов, важно сосредоточиться не только на внедрении новых технологий, но и на создании условий, при которых эти технологии станут доступными, понятными и социально значимыми для всех граждан. Только при таком подходе цифровизация станет инструментом модернизации политико-административной системы. В этом контексте, помимо технологических, особое значение приобретают политико-когнитивные факторы – степень проявления политической воли, способность переосмыслению ценностных установок.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Castells M.* The rise of the network society. 2nd ed., with a new pref. Wiley-Blackwell, 2009, 656p.
2. *Добринская Д.Е., Мартыненко Т. С.* Возможно ли цифровое равенство? (о книге Я. ван Дейка «Цифровой разрыв») // Социологические исследования, № 10, 2020. СС. 158–164. DOI 10.31857/S013216250009459-7
3. *Schwab K.* The Fourth Industrial Revolution. World Economic Forum. (2016). URL: https://law.unimelb.edu.au/_data/assets/pdf_file/0005/3385454/Schwab-The_Fourth_Industrial_Revolution_Klaus_S.pdf
4. *Коньков А.Е.* Цифровизация политики vs политика цифровизации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. Т. 13., Вып. 1, 2020. СС. 47–68. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2020.104>.

5. Волчкова Л.Т. Публичное управление как сфера социального развития человека // Материалы Афанасьевских чтений, № 13, 2015. СС. 19–26.
6. Минина В.Н. HR-боты в управлении человеческими ресурсами организации // «Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент», № 3, 2019. СС. 400–418.
7. Попова Н.Ф. Необходимость цифровизации государственного управления в РФ // Административное право и процесс, № 2, 2020. СС. 48–53.
8. Володенков С.В., Федорченко С.Н. Цифровизация современного пространства общественно-политических коммуникаций: научные концепции, модели и сценарии // Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология, № 60, 2021. СС. 175–193.
9. Макаров В.Л. Цифровая трансформация и электронное правительство: стратегия и реализация в России // Общество и экономика, № 1, 2021. СС. 75–90.
10. Костюков А.И. Информационные технологии в государственном управлении: современные вызовы и направления развития // Государственная власть и местное самоуправление, № 5, 2020. СС. 45–49.
11. Noura Aleisa. Key factors influencing the e-government adoption: a systematic literature review. Journal of Innovative Digital Transformation 2 August 2024; 1 (1): PP. 14–31. <https://doi.org/10.1108/JIDT-09-2023-0016>
12. Федоров В.И. Проекты по автоматизации голосования в исторической ретроспективе. Гражданин. Выборы. Власть, № 1(15), 2020. С. 53
13. Шпакова А.А., Горюнова С.А. Стратегические программы по цифровизации экономики Южной Кореи // Ars Administrandi (Искусство управления), Т. 13, № 2, 2021. СС. 260–284. DOI: 10.17072/2218-9173-2021-2-260-284.
14. Постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 г. № 313 Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Информационное общество (2011–2020 годы)"// Правительство России. URL: <http://government.ru/docs/all/91296/>
15. Федеральная государственная информационная система «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)», Единый портал госуслуг, ЕПГУ // Режим доступа: <https://www.gosuslugi.ru/?contentType=F>
16. Количество зарегистрированных пользователей «Госуслуг» превысило 112 млн. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2025/05/15/1110225-kolichestvo-zaregistrovannih>
17. Noguera M.P. Opportunities and challenges of e-Governance: A reality or science fiction for the Chinese Government? // Politica China, 2014. URL: http://www.asiared.com/es/downloads2/14_1s_mireia_paulo_noguera.pdf

18. Решение Правительства РА об утверждении стратегии цифровизации Армении, программы стратегических мероприятий и показателей результативности (на армянском). URL:
<https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?DocID=149957>
19. Исследование ООН: электронное правительство 2024. Ускорение цифровой трансформации для устойчивого развития. Нью-Йорк, 2024. URL:
<https://desapublications.un.org/sites/default/files/publications/2025-01/E-Government%20Survey%202024%20RUS-compressed.pdf>
20. *Khachatryan K.* Issues of Digitalization of the System of Public Administration in the RA. Bulletin of Yerevan University G: Economics, Vol. 14, No 1 (40), 2023. PP. 72-87. URL: <https://doi.org/10.46991/BYSU:G/2023.14.1.072>
21. ՀՀ Կառավարության ծրագիր 2019թ. 8 փետրվարի 2019 թվականի N 65-Ո: URL: <https://www.gov.am/files/docs/3133.pdf>

REFERENCES

1. *Castells M.* The rise of the network society. 2nd ed., with a new pref. Wiley-Blackwell, 2009, 656 p.
2. *Dobrinskaya D., Martynenko T.* Is digital equality possible? (about the book by J. van Dijk “The Digital Divide”) // “Sociological studies”, No 1, 2020. PP. 158–164. DOI 10.31857/S013216250009459-7
3. *Schwab K.* The Fourth Industrial Revolution. World Economic Forum. (2016). URL: https://law.unimelb.edu.au/_data/assets/pdf_file/0005/3385454/Schwab-The_Fourth_Industrial_Revolution_Klaus_S.pdf
4. *Kon'kov A.E.* Cifrovizaciya politiki vs politika cifrovizacii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya, Vol. 13. No. 1, 2020. PP. 47–68. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2020.104>. [In Russian].
5. *Volchkova L.* Publichnoe upravlenie kak sfera social'nogo razvitiya cheloveka // Materialy Afanas'evskih chtenij, № 13, 2015. PP. 19-26. [In Russian].
6. *Minina V.* HR-boty v upravlenii chelovecheskimi resursami organizacii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Menedzhment, № 3, 2019. PP. 400–418 [In Russian].
7. *Popova N.* Neobkhodimost' cifrovizacii gosudarstvennogo upravleniya v RF // Administrativnoe pravo i process, № 2, 2020. PP. 48–53 [In Russian].
8. *Volodenkov S.V., Fedorchenko S.N.* Cifrovizaciya sovremennogo prostranstva obshchestvenno-politicheskikh kommunikacij: nauchnye koncepcii, modeli i scenarii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta Filosofiya. Sociologiya. Politologiya, № 60, 2021. PP. 175–193 [In Russian].

9. *Makarov V.* Cifrovaya transformaciya i elektronnoe pravitel'stvo: strategiya i realizaciya v Rossii // *Obshchestvo i ekonomika*, № 1, 2021. PP. 75–90 [In Russian].
10. *Kostyukov A.* Informacionnye tekhnologii v gosudarstvennom upravlenii: sovremennye vyzovy i napravleniya razvitiya // *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*, № 5, 2020. PP. 45–49 [In Russian].
11. *Noura Aleisa.* Key factors influencing the e-government adoption: a systematic literature review. *Journal of Innovative Digital Transformation* 2 August 2024; 1 (1). PP. 14–31. <https://doi.org/10.1108/JIDT-09-2023-0016>
12. *Fedorov V.I.* Proekty po avtomatizacii golosovaniya v istoricheskoy retrospektive. *Grazhdanin. Vyborny. Vlast'*. № 1(15), 2020. P. 53 [In Russian].
13. *Shpakova A., Goryunova S.* Strategicheskie programmy po cifrovizacii ekonomiki Yuzhnoj Korei // *Ars Administrandi (Iskusstvo upravleniya)*, Vol. 13, № 2, 2021. PP. 260–284. DOI: 10.17072/2218-9173-2021-2-260-284 [In Russian].
14. Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 15.04.2014 g. № 313 Ob utverzhdenii gosudarstvennoj programmy Rossijskoj Federacii “Informacionnoe obshchestvo (2011–2020 gody)” // *Pravitel'stvo Rossii*. Rezhim dostupa: <http://government.ru/docs/all/91296/> [In Russian].
15. Federal'naya gosudarstvennaya informacionnaya sistema «Edinyj portal gosudarstvennyh i municipal'nyh uslug (funkcij)», Edinyj portal gosuslug, EPGU. URL: <https://www.gosuslugi.ru/?contentType=F> [In Russian].
16. Kolichestvo zaregistrirovannyh pol'zovatelej «Gosuslug» prevysilo 112 mln. Rezhim dostupa: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2025/05/15/1110225-kolichestvo-zaregistrirovannyh> [In Russian].
17. *Noguera M.* Opportunities and challenges of e-Governance: A reality or science fiction for the Chinese Government? // *Politica China*, 2014. URL: http://www.asiared.com/es/downloads2/14_1s_mireia_paulo_noguera.pdf
18. Reshenie Pravitel'stva RA ob utverzhdenii strategii cifrovizacii Armenii, programmy strategicheskikh meropriyatij i pokazatelej rezul'tativnosti URL: <https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?DocID=149957> [In Armenian]
19. UN Study: E-Government 2024 // *Accelerating Digital Transformation for Sustainable Development*. New York, 2024. URL: <https://desapublications.un.org/sites/default/files/publications/2025-01/E-Government%20Survey%202024%20RUS-compressed.pdf>
20. *Khachatryan K.* Issues of Digitalization of the System of Public Administration in the RA. *Bulletin of Yerevan University G: Economics*, Vol. 14, No 1(40), PP. 72–87. <https://doi.org/10.46991/BYSU:G/2023.14.1.072>
21. RA Government Program for 2019. February 8, 2019 N 65–A URL: <https://www.gov.am/files/docs/3133.pdf> [In Armenian]

**THE REPUBLIC OF ARMENIA'S STATE APPARATUS'S
DIGITALIZATION: EXISTING SITUATION, OBSTACLES,
AND FUTURE OPPORTUNITIES**

I. Karamyan

Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

The article examines the key aspects of digital transformation in public administration, considers both the theoretical foundations of digitalization of the state apparatus and practical international experience, with a specific focus on the analysis of the current situation in the Republic of Armenia. The role of information technologies in increasing the efficiency of public administration is analyzed. The problems of digitalization of the state apparatus of the Republic of Armenia at the present stage are identified. To provide a comprehensive understanding of the problem, the article uses an analysis of regulatory and program documents.

Keywords: information and communication technologies, information society, e-government, digitalization, management.

DOI 10.24412/1829-0450-2025-3-155-166
УДК

Поступила: 12.05.2025г.
Сдана на рецензию: 17.05.2025г.
Подписана к печати: 23.08.2025г.

THE ARMENIAN-CZECH “CROSS-CULTURAL” PHENOMENON OF “MARLENKA”

M. Mezhlumyan, N. Khachaturian

*Institute of Archaeology and Ethnography NAS RA^{1,2}
marta.mezhlumyan@gmail.com, nelli.khachaturyan02@gmail.com
ORCID¹: 0000-0002-5619-3417, ORCID²: 0000-0002-5378-7420*

ABSTRACT

The Armenian community in the Czech Republic began to form more visibly and gain significance in the aftermath of the dissolution of the Soviet Union, particularly in the early 1990s. Prior to this period, the presence of the Armenians in the Czech lands was negligible but historically recorded. The Armenian community in the Czech Republic is a relatively new diaspora that is currently undergoing a process of diasporization and transformation. In this kind of dynamical processes, the key figures of the community are best outlined. Due to their activities and dispositions, they have a significant impact on community and identity formation in ethnically and religiously diverse environments. It was precisely in this context that Gevorg Avetisjan a world famous Czech entrepreneur by Armenian origin, that became well known as the founder of internationally popular confectionary company Marlenka, is widely recognized as the most prominent representative of the Armenian community in the Czech Republic and as one of the country's leading entrepreneurs. The article presents the phenomenon of Gevorg Avetisyan as a social actor both within the frame of the Armenian community and in the entire Czech society, whose entrepreneurial activity corresponds to the dominant values of the society in which he actively functions and the community, on the development of which he actively influences [1].

Keywords: entrepreneur, Armenian diaspora, Czech Republic, “Marlenka”, social actor, heritage.

Introduction

Modern social system consists of a plurality and diversity of social actors. According to their activity and practices in the frame of certain group actors can vary from personal to civilizational. Their primary roles involve strategic positions in decision-making and policy processes, representing certain group interests and safeguarding material, spiritual, and environmental values [2]. Here, we define a social actor as an individual whose intentional actions are guided by internalized societal or community expectations and shaped by others' interpretations [3].

The concept of the social actor provides a productive analytical framework for understanding the agency of individuals within diasporic and transnational contexts. Diaspora members, as social actors, operate at the intersection of multiple cultural, economic and symbolic systems. Their actions are shaped by internalized expectations and collective values, yet they remain capable of strategic adaptation and innovation.

Entrepreneurship within diasporas exemplifies this dynamic. Migrant entrepreneurs act as mediators between home and host societies, transforming social and symbolic capital into economic and cultural resources. Through their practices, they not only pursue individual advancement but also contribute to the reproduction and redefinition of ethnic (cultural) and religious (confessional) identities.

This approach situates entrepreneurship beyond mere economic rationality: it becomes a culturally embedded social process that sustains transnational networks, reinforces community cohesion, and symbolically marks ethnic space. Thus, diasporic entrepreneurs emerge as key agents of social transformation, whose actions illuminate the interplay between structure, culture and agency in contemporary global societies [4].

In this context the article aims to present and analyse the biographic details and the entrepreneurship activity of Mr. Gevorg Avetisjan as a social actor in both Armenian and Czech societies. Gevorg Avetisjan is regarded as a leading figure within the Armenian community in the Czech Republic and is recognized as one of the country's most successful entrepreneurs. Having arrived during the first wave of Armenian immigration in the 1990s,

notably, he is among the founding members of the Armenian community in the country. The life story and the activity of the famous enterpreneur and the key figure of the Armenian community in the Czech Republic was documented through qualitative research, specifically employing the biographical-narrative and in-depth interview methods that allowed the authors to reconstruct his authentic and "cross-cultural" activity dynamics.

The in-depth interview with Gevorg Avetisjan was conducted in November 2022 on-site at the Marlenka production facility in Frýdek-Místek, Czech Republic.¹ And the biographical-narrative interview with Gevorg Avetisjan was conducted in 2017 in Prague, Czech Republic.²

These methodological approaches enabled to capture not only the factual life and activity experiences but also the emotions, attitudes and the symbolic meanings associated with them and to unveil how his activity impact on vary spheres of community life.

Georgius and Gevorg: pattern or coincidence?

The Armenian community in the Czech Republic does not have a long tradition; mostly the Armenians began arriving in the early 1990s after the collapse of the Soviet Union. Before that, the Armenians living in the Czech Republic were a rarity. For centuries, Armenians have established larger or smaller communities in Eastern European countries such as Bulgaria, Poland, Hungary etc., and the countries of the former Yugoslavia. During the existence of Austria-Hungary, Armenians tended to concentrate in Vienna, and therefore no significant community was established in the Czech or Slovak territories at that times. The earliest and most notable mention concerns the first known Armenian to settle in the region: the

---

¹ The research was carried out by Nelli R. Khachaturian the researcher of the Department of Diaspora Studies of the Institute of Archaeology and Ethnography of National Academy of Sciences of the Republic of Armenia within the framework of the state program "The main directions of the comparative studies of the Armenians in their own and foreign environments: the problems and the perspectives of the study" (2021-2025).

² The interview is related to research on the Armenian community in the Czech Republic, which has been the long-term focus of Marta Mezhlumyan, as a student of Cultural Anthropology and Ethnology at the Faculty of Arts, Charles University, Prague.

merchant Gevorg Astvacatur Damaskosci, also known as Georgius Deodatus Damascenus, who lived and conducted his trade in Prague during the 18th century [5].

Georgius Deodatus Damascenus was born in 1668 in an Armenian family in Damascus. During his travels, he arrived in Vienna, and then he moved to Prague, where he succeeded as a coffee merchant [6, 7, 8, 9].

Deodatus was also engaged in theology. His latin theological manuscripts are stored in the State Archives of the Czech Republic and the National Library [10]. Besides theology, he wrote brochures in German and Latin about the life of Christians in the Middle East [11]. He died in 1740 and was buried in the cloister of the Monastery of St. Thomas in Prague [12].

And is this a coincidence, but another Gevorg, that is Gevorg Avetisjan, that firstly took care of finding, digitization and popularisation of Georgious’s manuscripts in Czech Republic among the Czechs and the Armenians decided to continue to promote and develop the friendship and commonality among two nations. And as he told, he felt a kinship with Deodatus and chose to follow in his footsteps as a kind of “cultural and national descendant” [13, 14, 15].

Since then, on the inner packaging of “Marlenka” products features, in addition to Armenian national symbols such as Mount Ararat and the Khor Virap Monastery (which were deliberately selected to underscore the Armenian cultural heritage associated with the brand’s origins), there is a portrait of Georgius Deodatus with a short historical note about his Armenian origin and the connection to the Czech lands (Figure 1).

Figure 1. Mount Ararat, the Khor Virap Monastery and a portrait of Georgius Deodatus on the inner packaging of “Marlenka” products.

Making the Phenomenon

Gevorg Avetisjan is the founder and Chief Executive Officer of Marlenka International, the company specialized in the production of traditional Armenian honey cakes in the Czech Republic. The recipes utilized in production originate from his ancestral heritage and were transmitted through successive generations to his sister, who contributed her skills to establish the production process [16].

Avetisjan's professional orientation and activity have consistently emphasized the promotion of Armenian cultural heritage. His family lineage traces back to the city of Van in Western Armenia, where his ancestors were engaged in mercant activities. His maternal grandfather operated a factory producing lokum and halva, providing a historical and commercial precedent that influenced Avetisjan's later entrepreneurial endeavors [17].

Today Marlenka's production facilities are located in Frýdek-Místek, Czech Republic, and the company's products have gained recognition both domestically and internationally [18]. The company distributes products to over fifty-five countries worldwide [19], including regions in Europe, the Americas, Canada, Africa, China, Russia, Ukraine, Taiwan, the Philippines, South Korea and the Near and Far East [20, 21].

In 2022, for the services to the country Avetisjan became the first Armenian in the history of the Czech Republic to receive the First-Class Medal of Merit, awarded by the President of the Czech Republic, Miloš Zeman. This recognition reflects his enormous contributions to economic development of the country, mutual cultural promotion and the community engagement.

Media coverage and recognition of Avetisjan's entrepreneurial activity has been consistent for years. For example, Forbes magazine devoted an extensive feature to Avetisjan and the Marlenka brand [22]. CNN and other international outlets have reported on the company and its founder, including coverage during the 2020 Nagorno-Karabakh conflict, highlighting his advocacy regarding the events in the region [23].

However, Avetisjan was born in 1959 in Yerevan, Armenia. He graduated from the Academy of Arts with a specialization in design [24]. In Yerevan, he established a furniture manufacturing business, achieving commercial success due to product quality and demand. The socio-economic circumstances of the 1990s, including the aftermath of an earthquake, regional conflict, blockades, and energy shortages, disrupted his production activities. Having visited Prague as a student, Avetisjan was influenced by the city’s social and cultural environment and later confronted with economic and social instability, he forced to migrate to the Czech Republic with his family. A chance encounter on a train led him to settle in Ostrava rather than Prague [25].

Upon arrival, they encountered various difficulties, and Avetisyan once promised that he would restore the cross on the Catholic church in Ostrava if he could survive. And he did what he promised as under the guidance of him and his sister, the customer acceptance of the production led to increased demand, prompting the establishment of structured production processes. Avetisjan personally supervised all stages of production, implemented large-scale operations, imported production lines from Japan and Norway, and developed “cross-cultural” design elements that integrated Armenian and Czech cultural motifs [26, 27, 28].

Marlenka International has become one of the most recognized companies in the Czech food industry. So, through his activity Avetisjan as a social actor has promoted Armenian-Czech relations, supported Armenian community in the country and contributed to the recognition of the Armenian Genocide in the Czech Republic [29]. He also played a role in securing a space for the Armenian Church in Prague [30]. Additionally, Avetisjan has provided financial support to Armenian-language media, *Orer*, which reports on both local and international Armenian community issues [31, 32].

Thus, by his (diasporic) entrepreneurship, activity and dispositions he illustrates the mediating role between home and host societies, converts social and symbolic capital into economic and cultural resources, simultaneously shape (or reshape) community’s collective ethnic and religious identities by supporting collective historical memory, religious

and media institutions, that are practically the main layers of the basis for the further formation of a community.

The company's clientele includes national and international figures. Even in 2016, the British Ambassador to the Czech Republic commissioned a cake for Queen Elizabeth II's 90th birthday, designed by Avetisjan and presented as a formal gift [33]. Among his individual customers are ministers and presidents of various countries, firstly the previous and the present presidents of the Czech Republic. And despite his busy schedule, he invariably finds time for dialogue – answering questions, giving interviews, and sharing stories about his origins and Homeland, always offering Armenian brandy as a token of hospitality [34].

Planned expansions include not only the additional production facilities, retail and hospitality infrastructure, but an interactive museum dedicated to «Marlenka» and its connections to Armenian cultural heritage [35].

Nowadays Mr. Avetisjan's activity can be considered as a model of intercultural synthesis and dialogue, while embodying the essence and commitment to Armenian cultural identity, enriched by the formative influence of Czech social and cultural foundations and values. And the current Marlenka International facility, displaying the national flags of the Republic of Armenia and the Czech Republic on its premises becoming a type of “diplomatic bridge” between two nations.

Conclusion

In diaspora context, entrepreneurship extends beyond economic activity. It is carrying ethnic symbolism (especially when the bond with national identity remains strong) and becoming a symbolic practice and a kind of ethnic space through which migrant entrepreneurs articulate prestige, belonging and continuity of the certain ethnocultural domain. The establishment of businesses and enterprises often carries meanings tied to collective memory and cultural identity preservation. Through the reproduction of traditional products, names and etc., entrepreneurs symbolically reconstruct fragments of the Homeland in the host

environment. These practices serve as markers of ethnic visibility and resilience, transforming material success into moral and cultural capital. Thus, entrepreneurship in the diaspora becomes both an act of adaptation and a performative reaffirmation of communal identity across the transnational spaces.

Avetisjan’s life story and his activities reflect that harmonious connection between Homeland and host country: representing Armenian roots and culture through his personal achievements while honoring the Czech Republic, which provided the opportunities and environment that enabled him to prosper.

As a representative of the first generation of Armenia’s immigrants of the 1990s, he embodies not only the exceptional professional achievement. A defining characteristic of this kind of social actors is also their motivation driven by their dispositions, feelings and evaluations.

His activity may be understood as a culturally structured system [36], reflecting the interplay between personal values, national identity and socio-cultural context.

There is little doubt that his decisions and actions laid the groundwork of the formation of the contemporary Armenian community in the Czech Republic. Through the interviews, we also obtained insights into his personal narrative, perspectives, thereby capturing valuable testimony about a social life that shaped deeply held values – factors that have influenced not only his individual trajectory but also the evolution of the Armenian community in the Czech Republic.

And, it can now be stated with confidence that Marlenka – while firmly rooted from Armenian cultural heritage – has alongside iconic Czech brands such as Škoda come to symbolize the Czech Republic itself. In this way, the brand embodies a dual cultural identity, simultaneously representing the traditions of the Armenian homeland and the values of the Czech host country, thus serving as an overpass between two nations.

REFERENCES

1. *Parsons T.* The Social System, Routledge, Taylor & Francis, London, 2005. P. 22.

2. *Skopin A.Yu., Klimov A.I., Zaitsev D.G.* Actor approach in modern social sciences. economy, sociology and politics. URL: <https://bit.ly/3aiQWPK>
3. *Parsons T.* The Social System, Routledge, Taylor & Francis, London, 2005. PP. 4-16. *Chandler D., Munday R.* Oxford Dictionary of Media and Communication (3rd ed.), Social Actor, 2020 URL: <https://www.oxfordreference.com/display/10.1093/acref/9780198841838.001.0001/acref-9780198841838-e-3410?rskey=12H6YF&result=1>
4. *Zapata-Barrero R., Rezaei Sh.* Diaspora governance and transnational entrepreneurship: the rise of an emerging social global pattern in migration studies Journal of Ethnic and Migration Studies 2020, Vol. 46, No 10. PP. 1959–1973.
5. *Mezhlumyan M.* "The Armenians in the Czech Republic." Bamber Hayagitutyan N1, 2023 PP. 93-109.
6. *Hilmar-Jezek K.* The First Cup of Coffee in Prague Goes Back to the Early 1700s. Online. 2018. URL: <https://www.tresbohemes.com/2018/05/the-first-cup-of-coffee-in-prague-goes-back-to-the-early-1700s/>.
7. National Library of the Czech Republic [online]. Praha: National Library of the Czech Republic. URL: https://www.manuscriptorium.com/apps/index.php?direct=record&pid=NKCR__NKCR_I_051976__0UTWZCC-cs&utm_source
8. Máj. Online. 1905, vol. 4, no. 8. Prague: Nakladatelské družstvo Máje, 1905. Available at: URL: <https://ceskadigitalniknihovna.cz/view/uuid:3bdc7eb0-eb1a-11e3-a2c6-005056827e51?page=uuid:e1eadcb0-ebcf-11e3-adbd-5ef3fc9bb22f&source=cbvk>. [accessed: 2 May 2025].
9. Gevorg Astvacatur Damaskosci. Online. URL: <https://www.cultural-heritage.cz/deodatus/>.
10. National Library of the Czech Republic [online]. Praha: National Library of the Czech Republic. URL: https://www.manuscriptorium.com/apps/index.php?direct=record&pid=NKCR__NKCR_I_051976__0UTWZCC-cs&utm_source
11. Máj. Online. 1905, vol. 4, no. 8. Prague: Nakladatelské družstvo Máje, 1905. Available at: URL: <https://ceskadigitalniknihovna.cz/view/uuid:3bdc7eb0-eb1a-11e3-a2c6-005056827e51?page=uuid:e1eadcb0-ebcf-11e3-adbd-5ef3fc9bb22f&source=cbvk>. [accessed: 2 May 2025].
12. *Khachaturian N.* In-depth interview, Respondent N2, 2022, Ostrava, Frydek-Mistek, Czech Republic, Archive of the Department of Diaspora Studies IAE NAS RA.

13. Interview with Gevorg Avetisjan, The founder and director of the world-renowned Marlenka, conducted by Marta Mezhlumyan in 2016-2017 in Prague, Czech Republic
14. MARLENKA international s.r.o. Our Story. URL: <https://www.marlenka.cz/cs/nas-pribeh> [accessed: 9 May 2025].
15. *Khachaturian N.* In-depth interview, Respondent N2, 2022, Ostrava, Frydek-Mistek, Czech Republic, Archive of the Department of Diaspora Studies IAE NAS RA
16. *Avetisyan G., Horsáková M.* Marlenka, or, A life journey with miracles: Conversations with G.A. QQ studio Ostrava, 2013. P. 91.
17. *Khachaturian N.* In-depth interview, Respondent N2, 2022, Ostrava, Frydek-Mistek, Czech Republic, Archive of the Department of Diaspora Studies IAE NAS RA.
18. *Avetisyan G., Horsáková M.* Marlenka, or, A life journey with miracles: Conversations with G.A. QQ studio Ostrava, 2013. P. 91
19. Marlenka Gets a Makeover After Fifteen Years, Marlenka.cz. URL: <https://www.marlenka.cz/cs/clanky/denik-marlenka-se-po-patnacti-letech-prevlekla-do-noveho-havu>
20. Gevorg Avetisjan (MARLENKA): Our product has a unique, distinctive and original taste. Místoprodeje.cz. Retrieved [accessed: 9 May 2025]. URL: <https://www.mistoprodeje.cz/obsah/rozhovor-mesice/2-2025-gevorg-avetisjan-marlenka-nas-vyrobek-ma-svou-jedinecnou-vyraznou-a-originalni-chut/>
21. Gevorg Avetisjan (MARLENKA): Our product has a unique, distinctive and original taste. Místoprodeje.cz. Retrieved [9 May 2025]. URL: <https://www.mistoprodeje.cz/obsah/rozhovor-mesice/2-2025-gevorg-avetisjan-marlenka-nas-vyrobek-ma-svou-jedinecnou-vyraznou-a-originalni-chut/>
22. Marlenka.us. Gevorg Avetisyan – FORBES. URL: <https://marlenka.us/2020/02/18/gevorg-avetisyan-forbes/>
23. All Armenians Fight Voluntarily and with Heart: The Third Ceasefire Lasted 45 Minutes, Described Avetisyan. CNN Prima NEWS. URL: <https://cnn.iprima.cz/vsichni-armeni-bojuji-dobrovolne-a-srdcem-treti-primeri-trvalo-45-minut-popsal-avetisjan-12038> [26 October 2020]
24. *Avetisyan G., Horsáková M.* Marlenka, or, A life journey with miracles: Conversations with G.A. QQ studio Ostrava, 2013. P. 91.
25. *Khachaturian N.* In-depth interview, Respondent N2, 2022, Ostrava, Frydek-Mistek, Czech Republic, Archive of the Department of Diaspora Studies IAE NAS RA.
26. Ibid.

27. Marlenka.cz. Marlenka Gets a Makeover After Fifteen Years. URL: <https://www.marlenka.cz/cs/clanky/denik-marlenka-se-po-patnacti-letech-prevlekla-do-noveho-havu> [16 November 2024]
28. Company and Tradesperson of the Year 2023: Gluten-Free Baker and Marlenka Reign Over the Moravian-Silesian Region. BusinessInfo.cz. (October 19, 2023). URL: <https://www.businessinfo.cz/clanky/firma-a-zivnostnik-roku-2023-bezlepkovy-pekar-a-marlenka-vladnou-moravskoslezskemu-kraji/>
29. *Khachaturian N.* In-depth interview, Respondent N2, 2022, Ostrava, Frydek-Místek, Czech Republic, Archive of the Department of Diaspora Studies IAE NAS RA.
30. ORER Armenian European Magazine, Հոկտեմբերի 11-ին Չեխիայի հայ համայնքին կարվի Պրահայի Սուրբ Հոգի եկեղեցին, 07.10.2015. URL: <https://orer.cz/hy/allcategories-hy-am/72-hy-am/1512> [accessed^ 04.06.2025].
31. Interview with Gevorg Avetisjan, The founder and director of the world-renowned Marlenka, conducted by Marta Mezhlumyan in 2016-2017 in Prague, Czech Republic
32. Gevorg Avetisyan, Head of Marlenka: The Armenian Nation Truly Has a Big Heart. Deník.cz. URL: <https://fm.denik.cz/podnikani/gevorg-avetisjan-sef-marlenky-armensky-narod-20201010.html> [accessed: 10 October 2020]
33. MARLENKA international s.r.o. Queen Elizabeth II Celebrates Her 90th Birthday. June 15, 2016 [online]. Frýdek-Místek: MARLENKA international s.r.o.; Czech Republic [cit. August 6, 2025]. URL: <https://www.marlenka.cz/cs/clanky/kralovna-alzbeta-ii-slavi-90-narozeniny>
34. *Khachaturian N.* In-depth interview, Respondent N2, 2022, Ostrava, Frydek-Místek, Czech Republic, Archive of the Department of Diaspora Studies IAE NAS RA.
35. Gevorg Avetisjan (MARLENKA): Our product has a unique, distinctive and original taste. Mistoprodeje.cz. Retrieved [9 May 2025]. URL: <https://www.mistoprodeje.cz/obsah/rozhovor-mesice/2-2025-gevorg-avetisjan-marlenka-nas-vyrobek-ma-svou-jedinecnou-vyraznou-a-originalni-chut/>
36. *Parsons T.* The Social System, Routledge, Taylor & Francis, London, 2005. P. 3, 16, 22, 28.

АРМЯНО-ЧЕШСКИЙ «КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ» ФЕНОМЕН «МАРЛЕНКИ»

АННОТАЦИЯ

М.А. Межлумян¹, Н.Р. Хачатурян²

Институт археологии и этнографии НАН РА^{1,2}

Армянская община Чехии начала более заметно формироваться и приобретать значимость после распада Советского Союза, особенно в начале 1990-х годов. До этого периода присутствие армян на чешских землях было незначительным, хотя и исторически зафиксированным. Армянская община Чехии представляет собой относительно новую диаспору, которая в настоящее время проходит процесс диаспоризации и трансформации. В таких динамичных процессах наиболее ярко проявляются ключевые фигуры общины. Благодаря своей деятельности и установкам они оказывают значительное влияние на формирование общины и идентичности в этнически и религиозно разнообразной среде. Именно в этом контексте Геворг Аветисян, всемирно известный чешский предприниматель армянского происхождения, прославившийся как основатель популярной во всем мире кондитерской компании “Marlenka”, широко признан самым выдающимся представителем армянской общины в Чехии и одним из ведущих предпринимателей страны. В статье представлен феномен Геворга Аветисяна в качестве социального актора как в системе армянской общины, так и всего чешского общества, чья предпринимательская деятельность соответствует доминирующим ценностям общества, в котором он активно функционирует, и общины, на развитие которой он оказывает активное влияние [1].

Ключевые слова: предприниматель, армянская диаспора, Чехия, «Марленка», социальный актор, наследие.

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

DOI 10.24412/1829-0450-2025-3-167-177
УДК 297

Поступила: 30.03.2025г.
Сдана на рецензию: 08.04.2025г.
Подписана к печати: 01.07.2025г.

ГИПОТЕЗА О СУЩЕСТВОВАНИИ ЛЮДЕЙ ДО АДАМА: АНАЛИЗ 30-го АЯТА СУРЫ АЛЬ-БАКАРА ИЗ КОРАНА

М.А. Чплахян

*Российско-Армянский (Славянский) Университет
merich1995@gmail.com
ORCID: 0009-0003-3022-4187*

АННОТАЦИЯ

Данное исследование представляет собой критическое изучение и выявление вопросов, связанных с сотворением первого человека в Коране. Анализ 30-го аята суры Аль-Бакара предлагает гипотезу существования допотопного человека до Адама, основанную на лингвистическом и семантическом анализе аята.

Ключевые слова: Коран, аят, Адам, халиф, дочеловек.

Введение

О происхождении первого человека существует множество мифологических и религиозных теорий. Большинство из них предлагает точку зрения, согласно которой человеческий род происходит от пары

прародителей – первых людей, которые стали матерью и отцом всех остальных. В авраамических религиях этой парой являются Адам и Ева. В Коране также встречается повествование о них, однако глубокий анализ аятов свидетельствует о том, что этот известный сюжет о сотворении человека, присутствующий во многих мифах и религиях, в исламе был дополнен только посредством хадисов¹.

При анализе 30-го аята суры Аль-Бакара возникают вопросы, которые ставят под сомнение существование в исламе этого сюжета в точно таком же виде. Интерпретация аята дала основание предложить рабочую гипотезу, которая предполагает, что представленный в Коране Адам не был первым человеческим существом.

Целью исследования является выявление из вышеупомянутого аята Корана тех свидетельств, которые указывают на сотворение первого человека, изучение толкований (тафсиров²), сопоставление имеющихся аргументов, что позволит понять истинный образ Адама в Коране.

В ходе толкования аята будут представлены несколько проблем, требующих разъяснения, решение которых будет дано преимущественно с применением лингвистических и логических методов. Лингвистический метод будет предполагать семантическое и грамматическое исследование некоторых ключевых слов, связанных с проблемой, а логический метод – помещение существующего исламского укоренившегося мышления в логику, проверку их соответствия основным и догматическим исламским принципам, а в противном случае – предложение новых решений.

Актуальность работы теоретически обусловлена тем, что в научной литературе среди многочисленных исследований богословов гипотеза о существовании дочеловека до Адама в Коране рассматрива-

---

¹ Хадисы (حديث) – это сообщения о различных эпизодах из жизни Мухаммада, его слова, которые передавались в письменной или устной форме. Хадисы Пророка являются вторым подлинным и неоспоримым источником исламского вероучения. Первый – это Коран.

² Тафсир (араб. التفسير – букв. разъяснение) – толкование Корана и сунны, дисциплина исламского богословия.

лась редко, а при рассмотрении не проводилось всеобщее и всестороннее исследование.

С научно-практической точки зрения актуальность работы обусловлена тем, что проявления образа Адама, сомнения вокруг утверждения о том, что он является отцом человечества, интересным образом отразились в современном исламском мире, став основой для многочисленных религиозных споров и разногласий. Данные несогласия проявились не только в высказываниях и публичных выступлениях отдельных религиоведов, но и нашли место в основной идеологии новой ветви ислама – Ахмадии³, сформировавшейся в конце XIX-го века.

30-й аят суры Аль-Бакара

И вот, сказал Господь твой ангелам: «Я установлю (делаю) на земле наместника (халифа)». Они сказали: «Разве Ты установишь на ней того, кто будет там производить нечестие и проливать кровь, а мы возносим хвалу Тебе и святим Тебя?» Он сказал: «Поистине, Я знаю то, чего вы не знаете!» (К. -2:30)

В результате анализа аята среди выдвинутых вопросов мы выделили три: исследование образа Адама как халифа, наличие у ангелов предварительных данных о природе последнего до сотворения Адама и семантический анализ слова *ja'ala*.

Адам как халиф

Различные толкования термина *xalif* свидетельствуют о том, что корень *xalafa* (خلف) в арабском языке прошел долгий путь смыслового развития и имеет много значений. Согласно некоторым точкам зрения, *xalifat* может передаваться только от Аллаха [1]. Если следовать этой мысли, то термин *xalif* должен восприниматься как *xalifat-u-llah*. В

---

³Ахмадия (араб. الجماعة الإسلامية الأحمدية), транслитерация: аль-Джамаа аль-Исламия аль-Ахмадийя) – исламское религиозное движение, основанное в Британской Индии в конце XIXв.

Коране титул *halifat-u-llah* использовался только при указании на Адама и Дауда. В 30-м аяте суры Аль-Бакара мы уже увидели, что Адам является *halifat-u-llah* – «наместником Аллаха», а в 26-м аяте суры Сад видим также факт ношения этого титула Даудом:

«О Дауд, Мы сделали тебя наместником (халифом) на земле, суди же среди людей по истине и не следуй за страстью, а то она сведет тебя с пути Аллаха! Поистине, те, которые сбиваются с пути Аллаха, – для них сильное наказание за то, что они забыли день расчета!» (К. -38:26).

В толковании Аль-Куртуби указывается, что в 30-м аяте суры Аль-Бакара Адам считается *halifat-u-llah*, поскольку он был первым пророком [2]. Значительная часть богословов, в свою очередь, предлагает мысль о том, что в аяте слово употреблено не в смысле *halifat-u-llah*, а *halifat rasul allah* – халиф посланника Аллаха [3]. Основой для этого утверждения является хадис ибн Ханбала, в котором один мужчина обратился к Абу Бакру: «О, халиф Аллаха (*halifat-u-llah*)», а последний поправил: «Я не халиф Аллаха, а [*халиф*] посланника Аллаха» [4]. Полагаем, что в аяте мы не можем применить значение слова *halif* как «халиф посланника Аллаха», так как Адам с хронологической точки зрения не мог быть халифом пророка Мухаммада. В поисках смысла слова *halif* мы встречаем значение последовательного замещения одного другим на земле [5]:

«Потом сделали Мы вас преемниками (xalaaif) после них на земле, чтобы посмотреть, как вы будете действовать» (К. -10:14).

Xalaaif – это множественное число слова *halif*, и в аяте имеется в виду мысль о замещении одного другим на Земле [6]. Если попытаемся применить тот же смысл в 30-м аяте суры Аль-Бакара, то получится, что он и все человечество во главе с ним пришли заменить какое-то неопределенное существо. В результате применения слова *halif* в смысле замещения одного другим мы предлагаем гипотезу о существовании дочеловека до Адама на Земле, чьим *halif*-ом стал Адам. Несомненно, эта точка зрения не была бы предложена нами, если бы не было других аргументов, свидетельствующих об этом в Коране.

Ангелы об Адаме

«...Разве Ты установишь на ней того, кто будет там производить нечестие и проливать кровь, а мы возносим хвалу Тебе и святим Тебя? ...» (К. -2:30)

В аяте указывается, что когда ангелы узнают, что Аллах создаёт халифа на Земле, они сразу спрашивают, почему он создаёт существо, которое будет проливать кровь на Земле и творить там беспорядки. Если Адам был первым в своем роде, то возникает вопрос, откуда ангелы должны были знать столько данных о нем. Связанная с вопросом одна точка зрения предлагает применение метода кияса⁴: ангелы просто сравнивают человеческое существо с джиннами, ранее жившими на Земле. Последние отличились пролитием крови и созданием беспорядков, что и стало причиной выражения ангелами такого мнения [7]. Однако в Коране нет никаких данных о проживании джинов на Земле. Согласно другой точке зрения, ангелы просто задали этот вопрос по наитию или прочитали об этом на Хранимой Скрижали– *al-lauh al-mahfudh* (اللوح المحفوظ) [8].

Для изучения проблемы считаем достоверным рассмотрение природы ангелов, чтобы понять, могли ли они просто делать предположения или самостоятельно приобретать знания. Об этом лучше всего узнаем в следующих строках:

Они сказали: «Хвала Тебе! Мы знаем только то, чему Ты нас научил. Поистине, Ты – знающий, мудрый!» (К.-2:32)

Аят, кроме знания, данного ангелам Аллахом, исключает наличие у последних какого-либо другого знания. О такой сущности ангелов свидетельствует также 27-й аят суры Аль-Анбия:

«Не опережают они Его в слове, и по повелению Его они действуют» (К.-21:27).

В толковании Аль-Куртуби указывается, что ангелы не говорят, пока не заговорит Аллах, и не делают ничего без повеления последне-

---

⁴ Кияс (قياس) – это религиозное суждение, которое выносится мусульманскими богословами на основе аналогии со схожими решениями, изложенными в Коране и принятыми Мухаммадом.

го [9]. Это позволяет утверждать, что ангелы просто не могли делать выводы или самостоятельно читать то, что было написано на Хранимой Скрижали – *al-lauh al-mahfudh*.

В первую очередь заслуживает внимания тот факт, что подобный вопрос ангелов, связанный с описанием природы человека, звучит сразу после слова *halif*. В предыдущем разделе было отмечено, что слово имеет значение замещения, следования одного за другим. Если в данном аяте слово халиф употребляем в вышеупомянутом смысле, то суждение, данное ангелами об Адаме и его потомстве, не звучит удивительно, так как они ранее были свидетелями таких же действий подобного существа. Это позволяет еще раз поставить под вопрос мысль о том, что Адам является праотцом человечества.

Семантический анализ глагола *ja'ala* (جعل)

И вот, сказал Господь твой ангелам: «Я установлю (делаю) на земле наместника (халифа)». Они сказали: «Разве Ты установишь на ней того, кто будет там производить нечестие и проливать кровь, а мы возносим хвалу Тебе и святим Тебя?» Он сказал: «Поистине, Я знаю то, чего вы не знаете!» (К. -2:30)

В аяте использован глагол *ja'ala* (جعل), который, полагаем, выбран не случайно. Глагол *ja'ala* выделяется своим многозначным употреблением. С точки зрения смысла глагол *ja'ala* сравнивают с глаголом готовить – *sana'* (صنع), но с тем отличием, что *ja'ala* более общий и может применяться даже в форме «начал готовить» (جعل يصنع). В данном случае имеем значение «начинать» глагола *ja'ala*. С другой стороны, *ja'alatun* (جالة) употребляется в значении маленькой финиковой пальмы [10]. Аль-Халил ибн Ахмад отмечает, что *ja'ala* – это дополнительный и более общий смысл глагола *sana'*, который имеет значение превращения из чего-то во что-то другое, изменения (التحول) [11]. Полагаем, что последнее можно считать основным значением глагола *ja'ala*, которым можно будет объяснить другие. Как, например, *ja'alatun* – это та маленькая финиковая пальма, которая орошалась и поливалась только дождевой водой. Она выросла меньше, чем другие

виды финиковой пальмы, и возможно, что в лингвистическом смысле применением *ja'alatun* имелся в виду переход от маленького к большому размеру, изменение (التحول). Таким же образом можно рассматривать также переносное значение слова *ja'alun* (عَلَّ) – «плата, вознаграждение» от *ja'ala* (عَلَّ) [12]. В этом случае имеем вознаграждение за какую-то работу или действие, то есть работа преобразовалась в деньги (التحول). В другом смысле корень *ja'ala* (عَلَّ) указывает на самку, готовую к оплодотворению [13]. Говорится *kalbatun muj'il* – كلبه مجبل. В этом случае также возможно получить предыдущую мысль: *ja'ala* применено в значении изменения, превращения – собака превратилась в мать-собаку. Таким же образом, если попытаемся объяснить также аят, то получится, что и здесь речь идет о преобразовании: кто-то превращается в халифа на Земле, следовательно, до того, как стать халифом, было существо, которое преобразовалось в халифа.

Основой для такого наблюдения и анализа, связанного с глаголом *ja'ala*, стал не только этот аят. Выделили особенно 189-й аят суры Аль-Араф:

«Он – тот, кто сотворил вас из одной души и сделал (عَلَّ) из нее пару, чтобы успокаиваться у нее. Когда же он ее покрыл, она понесла легкую ношу и шла с ней; когда же она отяжелела, они оба воззвали к Аллаху, Господу их: «Если Ты даруешь нам праведного, мы будем Тебе благодарны!» (К. -7:189)

Одна душа или одна личность, из которой создана его пара, согласно толкованиям Ибн Касира, Ат-Табари и Аль-Куртуби – это Адам, а пара – его жена [14]. В толкованиях аята не находим разъяснения для применения глагола *ja'ala* в значении создать. Этот вопрос возникает, особенно, после толкования 1-го аята суры Ан-Ниса, когда в Коране мы встречаем повторение того же текста с разницей в одном слове:

«О люди! Бойтесь вашего Господа, который сотворил вас из одной души и сотворил (خلق) из нее пару ей, а от них распространил много мужчин и женщин. И бойтесь Аллаха, которым вы друг друга упрашиваете, и родственных связей. Поистине, Аллах – над вами надсмотрщик!» (К. -4:1)

Возникает вопрос, в чем разница между *halaka* и *ja'ala* в аятах, выражающих одну и ту же мысль. Иракский современный богослов, преподаватель университета Шарджа Фадиль ас-Самарай отмечает, что во втором аяте, где применен глагол *ja'ala*, не имеются в виду Адам и Ева, а речь идет об их потомстве [15]. *Ja'ala* в основном ситуация после *halaka*, последнее происходит раньше. *Ja'ala* имеет значение сделать, превратить (صير), как, например, в 60-м аяте суры Аль-Маида:

«Скажи: «Не сообщить ли мне вам более злостное, чем это, по награде у Аллаха? Тот, кого проклял Аллах и на кого разгневался, и сделал (جَعَلَ) из них обезьян и свиней, и кто поклонялся тагуту. Эти – злостнее по месту и более сбившиеся с ровного пути» (К. -5:60).

Аллах не создавал их обезьянами и свиньями, а сделал их такими.

«И вот, Господь испытал Ибрахима словесами и потом завершил их. Он сказал: «Поистине, Я сделаю (جَعَلَ) тебя для людей имамом». Он сказал: «И из моего потомства?» Он сказал: «Не объемлет завет Мой неправедных» (К. -2:124).

Он не создал имама, а сделал имамом созданное существо.

Из всего этого можно предположить, что любое «из нее сделал ее пару» всегда следовало за *halaka*. В этом случае в 189-м аяте суры Аль-Араф, где применен глагол *ja'ala*, имеем пример сотворения, которому предшествовало сотворение, начинающееся с глагола *halaka* в 1-м аяте суры Ан-Ниса. Полагаем, что вышеприведенный анализ этих двух глаголов дает возможность еще раз предложить гипотезу о существовании других человеческих существ до Адама. 30-й аят суры Аль-Бакара – «Я установлю (делаю) на земле наместника (халифа)» подтверждает, что сотворение Адама как халифа непосредственно связывается с глаголом *ja'ala*, а не *halaka*.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование дает выявление и критическое изучение вопросов, имеющих в Коране относительно сотворения первого человека. Полагаем, что 30-й аят суры Аль-Бакара

предлагает мысль о том, что Адам не был первым человеческим существом на Земле. Основой для этого вывода стали:

- ✓ семантическое исследование слова *xalif*, данного Адаму в аяте: толкование слова делает ясной мысль о том, что Адам назван халифом, так как был заместителем других, предыдущих поколений на Земле;
- ✓ удивительное знание ангелов, видящих природу и путь Адама до его сотворения, которые, по всей вероятности, обладали этим знанием, имея перед собой пример дочеловека;
- ✓ семантический анализ глагола *ja'ala* (جاء)، в котором указывается основное значение глагола – преобразование; превращение Адама в халифа предполагало преобразование одного существа в другое – преобразование дочеловека в разумного человека по примеру Адама.

Полученные результаты дают возможность взглянуть под новым углом на историю сотворения первого человеческого существа в Коране.

ЛИТЕРАТУРА

1. محمد فياض، اعجازات القرآن قيـان خلق الإنسان، دار الشروق، ١٩٩٩ م.، ص. ١٦.
2. محمد بن أحمد الأصاري القرطبيؒ و عبد الله، الجامع لأحكام القرآن، مؤسسة الرسالة، ٢٠٠٦ م.
<http://quran.ksu.edu.sa/tafseer/qortobi/sura2-aya30.html#qortobi>
(01.10.2024)
3. صلاح الصاوي، الوـيز في فقه الخلافة، دار الإعلام الدولي، ب.د.ت.، ص. ٩.
4. الامام الحافظ شيخ الاسلام، الانكار من كلام سيد الأرار، المجلد الاول، مكتبة زار مصطفى اهياز، الرياض، ١٩٩٧ م.، ص. ٤٣٦.
5. إسماعيل بن عمر بن كثير القرشي الدمشقي، تفسير القرآن العظيم، دار طيبة، ب.د.ت.
<https://quran.ksu.edu.sa/tafseer/katheer/sura10-aya14.html#katheer>
(25.09.2024)
6. محمد بن محمد بن عبد الرزاق المرتضي الزيدي، تاج العروس من واهر القاموس، الجزء ٢٣، طبعة الكويت، ب.د.ت.، ص. ٢٦٥.
7. فخر الدين الرازي، التفسير الكبير أو مفاتيح الغيب، الجزء الثاني، دار الفكر، ب.د.ت.، ص. ١٨٥.
8. محي الدين شيخ زاده، حاشية محي الدين شيخ زاده على تفسير القاضي البيضاوي، الجزء الاول، دار الكتب العلمية، ١٩٩٠ م.، ص. ٤٩٨.

9. محمد بن أحمد الأَصْراري القرطبي^١ أو عبد الله، الجامع لأحكام القرآن، مؤسسة الرسالة، ٢٠٠٦ م.
<http://quran.ksu.edu.sa/tafseer/qortobi/sura21-aya27.html#qortobi>
 (01.10.2024)
10. أبو عبد الرحمن الخليل بن أحمد الفراهيدي، كتاب العين، الجزء الأول، بيروت-لبنان، ب.د.ب.، ص. ٢٤٦
11. أبو عبد الرحمن الخليل بن أحمد الفراهيدي، كتاب العين، الجزء الأول، بيروت-لبنان، ب.د.ب.، ص. ٢٤٦
12. محمد بن محمد بن عبد الرزاق المرتضي الرادي، تاج العروس من واهر القاموس، الجزء ٢٨، طبعة الكويت، ب.د.ب.، ص. ٢٠٩
13. بن منظور، لسان العرب، الجزء ٦، بيروت: دار صادر، ١٩٩٣ م.، ص. ٢٢٢
14. إسماعيل بن عمر بن كثير القرشي الدمشقي، تفسير القرآن العظيم، دار طيبة، ب.د.ب.
<https://quran.ksu.edu.sa/tafseer/katheer/sura7-aya189.html#katheer>
 (18.09.2024)
15. عرض وقفة أسرار لاغية
<https://tadars.com/tdbr/eloquence/5655> (13.09.2024)

REFERENCES

1. *Fayad Muhammad*. Qur'anic Miracles in the Explanation of Human Creation. Dar Al-Shuruq, 1999. P. 16.
2. *Al-Qurtubi, Muhammad ibn Ahmad al-Ansari Abu Abdullah*. Al-Jami' li Ahkam al-Qur'an. Mu'assasat al-Risalah, 2006. URL: <http://quran.ksu.edu.sa/tafseer/qortobi/sura2-aya30.html#qortobi> (accessed: 01.10.2024).
3. *Al-Sawy Salah*. Al-Wajeez fi Fiqh al-Khilafa. Dar Al-I'lam Al-Dawli, n.d. P. 9.
4. *Al-Imam Al-Hafiz Sheikh Al-Islam*. Al-Adhkar min Kalam Sayyid Al-Abrar. Vol. 1. Maktabat Nizar Mustafa Al-Abbaz, Riyadh, 1997. P. 436.
5. *Ibn Kathir, Ismail ibn Umar ibn Kathir Al-Qurashi Al-Dimashqi*. Tafsir Al-Qur'an Al-Azeem. Dar Taybah, n.d. URL: <https://quran.ksu.edu.sa/tafseer/katheer/sura10-aya14.html#katheer> (accessed 25.09.2024).
6. *Al-Zabidi*. Muhammad ibn Muhammad ibn Abd al-Razzaq al-Murtada. Taj al-Arus min Jawahir al-Qamus. Vol. 23. Kuwait Edition, n.d. P. 265.
7. *Al-Razi, Fakhr al-Din*. Al-Tafsir al-Kabir aw Mafatih al-Ghayb. Vol. 2. Dar al-Fikr, n.d. P. 185.
8. *Sheikhzadeh Muhyi al-Din*. Hashiyat Muhyi al-Din Sheikhzadeh ala Tafsir al-Qadi al-Baydawi. Vol. 1. Dar al-Kutub al-Ilmiyah, 1990. P. 498.
9. *Al-Qurtubi Muhammad ibn Ahmad al-Ansari Abu Abdullah*. Al-Jami' li Ahkam al-Qur'an. Mu'assasat al-Risalah, 2006. URL: <http://quran.ksu.edu.sa/tafseer/qortobi/sura21-aya27.html#qortobi> (accessed: 01.10.2024).

10. *Al-Farahidi Abu Abd al-Rahman al-Khalil ibn Ahmad*. Kitab al-Ayn. Vol. 1. Beirut-Lebanon, n.d. P. 246.
11. Ibid.
12. *Al-Zabidi Muhammad ibn Muhammad ibn Abd al-Razzaq al-Murtada*. Taj al-Arus min Jawahir al-Qamus. Vol. 28. Kuwait Edition, n.d. P. 209.
13. *Ibn Manzur*. Lisan al-Arab. Vol. 6. Beirut: Dar Sadir, 1993. P. 222.
14. *Ibn Kathir Ismail ibn Umar ibn Kathir Al-Qurashi Al-Dimashqi*. Tafsir Al-Qur'an Al-Azeem. Dar Taybah, n.d. URL: <https://quran.ksu.edu.sa/tafseer/katheer/sura7-aya189.html#katheer> (accessed: 18.09.2024).
15. “Ard Waqfat Asrar Balaghiyyah” (Presentation: A Pause on Rhetorical Secrets). URL: <https://tadars.com/tdbr/eloquence/5655> (accessed: 13.09.2024).

THE HYPOTHESIS OF HUMAN BEINGS EXISTENCE BEFORE ADAM: ANALYSIS OF VERSE 30 IN THE AL-BAQARAH SURAH OF THE QURAN

M. Chplakhyan

Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

The conducted research provides a critical examination and exploration of questions surrounding the creation of the first human in the Quran. The analysis of the 30th verse of the Al-Baqarah surah suggests the hypothesis of a pre-human existence before Adam, based on linguistic and semantic analyses of the verse.

Keywords: Quran, verse, Adam, caliph, pre-human.

DOI 10.24412/1829-0450-2025-3-178-190
УДК 297

Поступила: 30.03.2025г.
Сдана на рецензию: 08.04.2025г.
Подписана к печати: 01.07.2025г.

КРИТИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФАТИМИДСКИХ ХАЛИФОВ И ОТРАЖЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ В УЧЕНИИ ИБН ТАЙМИЙИ

С.Т. Тигранян

*Российско-Армянский (Славянский) университет
seda_tigranyan96@mail.ru
ORCID: 0009-0001-5543-4290*

АННОТАЦИЯ

Критика политики Фатимидских халифов и ряда богословских вопросов со стороны видного представителя ханбалитской религиозно-правовой школы Ибн Таймийи (1263–1328) является частью его неустанной борьбы с опасными нововведениями в исламе. В рамках данного исследования обсуждаются вопросы назначения фатимидскими халифами армянских визирей, строительства святынь и поклонения им, непогрешимости халифов, приписывания божественной природы. Ибн Таймия, будучи суннитским юристом и видным представителем ханбалитского мазхаба, отвергал нововведения и неверные толкования, порожденные человеческими мыслями и действиями. Он считал, что одной из причин раскола уммы и распространения опасных нововведений было незаконное правление фатимидских халифов.

Ключевые слова: Ибн Таймия, Фатимидский халифат, нововведения.

Введение

Учение Ибн Таймийи сыграло ключевую роль в развитии исламской политической мысли и правоведения. Его взгляды повлияли

на формирование ваххабизма и радикальных течений, что делает их изучение важным для понимания идейных основ, практического применения и мотивации религиозно-политических движений. Идеи Ибн Таймийи широко применяются, при этом ссылки на его труды нередко приводят к разногласиям и противоречивым толкованиям, что подчеркивает необходимость нового анализа его взглядов в контексте исторических событий. На протяжении всей своей деятельности Ибн Таймия резко критиковал опасные нововведения, проникшие в исламское общество в результате деятельности немусульман, и подчеркивал их разрушительное воздействие, пытаясь найти коренные причины возникших политических и социальных проблем и раскрыть опасности, угрожающие сохранению суннитского ислама. В контексте этой критики интересны его взгляды на правление Фатимидов. В рамках данного исследования мы попытаемся представить эту критику, переведя примечательные отрывки из произведений автора с точки зрения изучения рассматриваемой проблемы. Тема важна и с точки зрения изучения религиозного мировоззрения средневекового исламского общества. Первоисточником исследования являются труды Ибн Таймийи. Тема глубоко не изучена и не представлена в отдельной работе.

Исследование проводилось с использованием описательного, историко-систематического методов, а также использовались методы теоретического анализа данных: анализ и интерпретация научной литературы. Поскольку основными источниками исследования являются средневековые труды – тексты на средневековом арабском языке, крайне важно понимать точное значение терминов. Поэтому был использован метод терминологического анализа, который имеет особое значение для понимания категорий античного и средневекового периодов.

Эпоха Ибн Таймийи. Борьба с нововведениями.

Исторические события и военные нападения, происходившие на Ближнем Востоке в XIII–XIV вв., сопровождались внутренними расколами мусульманской общины – уммы. Выйдя из глубин Средней Азии

в начале XIII в., монголы завоевали большую часть цивилизованного мира того времени, установив свое владычество на огромных территориях, простиравшихся от Тихого океана до Черного и Средиземного морей. Несомненно, величайшим событием этого периода стало разрушение существовавшего более пяти столетий Аббасидского халифата в результате монгольского нашествия в 1258 г., что потрясло весь мусульманский мир.

Распад халифата привел к фрагментации уммы, политическому кризису и идеологическому вакууму, что способствовало возникновению новых идеологических и политических течений, основанных на религиозных идеях. Эта ситуация, по мнению мусульманских богословов-традиционалистов, порождала дестабилизирующие тенденции, угрожающие единству уммы.

Каждый раз, когда мусульманский мир, взятый в целом, либо отдельные мусульманские государства отступали под натиском внешнего мира или же мусульманским государством правил «нечестивый правитель», базовая ценность «умма» становилась главенствующей в иерархии. Так произошло во времена Ибн Таймийи, когда мусульманский мир переживал один из самых глубоких кризисов в своей истории. Чтобы восстановить единство уммы, Ибн Таймия бескомпромиссно боролся против опасных нововведений. Подчеркивая необходимость применения шариата во всех сферах жизни, он придавал абсолютную ценность Корану и Сунне, поскольку на них строилась жизнь уммы до смерти пророка и во время правления четырех праведных халифов. Таким образом, он признавал авторитет «салаф» (араб. *سلف* – предки, предшественники) – первых поколений ранних мусульман. Подчеркивая возможность одновременного существования нескольких мусульманских государств и нескольких имамов, тем самым он возвращал абсолютность базовой ценности «Посланник Аллаха». Все идеи и мысли этого улема были направлены на восстановление чистоты уммы, т. е. приведения ее к тому виду, в котором она существовала во времена Мухаммада и салаф [1].

Большинство трудов Ибн Таймийи представляет собой опровержение или защиту спорных религиозных, политических или фило-

софских положений. Он занимает особое место среди известных представителей полемической литературы, поскольку не только систематизировал имеющуюся антихристианскую полемическую литературу своего времени, но и предлагал собственные уникальные взгляды и интерпретации, чем отличался от других ученых своего времени.

Ибн Таймия резко критиковал опасные нововведения, проникшие в исламское общество в результате деятельности последователей других религий, подчеркивал их деструктивное влияние, пытаясь найти глубинные причины возникших политических и социальных проблем и выявить угрозы сохранению чистоты ислама. Он критиковал не только христианство и античную философию, но и догмы различных шиитских сект, суфийские обряды и призывал вернуться к исламу в его первоначальной чистоте и руководствоваться только Кораном и Сунной.

Критика политики фатимидских халифов

В контексте формирования новой цивилизационной системы Ибн Таймия попытался переосмыслить основополагающие принципы ислама, сформулировав свои взгляды на причины ослабления исламских народов. Особое внимание в его работах уделено критике правления Фатимидов.

Фатимиды, по мнению Ибн Таймийи, были самопровозглашенными и на самом деле не являлись потомками Фатимы. «Группы мусульман, их ханафитские, маликитские, шафиитские, ханбалитские ученые, правители, простые люди и другие единодушны в том, что они (Фатимиды – С.Т.) находятся вне исламского шариата и что борьба с ними допустима, более того, они заявили, что их (Фатимидов – С.Т.) родословная ложна и их дедом был Убайдаллах ибн Маймун аль-Каддах, который не был из семьи Посланника Аллаха» [2]. Большое значение для изучения взглядов Ибн Таймийи на политику фатимидских халифов имеет его труд «Вопрос о церквях» (араб. *مسألة في الكنائس*), написанный в начале 1300-х годов, когда мамлюкские султаны предприняли определенные шаги по ограничению прав христиан и иудеев и

начали оказывать давление на последних, в частности, многие евреи и христиане, занимавшие высокие должности, были принудительно смещены, а многие церкви, построенные в период Фатимидов, были закрыты. [3]. В ответ на жалобы христиан и иудеев Ибн Таймийя, как правовед, оправдывал своими трудами и фетвами политику мамлюкских властей, а наличие многочисленных церквей в Египте, особенно в Каире, объяснял незаконной, с его точки зрения, политикой Фатимидов и их сотрудничеством с христианами. Автор пишет: «Те, кто имели власть и разрушали церкви и выполняли повеление Аллаха, такие как Омар ибн Абд аль-Азиз, Харун ар-Рашид и им подобные, получили поддержку и одержали победу, в то время как те, кто поступал наоборот, были побеждены и покорены» [4]. Примечателен также следующий отрывок: «Исмаилиты, нусайриты, друзья и им подобные помогали татарам убивать мусульман... затем рафидиты сотрудничали с теми, кто враждебно относился к Ахль ас-Сунне, сотрудничали с татарами, христианами... люди, знакомые с исламом, знают, что рафидиты питают симпатию к врагам религии, и когда они стали правителями Каира, у них был то еврейский, то армянский христианский визирь, и христиане укрепили свои позиции благодаря этому христианину-армянину, и построили много церквей на египетской земле в стране этих рафидитов и лицемеров» [5]. Как известно, история Фатимидского халифата на протяжении почти столетия – с 70-х годов XI в. до 60-х годов XII в. – часто называется «армянским периодом», поскольку в течение этого времени на должность визиря халифата последовательно назначались армяне [6, 7], причем как мусульмане, так и христиане армянского происхождения, среди которых особенно известны армянин-мусульманин Бадр аль-Гамали (ум. 1094) [8], его сын аль-Афдал (ум. 1121), однако более вероятно, что в вышеупомянутом отрывке Ибн Таймийя имеет в виду армянина-христианина Ваграма Пахлавун (ум. 1140 г.) (араб. بهرام الارمني, Бахрам аль-Армани) [9, 10], двоюродного брата Католикоса Григория II Вкаясера и дядю Нерсеса Шнорали, который, согласно сообщению французского исламоведа и историка Мариуса Канара, построил множество церквей в Египте во время своего правления при Фатимидском халифе аль-Хафизе [11].

Ибн Таймия подвергает резкой критике паломничества к святыням, пытаясь доказать их необоснованность и искоренить: «И (Аллах) запретил человеку обращаться с молитвой к могиле, чтобы не уподобляться тем многобожникам, которые поклоняются могилам» [12]. В этом отношении интересно упоминание Ибн Таймийи о святынях Хусейна ибн Али, внука Пророка Мухаммеда, в Ашкелоне и Каире. Так, существует популярная история о том, что на десятый день Мухаррама 61/680 года после мученической смерти Хусейна в Кербеле Омейяды обезглавили его и выставили отрубленную голову во время триумфального шествия в Дамаске [13]. Согласно одной из историй, Аббасиды нашли голову Хусейна в Дамаске, осквернили ее и забрали с собой. Рассказывают, что в тех местах, через которые проносили голову, или там, где якобы капля крови падала на землю, происходили чудеса, и впоследствии в этих местах возводились святыни. Среди них были святыни Аскалона и Каира [14]. Согласно Фатимидской традиции, она была обнаружена около 484/1091-92 года, визирь Египта армянского происхождения Бадр аль-Гамали построил деревянный минбар и святыню в Аскалоне, где хранилась реликвия Хусейна. Обнаружение реликвии представлялось как чудо, выражение небесной благосклонности к Фатимидскому халифу аль-Мустансиру и его роду [15]. Ибн Таймия ставит под сомнение подлинность истории о том, что голову Хусейна перевезли в Дамаск: «Стало ясно, что история, в которой упоминается, что отрубленную голову Хусейна отвезли Язиду и он осквернил ее палкой, является ложью... История о том, как голову Хусейна отвезли Язиду, не была передана через известный иснад (цепочку передатчиков). Я видел только прерывистую цепочку сообщений об этом, которая противоречит более надежным и простым историям. Они сообщают, что когда Язид узнал об убийстве Хусейна, он выразил сожаление по этому поводу и сказал: «Да проклянет Бог народ Ирака»... Утверждение о том, что голова Хусейна была перевезена в Сирию во времена Язида, беспочвенно, и что можно сказать о ее перемещении после времен Язида? Достоверно известно, что его перевезли из Керберы в Куфу к правителю Ирака Убайдалле ибн Зияду» [16]. По

словам Ибн Таймийи, голова была погребена в Медине [17]. Ибн Таймия не считает вышеупомянутую историю об обнаружении головы Хусейна достоверной, написав: «Если бы голова Хусейна была там, ее обнаружение не заняло бы более четырехсот лет после смерти Хусейна... [18] Как это возможно, что она оставалась неизвестной в течение столь долгого времени, более четырехсот лет... [19] Утверждение о том, что сооружение в Ашкелоне предназначено для головы Хусейна, является совершенно необоснованным утверждением, и ни один из мусульманских ученых (араб. أهل العلم) не передал его» [20].

Летом 548/1153 года Аскалон, находившийся под властью Фатимидов, перешел к крестоносцам. Отступающие мусульмане унесли с собой также голову Хусейна, для хранения которой в Каире была построена святыня: «Эта святыня в Каире, приписываемая Хусейну ибн Али, является выдуманной ложью, относительно которой среди ученых нет разногласий» [21].

Ибн Таймия поднимает вопрос о политике, проводимой халифами Фатимидов в Египте, и влиянии этой политики на общество, отмечая, что на протяжении двухсот лет Фатимиды пропагандировали исмаилитские идеи, внедряли опасные нововведения и оказывали глубокое влияние на сознание египетского населения. После установления суннитского правления проявления этого влияния продолжали быть заметными, и их удалось устранить только через некоторое время [22].

Обсуждение вопросов вероучения

Среди вероучительных вопросов рассматриваются идеи непогрешимости и обожествления халифов. Он решительно критикует и отвергает идею непогрешимости сыновей Убайдаллаха, то есть халифов Фатимидов. Следует отметить, что автор осуждает идею непогрешимости вообще, как в шиитской, так и в христианской доктринальной системе в целом. Он отмечает, что среди шиитских имамов Али был единственным, кто знал Пророка Мухаммеда в раннем возрасте, был его сподвижником и, как и другие сподвижники, не был огражден от

самой возможности заблуждаться, от совершения неосознанных грехов и ошибок [23]. Фатимиды, как и шииты в целом, по мнению Ибн Таймийи, повторяют те же ошибки, что и язычники, христиане, их вера в непогрешимость имамов противоречит божественному откровению и пророчеству. Следующий отрывок из «Китаб аль-Джаваб» (полное название: «Истинный ответ тем, кто изменил религию Мессии» (араб. *جواب صحيح من بدل دين المسيح*)) по сути полностью отражает убеждения Ибн Таймийи относительно имамата: «Есть те, кто считает непогрешимыми сыновей Убейда, двенадцать имамов, некоторых шейхов. Христиане считают непогрешимыми двенадцать учеников, а они – двенадцать имамов. Христиане обосновывают происхождение своей религии словами учеников, которых они считают непогрешимыми, и говорят, что они были непогрешимы в передаче от Христа и непогрешимы в своих религиозно-правовых решениях, что они говорят, то же сказал Христос (мир ему)» [24].

Следующим доктринальным положением является идея приписывания божественной сущности халифам Фатимидов, о которых он пишет следующее: «Среди вероотступников, считающих себя частью исламской уммы, есть те, кто изобретает нововведения, напоминающие христианские новшества, как, например, те, кто объявляет божественность некоторых из исмаилитов, например, Убайда аль-Каддаха, потомков (Фатимидов – С.Т.), например, Аль-Хакима или других, и объявляет божественность Али ибн Аби Талиба, как это делают нусайриты. Все они считаются мусульманами неверными» [25]. Как мы видим, говоря об обожествлении халифов Фатимидов, он упоминает имя Аль-Хакима, а затем пишет «и другие» или «им подобные», не уточняя, каким именно халифам поклонялись. Обожествление Аль-Хакима характерно для учений друзов. Получается, что Ибн Таймийа не разграничивает учение Фатимидских исмаилитов от друзов, а просто приводит пример нововведения, рассматривая вышеперечисленные направления, вытекающие из шиизма, на равных основаниях, как негативное последствие влияния христианских нововведений и угрозу чистому исламу.

Заключение

Подводя итог вышеизложенному, можем отметить:

✓ В XIII и XIV веках религиозную полемику следует рассматривать не столько как способ, направленный на защиту чистого, настоящего ислама, унаследованного от первых трех поколений последователей пророка Мухаммеда, сколько как попытку установить контроль и создать, определить культурный комплекс, который постоянно менялся и развивался и, который, однако, в результате ряда внешних и внутренних давлений, казалось им, был на грани выхода из-под контроля. Критику опасных нововведений со стороны стоящих на традиционных устоях мыслителей и политиков следует рассматривать в историческом контексте данного периода. Отказ от положений, противоречащих Корану и Сунне, был частью деятельности, направленной на религиозное возрождение, очищение ислама от нововведений. В обсуждаемый период политические тенденции и постоянные конфликты хотя и не упоминаются прямо в трудах мусульманских авторов, однако критика нововведений, разделяющих умму, аргументы не могут быть отделены от исторического контекста.

✓ Борьба между различными течениями ислама и создание полемической литературы сыграли важную роль в формировании их религиозной «идентичности». С одной стороны, антишиитскую, в том числе и антифатимидскую полемику Ибн Таймийи, можно рассматривать в контексте политики мамлюкских султанов против политического, военного, религиозно-научного влияния различных шиитских групп, как проявление суннитско-шиитской борьбы, конкуренции и конфликта за политическое, культурное, религиозное влияния, с другой стороны, как выражение нетерпимости суннитских богословов к нововведениям, не оправдываемых Кораном и Сунной, и борьба за сохранение чистого ислама.

✓ Во времена кризиса для исламского мира в результате внешнего давления «умма» становится главной ценностью. Подчеркивая

необходимость применения шариата во всех аспектах жизни для восстановления единства уммы, Ибн Таймия придавал абсолютную ценность Корану и Сунне.

✓ Будучи суннитским правоведом и видным представителем ханбалитского мазхаба, Ибн Таймия не терпит никаких нововведений или неверных толкований, возникающих в результате человеческих мыслей или действий, как среди немусульман, так и среди мусульман. Все его усилия были направлены на восстановление чистоты уммы, то есть на приведение уммы в то состояние, в котором она находилась во времена Пророка Мухаммеда и салафов.

✓ По мнению Ибн Таймийи, одной из причин раскола уммы и распространения опасных нововведений стала деятельность и незаконное правление фатимидских халифов. Критика Ибн Таймийи в адрес Фатимидов в основном сводится к следующему: они не следуют шариату, не принимают дозволенного и не отвергают запретного, а также, ставя отдельных людей выше пророков, веря в непогрешимость имамов, совершая акты поклонения и предоставляя привилегии неверующим, противоречат божественному откровению и пророчествам.

✓ Он резко критикует, особенно концептуальные положения и действия, которые он считает отклонением от чистого ислама и уподобляет новаторским учениям иудеев и христиан, считая их большими заблуждениями, чем аналогичные учения, распространенные в других конфессиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Оганесян Д. Ценностная система ислама: начало пути // «Отечественные записки» 16, no. 1, 2004. URL: <https://strana-oz.ru/2004/1/cennostnaya-sistema-islama-nachalo-puti>
2. أحمد بن عبد الحلیم بن عبد السلام بن تیمیة حرانی، مسألة فی کنائس، مكتبة عبيكان، ریاض 1995م/1416 هـ، ص 108.
3. The Mamluk rulers (1250–1517): Religious life. <https://www.britannica.com/place/Egypt/The-Mamluk-and-Ottoman-periods-1250-1800>
4. ابن تیمیة، مسألة فی کنائس، ص 121.
5. ابن تیمیة، مسألة فی کنائس، ص 113-116.

6. Dadoyan S. The Fatimid Armenians: Cultural and Political Interaction in the Near East. Leiden; New York; Köln, 1997.
7. Մրարկեան Գ. Ականավոր հայեր Եգիպտոսի մէջ, Կահիրէ, 1947. URL <https://tert.nla.am/archive/HAY%20GIRQ/Ardy/1921-1950/akanavorhayer.pdf>
8. Առաքելյան Ա. Բաղր ալ-Փամալի ալ-Արմանիի իշխանությունը Եգիպտոսում 1074–1094թթ. URL: <https://arar.sci.am/publication/315378>
9. Մրարկեան Գ. Ականավոր հայեր Եգիպտոսի մէջ, Կահիրէ, 1947. CC. 64–86. URL <https://tert.nla.am/archive/HAY%20GIRQ/Ardy/1921-1950/akanavorhayer.pdf>
10. Առաքելյան Ա. Բահրամ ալ- Արմանիի գործունեությունը Եգիպտոսում 1135–1140 թթ. URL: <https://arar.sci.am/dlibra/publication/314635/edition/289080>
11. Canard M. Un vizir chrétien à l'époque fâtimite, l'Arménien Bahrâm // Annales de l'Institut d'Etudes orientales. 1954. T. 12. P. 100. URL: <http://heritage.ismaili.net/files/NODE%2028520.pdf>
12. أحمد بن عبد الحلیم بن عبد السلام بن تیمیة حرانی, جواب صحیح من بدل دین مسیح, ریاض, دار عاصمة, 1419ھ (ابن تیمیة جواب صحیح Ujunihun), مجلد 1, ص 349.
13. Talmon-Heller D. From Karbala to Damascus: A Relic with Multiple Shrines // In Sacred Place and Sacred Time in the Medieval Islamic Middle East: A Historical Perspective, “Edinburgh University Press”, 2020. PP. 29–41.
14. Talmon-Heller D., Kedar B.Z., Reiter Y. Vicissitudes of a Holy Place: Construction, Destruction and Commemoration of Mashhad Ḥusayn in Ascalon. Der Islam. 93 (1). Walter de Gruyter. doi:10.1515/islam-2016-0008, 2016. P. 185.
15. Ibid. PP. 186–189.
16. أحمد بن عبد الحلیم بن عبد السلام بن تیمیة حرانی, مجموع فتاوی, دار وفاء, مصر – منصوره, 2001 م- 1422 هـ, مجلد 27, ص 252-253.
17. ابن تیمیة, مجموع فتاوی مجلد 27, ص 253.
18. ابن تیمیة, مجموع فتاوی مجلد 27, ص 245.
19. ابن تیمیة, مجموع فتاوی مجلد 27, ص 240.
20. ابن تیمیة, مجموع فتاوی مجلد 27, ص 241.
21. ابن تیمیة, مجموع فتاوی مجلد 27, ص 238.
22. ابن تیمیة, مجموع فتاوی مجلد 27, ص 256.
23. ابن تیمیة, منهاج سنة النبوة في نقض كلام الشيعة قديره, جامعة الإمام محمد بن سعود الإسلامية, 1406 هـ, مجلد 4, ص 104-128.
24. ابن تیمیة, جواب صحیح, مجلد 2, ص 404-405.
25. ابن تیمیة, جواب صحیح, مجلد 2, ص 404-402.

REFERENCES

1. *Oganesyan D.* The Value System of Islam: The Beginning of the Path // "Otechestvennye Zapiski, № 1 (16), 2004. URL: <https://strana-oz.ru/2004/1/cennostnaya-sistema-islama-nachalo-puti>
2. Ahmad ibn 'Abd al-Halim ibn 'Abd al-Salam ibn Taymiyyah al-Harrani, The Issue of Churches, Obeikan Library, Riyadh, 1995 CE / 1416 AH. P. 108.
3. The Mamluk rulers (1250–1517) : Religious life. URL: <https://www.britannica.com/place/Egypt/The-Mamluk-and-Ottoman-periods-1250-1800>
4. Ibn Taymiyyah, The Issue of Churches. P. 121.
5. Ibn Taymiyyah, The Issue of Churches. PP. 113–116.
6. *Dadoyan S.* The Fatimid Armenians: Cultural and Political Interaction in the Near East. Leiden; New York; Köln, 1997.
7. *Mysrlean G.* Prominent Armenians in Egypt. Cairo, 1947. URL: <https://tert.nla.am/archive/HAY%20GIRQ/Arady/1921–1950/akanavorhayer.pdf>
8. *Arakelyan A.* The Rule of Badr al-Gamali al-Armani in Egypt, 1074–1094, URL: <https://arar.ci.am/publication/315378>
9. *Mysrlean G.* Prominent Armenians in Egypt. Cairo, 1947. URL: <https://tert.nla.am/archive/HAY%20GIRQ/Arady/1921–1950/akanavorhayer.pdf>. PP. 64–86.
10. *Arakelyan A.* The Activities of Bahram al-Armani in Egypt, 1135–1140. URL: <https://arar.sci.am/dlibra/publication/314635/edition/289080>
11. *Canard M.* A Christian Vizier in the Fatimid Era, the Armenian Bahrâm // *Annals of the Institute of Oriental Studies*, 1954, vol. 12. P. 100 URL: <http://heritage.ismaili.net/files/NODE%2028520.pdf>
12. Ahmad ibn 'Abd al-Halim ibn 'Abd al-Salam ibn Taymiyyah al-Harrani, The Correct Answer to Those Who Changed the Religion of Christ (Ibn Taymiyyah, The Correct Answer), Riyadh, Dar al-‘Āshimah, 1419 AH, vol. 1. P. 349.
13. *Talmon-Heller D.* From Karbala to Damascus: A Relic with Multiple Shrines // *In Sacred Place and Sacred Time in the Medieval Islamic Middle East: A Historical Perspective*. "Edinburgh University Press", 2020. PP. 29–41.
14. *Talmon-Heller D., Kedar B., Reiter Y.* Vicissitudes of a Holy Place: Construction, Destruction and Commemoration of Mashhad Ḥusayn in Ascalon. *Der Islam*. 93 (1). Walter de Gruyter. doi:10.1515/islam-2016-0008. ISSN 1613-0928. 2016. P. 185.
15. *Talmon-Heller D., Kedar B., Reiter Y.* Vicissitudes of a Holy Place: Construction, Destruction and Commemoration of Mashhad Ḥusayn in Ascalon. PP. 186–189.

16. Ahmad ibn 'Abd al-Halim ibn 'Abd al-Salam ibn Taymiyyah al-Harrani, Majmū' Fatāwā, Dar al-Wafā', Egypt – Mansoura, 2001 CE / 1422 AH, vol. 27. PP. 252–253.
17. Ibn Taymiyyah, Majmū' Fatāwā, vol. 27. P. 253.
18. Ibn Taymiyyah, Majmū' Fatāwā, vol. 27. P. 245.
19. Ibn Taymiyyah, Majmū' Fatāwā, vol. 27. P. 240.
20. Ibn Taymiyyah, Majmū' Fatāwā, vol. 27. P. 241.
21. Ibn Taymiyyah, Majmū' Fatāwā, vol. 27. P. 238.
22. Ibn Taymiyyah, Majmū' Fatāwā, vol. 27. P. 256.
23. Ibn Taymiyyah, The Prophetic Sunnah Path in Refuting the Words of the Qadariyya Shi'ites, Imam Muhammad ibn Saud Islamic University, 1406 AH, vol. 4. PP. 104–128.
24. Ibn Taymiyyah, The Correct Answer, vol. 2. PP. 404–405.
25. Ibn Taymiyyah, The Correct Answer, vol. 2. PP. 402–404.

CRITIQUE OF THE FATIMID CALIPHS' RULE AND THE REFLECTION OF RELIGIOUS DOCTRINES IN IBN TAYMIYYAH'S TEACHINGS

S. Tigranyan

Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

Criticism of the policies of the Fatimid caliphs and a number of theological issues by the prominent representative of the Hanbali religious and legal school Ibn Taymiyyah (1263-1328) is part of his relentless struggle against dangerous innovations in Islam. This study discusses the appointment of Armenian viziers by the Fatimid caliphs, the construction of shrines and their worship, the infallibility of the caliphs, and the attribution of divine nature.

Keywords: Ibn Taymiyya, Fatimid caliphate, innovations.

ПСИХОЛОГИЯ

DOI 10.24412/1829-0450-2025-3-191-211
УДК 159.992.62

Поступила: 30.06.2025г.
Сдана на рецензию: 17.06.2025г.
Подписана к печати: 17.10.2025г.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА С СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИЕЙ У ПОДРОСТКОВ*

А.С. Берберян, А.Г. Казарян

*Российско-Армянский (Славянский) университет
aspsy@inbox.ru, an.kazaryan2002@gmail.com*

ORCID¹: 0000-0003-0321-0161, ORCID²: 0009-0002-3956-552X

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается взаимосвязь между уровнем эмоционального интеллекта и социально-психологической адаптацией подростков. Эмоциональный интеллект, как способность понимать, регулировать и использовать эмоции, играет ключевую роль в формировании межличностных отношений и адаптации к окружающей среде. Проблемой социально-психологической адаптации занимались такие авторы, как Н.Н. Мельникова, А.К. Осницкий, П.С. Федорова, А.И. Жмыриков, А.В. Мудрик и др. Адаптация же, по мнению А.В. Мудрика, является устойчивой моделью поведения в конкретных условиях и обстановке.

Цель исследования – изучение взаимосвязи между уровнем эмоционального интеллекта и социально-психологической адаптацией

---

* Исследование выполнено при поддержке Комитета высшего образования и науки МОНКС РА (научный проект № 10-2/24SSAH-5A039).

подростков. В эмпирическом исследовании приняли участие подростки, которые мигрировали из Арцаха, и подростки из Республики Армении.

Методы исследования: теоретический анализ научной литературы, эмпирические методы, в частности, методика СПА Роджерса-Даймонда, опросник Люсина «Эмоциональный интеллект», тест-опросник «самоотношения» В.В. Столина, С.Р. Пантилеева.

Результаты эмпирического исследования выявляют уровни эмоционального интеллекта, социально-психологической адаптации и самоотношения, а также коэффициенты корреляций между ними, что является практической ценностью данного исследования.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, социально-психологическая адаптация, самоотношение, подростки.

Введение

Актуальность. Подростки Армении, особенно вынужденные переселенцы из Арцаха, сталкиваются с социальными и психологическими трудностями, обусловленными как возрастными особенностями, так и сложной политической и экономической ситуацией. Одним из видов миграции является вынужденная миграция, относящаяся по праву к экстремальным: личность пытается преодолеть сложные жизненные ситуации, в борьбе за процессы выживания. Вынужденные переселенцы, пройдя через травматические события, представляющие серьезную угрозу для психического и физического здоровья, находятся в состоянии сложных переживаний прошлого, настоящего и будущего и затруднений с процессом адаптации к окружающим принимающей стороны. Если естественная миграция – это процесс саморегулирования демографической, экономической и социальной подсистем общества, то ситуация, когда люди вынуждены покидать свою родину или место постоянного проживания из-за угрозы преследований и физического насилия, стихийных бедствий, носит экстремальный характер. Очевидно, что управлять этим процессом невозможно без уяснения глубинных причин, вызвавших взрывное, обвальное движение

миграционных потоков. Эти вызовы усиливают значение эмоционального интеллекта (ЭИ) как ключевого фактора успешной адаптации. ЭИ способствует устойчивости к стрессу, саморегуляции и эффективной коммуникации, снижая тревожность и улучшая социальные связи. Исследование взаимосвязи между ЭИ и адаптацией подростков позволит выявить особенности и препятствия этих процессов, а также разработать рекомендации для их улучшения.

Генеральная гипотеза

Предполагается, что существует связь между показателями эмоционального интеллекта и некоторыми шкалами социально-психологической адаптации у подростков.

Частные гипотезы:

- предполагаем, что существует связь между некоторыми шкалами социально-психологической адаптации и факторами самоотношения у подростков;
- предполагаем, что существует взаимосвязь между показателями эмоционального интеллекта и особенностями самоотношения у подростков;
- предполагаем, что существуют различия в социально-психологической адаптации у двух групп (подростки из РА и подростки-переселенцы);
- предполагаем, что существуют различия в эмоциональном интеллекте у двух групп (подростки из РА и подростки-переселенцы).

Цель исследования: изучение взаимосвязи между эмоциональным интеллектом и социально-психологической адаптацией у подростков – вынужденных переселенцев из Арцаха.

Методологическая база. Теоретические положения по эмоциональному интеллекту таких авторов, как В.В. Бойко, Д.В. Люсин, А.А. Реан, М.И. Еникеев, Н.Л. Иванова, Л.В. Кулешова и др.; теоретические положения по социально-психологической адаптации таких авторов, как И.Н. Андреева, А.Г. Ковалев, Ю.В. Давыдова, Н.Н. Мельникова, П.С. Федорова, А.В. Мудрик и др.

Методы исследования: теоретический анализ научной литературы, анкетирование, методы математической статистики и тестирование, в частности:

- опросник Люсина «Эмоциональный интеллект»;
- методика Роджерса – Даймонда «Социально-психологическая адаптация» (СПА);
- тест-опросник «Самоотношение» В.В. Столина, С.Р. Пантилеева.

Научная новизна нашего исследования заключается в выявлении показателя эмоционального интеллекта во взаимосвязи с социально-психологической адаптацией в условиях армянской реальности на данном этапе у подростков.

В рамках российской психологической традиции Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн и А.Н. Леонтьев пришли к мысли о неразрывности эмоционального и мыслительного начал. Выготский рассматривал аффективные и когнитивные процессы не как изолированные зоны, а как взаимопронизывающуюся смысловую систему, через которую происходит становление личности [1]. Рубинштейн развивал эту мысль, подчеркивая, что любое мышление органически включает в себя и рациональные, и эмоциональные компоненты [2], а Леонтьев обращал внимание на то, что эмоции выступают движущей силой познавательных актов и оказывают структурирующее влияние на поведение [3].

В зарубежной психологии предпосылки эмоционального интеллекта содержат теория множественных интеллектов Г. Гарднера, где выделены внутриличностный и межличностный интеллекты [4]. В 1990г. П. Сэловей и Дж. Мейер ввели само понятие эмоционального интеллекта (ЭИ) как способность точно распознавать, оценивать и выражать эмоции; использовать их для оптимизации мышления; понимать эмоциональные состояния и управлять ими для адаптации и личностного роста [5]. Они выделили четыре ветви ЭИ: восприятие эмоций, использование эмоций в мышлении, понимание эмоций и их регуляцию.

Д. Гоулман придал идее широчайшую популярность, предложив практическую схему из четырех компонентов – самосознания, саморегуляции, эмпатии и управления отношениями – и расписав их через 18

конкретных компетенций [6]. Развивая тему адаптации, Рувен Бар-Он описал эмоциональный интеллект как набор некогнитивных умений и представил диагностический инструмент EQ-i, охватывающий самопознание, межличностное взаимодействие, гибкость, стрессоустойчивость и общее настроение [7]. Далее Д.В. Люсин определил эмоциональный интеллект как способность распознавать, осмысливать и регулировать эмоциональные состояния – как собственные, так и других людей. Его модель исключает второстепенные личностные характеристики и фокусируется на ключевых аспектах эмоционального восприятия и управления, таких как осознание эмоций, их вербальное выражение, анализ причин, прогноз последствий и произвольное регулирование. Он подчеркивает, что ЭИ – это не только когнитивная способность, но и характеристика личности, тесно связанная с эмпатией и мотивацией к самопознанию [8].

В рамках нашей статьи необходимо также говорить о подростковом возрасте. Подростковый возраст – ключевой этап формирования личности, когда развиваются самосознание, самоопределение и чувство взрослости [9]. Этот период сопровождается внутренними конфликтами, стремлением к автономии и переоценкой отношений с окружающими. Ведущей «деятельностью» становится общение со сверстниками, формирующее самооценку и социальную активность. Отношения в группе регулируются неформальным кодексом – честностью, уважением и стремлением к прилежности.

По Д. Офферу, взросление может идти по трем траекториям: гармоничной, волнообразной или затрудненной, в зависимости от уровня конфликта и адаптивности. На это влияют социальная среда, стиль воспитания и темпы физического созревания (акселерация/ретардация) [10].

Эмоциональная сфера подростков отличается высокой интенсивностью: радость, тревога, скука и апатия переживаются особенно остро. Девочки чаще выражают чувства открыто, а мальчики – скрывают их [11]. Несмотря на нестабильность, подростки постепенно учатся регулировать эмоции, что формирует основу эмоционального интеллекта: способности понимать, контролировать и использовать эмоции в личностном и социальном развитии.

Переходя к проблеме социально-психологической адаптации, следует сказать, что адаптация представляет собой устойчивую модель поведения, соответствующую определенным условиям и обстоятельствам. Этот процесс одновременно является результатом и проявлением. Как проявление, адаптация отражает типичные реакции и поведение человека в окружающей среде, а также уровень его успешности в приспособлении для достижения комфортного состояния. По поведению человека можно судить о его уровне адаптированности к конкретным условиям.

Согласно А.В. Мудрику, адаптация представляет собой стабильную схему поведения, характерную для конкретных жизненных условий и обстановки. Этот процесс одновременно является как итогом, так и проявлением индивидуальных реакций в окружающей среде. Проявляясь в типичных моделях поведения и эмоциональных реакциях, адаптация демонстрирует, насколько успешно человек приспособился к среде для достижения комфортного состояния. Анализируя его поведение, можно оценить уровень приспособленности к текущим условиям [12].

Выделяют два типа социально-психологической адаптации: *прогрессивная*, ведущая к полной адаптации, и *регрессивная*, представляющая формальную адаптацию, не соответствующую интересам общества, развитию группы и самой личности [13].

А.И. Жмыриков отмечает, что социально-психологическая адаптация – это сложный процесс взаимодействия личности с социальной средой, организованный на нескольких уровнях и иерархически структурированный. Он направлен на достижение гармонии между целями и ценностями личности и общества, а также на раскрытие внутреннего потенциала человека в условиях его жизнедеятельности при сохранении благоприятного эмоционального состояния [14].

Выборка: в исследовании участвовали 70 подростков в возрасте от 10 до 18 лет из Республики Армения, 35 из которых является вынужденными переселенцами из Арцаха, проживающими в Армении от нескольких месяцев до 3 и более лет. Тестирование и анкетирование

были проведены на русском языке, респонденты хорошо владели данным языком.

Процедуры проведения эмпирического исследования:

- выбор и обоснование методик;
- проведение эмпирического исследования;
- анализ результатов исследования и их интерпретация.

Результаты эмпирического исследования

По результатам первой методики (опросник Люсина «Эмоциональный интеллект») мы можем заметить следующее (Рис. 1).

➤ Средний показатель межличностного ЭИ доминирует у местных подростков РА и составляет 41,3 балла, что, в свою очередь, соответствует среднему уровню по таблице нормативных показателей.

➤ Средний показатель внутриличностного ЭИ значительно доминирует у подростков-мигрантов, составляя 39,8 баллов. Данное количество баллов соответствует среднему значению по таблице нормативных показателей, в то время как показатель ВЭИ у местных подростков относится к низкому значению.

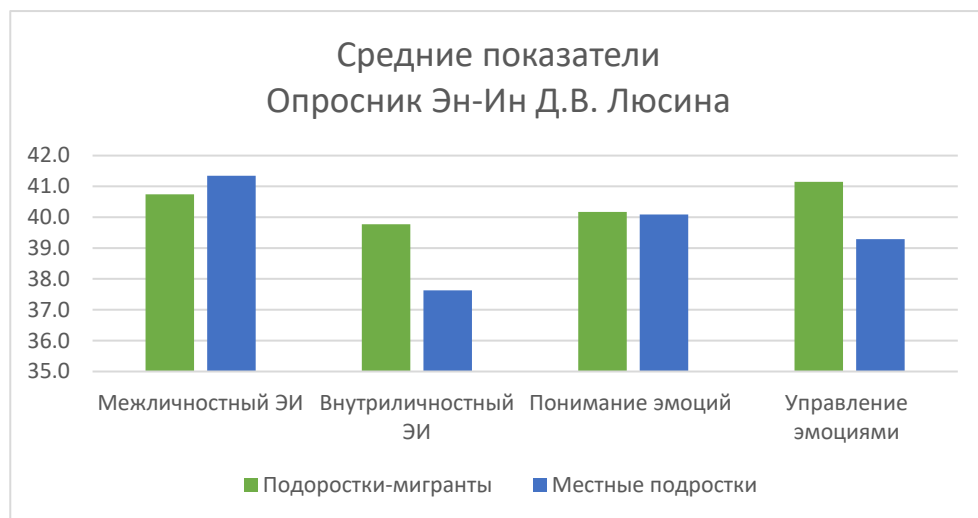

Рисунок 1. Средние показатели опросника Эн-Ин Д.В. Люсина.

➤ Средние показатели шкал «понимания эмоций» у обеих групп подростков соответствуют среднему значению по таблице нормативных показателей.

➤ Средний показатель шкалы «управление эмоциями» доминирует у подростков-мигрантов, соответствуя 41,1 баллу. Этот показатель по таблице норм принадлежит к среднему значению. По той же шкале показатель местных подростков находится на низком уровне.

Кроме того, мы рассмотрели общие средние показатели для всех респондентов. Было выявлено, что МЭИ доминирует над другими. Все средние показатели, кроме ВЭИ, относятся к среднему значению по таблице нормативных показателей. Общий показатель МЭИ является низким (Рис. 2).

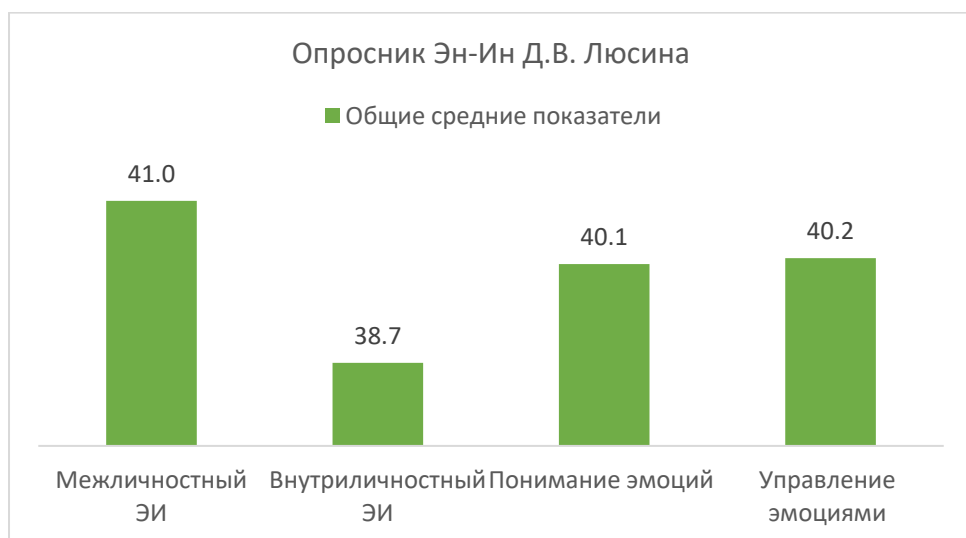

Рисунок 2. Общие средние показатели опросника Эн-Ин Д.В. Люсина.

Обобщая результаты первой методики (опросник Люсина «Эмоциональный интеллект»), можем сказать, что существуют различия в эмоциональном интеллекте у двух групп (подростки из РА и подростки-переселенцы), следовательно, наша четвертая частная гипотеза подтверждается.

По результатам второй методики (методика Роджерса-Даймонда «Социально-психологическая адаптация» (СПА)) мы можем заметить следующее (Рис.3):

➤ У подростков-мигрантов интегральный средний показатель адаптации (66 баллов) значительно доминирует над показателями местных подростков (51 балл). У этой группы также доминирует интегральный средний показатель интернальности (70 баллов – у респондентов 2-ой группы, у первой – 60 баллов).

➤ Рассматривая средние интегральные показатели местных подростков, мы можем заметить, что они значительно доминируют в шкалах «эмоциональный комфорт» (63 баллов у респондентов 1-ой группы, у второй – 47 баллов), «стремление к доминированию» (64 и 54).

➤ Интегральные средние показатели по шкале «самопринятие» не сильно отличаются (73 и 72 балла), что может свидетельствовать об отсутствии внутренних конфликтов у обеих групп.

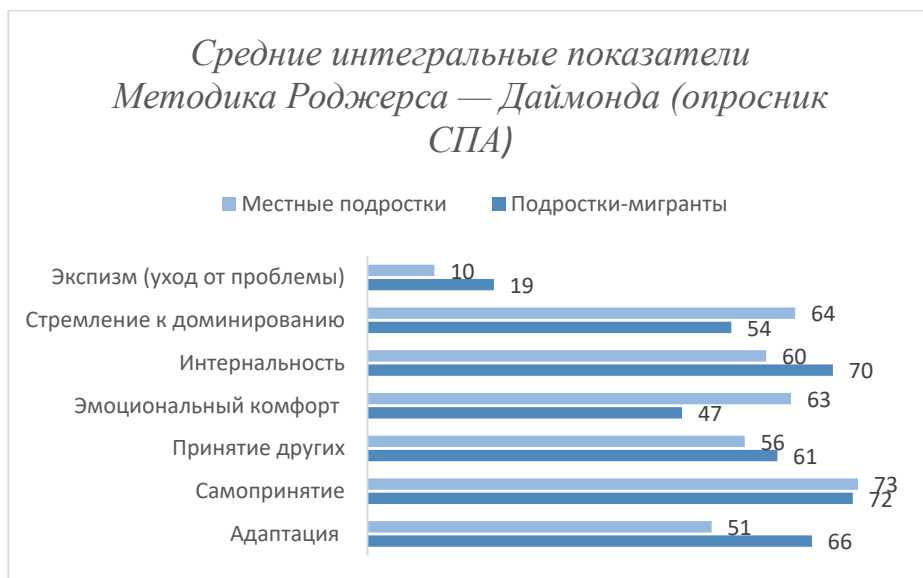

Рисунок 3. Результаты методики Роджерса-Даймонда (опросника СПА).

➤ Группа подростков-переселенцев больше склонна к принятию других, чем местные, хоть и различие между показателями не- сильное.

➤ Подростки-мигранты больше стараются уходить от пробле- мы (19 и 10).

Мы считаем, что подростки из Арцаха из-за прожитого стали бо- лее морально и психически сильными, а это в свою очередь стало при- чиной более легкой адаптации.

Обобщая результаты второй методики (методика Роджерса-Дай- монда «Социально-психологическая адаптация» (СПА)), можем ска- зать, что существуют различия в социально-психологической адапта- ции у двух групп (подростки из РА и подростки-переселенцы). Таким образом, наша третья частная гипотеза подтверждается.

По результатам 3-ей методики (Тест-опросник «Самоотношени- е» В.В. Столина, С. Р. Пантилеева), мы можем заметить следующее (Рис.4):

➤ по шкале «Интегральное чувство к собственному «я»» под- ростки-переселенцы имеют более высокие показатели, чем местные подростки, это может свидетельствовать о большей удовлетвореннос- ти собой;

➤ по шкале «Самоуважение» показатели у подростков-мигран- тов тоже доминируют, что в свою очередь может говорить о большем позитивном отношении к собственной личности;

➤ по шкале «Аутосимпатия» мы можем заметить, что различия между группами незначительны, это свидетельствует о схожем уровне принятия собственного «я» и симпатии к самому себе;

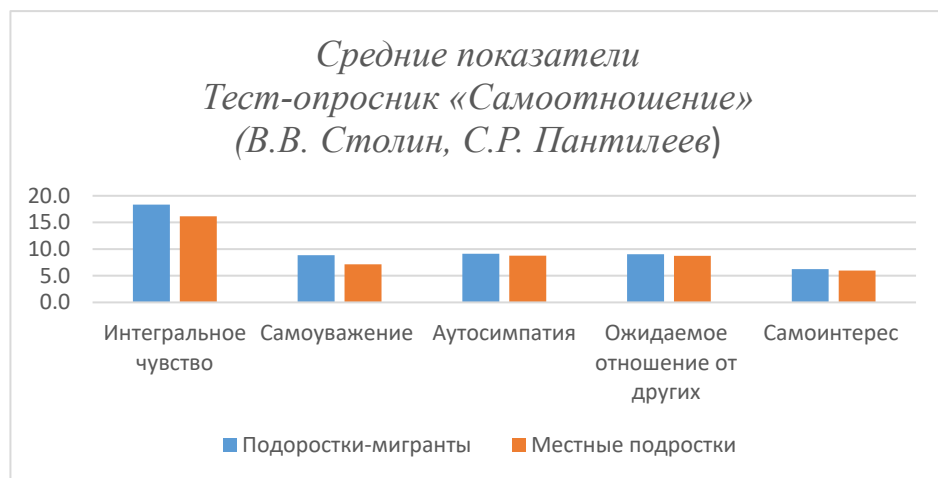
➤ по шкале «Ожидаемое отношение от других» показатели то- же почти равны между собой, что может говорить о похожих ожида- ниях от окружающих;

➤ по шкале «Самоинтерес» разница между группами подрост- ков минимальна. Это может означать, что обе группы одинаково отно- сятся к своим интересам.

У подростков-переселенцев сравнительно более высокие показа- тели в таких шкалах, как «интегральное чувство к собственному «я»»

и «самоуважение», что может быть связано с их особенностями адаптации и самовосприятия в новой среде. Однако в ряде аспектов (например, «аутосимпатия» и «самоинтерес») различия между группами незначительны.

*Рисунок 4. Результаты теста-опросника «Самоотношение»
(В.В. Столин, С.Р. Пантилеев).*

Кроме этого, мы посчитали средние значения накопленных частот для двух групп: местные подростки и подростки-переселенцы (Рис.5).

По шкале S (*интегральное чувство «за» или «против» собственного «Я»*) мы можем сказать, что подростки-переселенцы (75,6%) демонстрируют более позитивное отношение к собственному «Я» по сравнению с местными подростками (71,1%). Это может свидетельствовать о высокой внутренней устойчивости переселенцев, несмотря на сложные условия.

По шкале I (*самоуважение*) мы замечаем, что у подростков-переселенцев (63,6%) по сравнению с местными подростками (47,5%) уровень самоуважения значительно выше. Эти показатели могут быть механизмом психологической защиты, помогающим им справляться с нестабильной обстановкой и процессом адаптации.

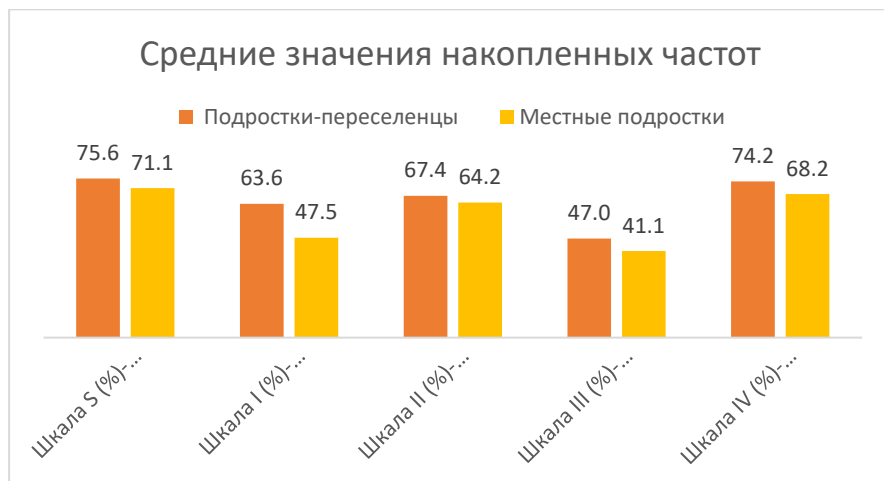

Рисунок 5. Средние значения накопленных частот теста-опросника «Самоотношение» (В.В. Столин, С.Р. Пантилеев).

Шкала II (*аутосимпатия*) показывает, что подростки-переселенцы имеют немного более высокие значения (67,4%) в сравнении с местными (64,2%). Это может говорить о чуть лучшем эмоциональном отношении подростков-мигрантов к себе.

По шкале III (*ожидаемое отношение от других*) мы можем заметить, что подростки-переселенцы (47,0%) оценивают ожидаемое отношение других выше, чем местные подростки (41,1%). Это может указывать на большую потребность переселенцев в поддержке или на более оптимистичное восприятие ими социальной среды.

По результатам шкалы IV (*самоинтерес*) мы замечаем, что подростки-переселенцы (74,2%) демонстрируют больший интерес к себе и своим потребностям по сравнению с местными подростками (68,2%). Это может быть связано с необходимостью самосохранения и мобилизации ресурсов в новых условиях.

Корреляционные анализы

В соответствии с генеральной гипотезой, для нахождения взаимосвязи между показателями эмоционального интеллекта и некоторы-

ми шкалами социально-психологической адаптации у подростков, мы провели корреляционный анализ между показателями методики Роджерса-Даймонда СПА и опросника Люсина «Эмоциональный интеллект». Была использована встроенная функция CORREL в EXCEL. Результаты корреляционного анализа показали:

- корреляционный индекс между шкалами «Эмоциональный комфорт» и «Понимание эмоций» равняется 0,30, что говорит о наличии слабой корреляционной связи;
- корреляционный индекс между шкалой «Эмоциональный комфорт» и показателем внутриличностного ЭИ составляет 0,20, что говорит о наличии чрезмерно-слабой положительной корреляционной связи;
- незначительная корреляционная связь наблюдается между «Эмоциональным комфортом» и управлением эмоциями (0,25);
- между «Стремлением к доминированию» и пониманием эмоций наблюдается чрезмерно-слабая отрицательная корреляция (-0,20).

Таким образом, наша генеральная гипотеза подтверждается (Табл. 1).

Таблица 1.

**Корреляционный анализ между показателями методики
Роджерса-Даймонда СПА и опросника Люсина
«Эмоциональный интеллект»**

	Межлич- ностный ЭИ	Внутри- личност- ный ЭИ	Понимание эмоций	Управление эмоциями
Адаптация	-0,10	-0,02	-0,1	-0,05
Самопринятие	-0,10	-0,03	0,02	0,06
Принятие других	-0,10	0,04	0,1	0,08

Эмоциональный комфорт	-0,10	0,20	0,30*	0,25*
Интернальность	-0,10	0,03	0,10	0,10
Стремление к доминированию	-0,10	-0,20	-0,10	-0,20
Экспизм (уход от проблемы)	-0,10	-0,03	-0,02	-0,04

Примечание: * $p < 0.05$; ** $p < 0.01$

В соответствии с первой частной гипотезой, для нахождения взаимосвязи между некоторыми шкалами социально-психологической адаптации и факторами самооотношения у подростков, мы провели корреляционный анализ между показателями методики Роджерса-Даймонда СПА и теста-опросника «Самоотношение» В.В. Столина и С.Р. Пантелеева. Была использована встроенная функция CORREL в EXCEL. Результаты корреляционного анализа показали, что между показателями шкал «Самоуважение» и «Адаптация» замечается чрезмерно-слабая положительная корреляционная связь (0,20). Аналогичная ситуация встречается между показателями шкал «Экспизм» и «Интегральное чувство к собственному «я»», «Ожидаемое отношение от других» и «Экспизм». Но так как корреляционная связь чрезмерно слабая во всех этих случаях, то наша первая частная гипотеза не подтверждается (Табл. 2).

В соответствии со второй частной гипотезой, для нахождения взаимосвязи между показателями эмоционального интеллекта и особенностями самооотношения у подростков, мы провели корреляционный анализ между показателями методики Люсина «Эмоциональный интеллект» и теста-опросника «Самоотношение» В.В. Столина и С.Р. Пантелеева. Была использована встроенная функция CORREL в EXCEL.

Таблица 2.

**Корреляционный анализ между показателями методики
Роджерса- Даймонда СПА и теста-опросника «Самоотношение»
В.В. Столина и С.Р. Пантилеева**

	Интег- ральное чувство	Самоува- жение	Аутосим- патия	Ожидае- мое отно- шение от других	Самоин- терес
Адаптация	-0,10	0,20	0,01	0,04	0,06
Самопринятие	-0,04	0,08	-0,08	-0,00	0,03
Принятие других	-0,10	0,01	-0,05	0,10	-0,10
Эмоциональ- ный комфорт	-0,08	0,10	0,01	0,20	0,09
Интерналь- ность	-0,07	0,02	0,03	-0,04	0,08
Стремление к доминирова- нию	-0,10	-0,10	-0,03	-0,10	-0,09
Экспизм (уход от проблемы)	0,20	0,08	0,10	-0,02	0,08

Примечание: * $p < 0.05$; ** $p < 0.01$

Результаты корреляционного анализа показали следующее.

- ✓ Корреляционный индекс между показателями шкал «Внутри-личностный ЭИ» и «Самоуважение» равняется 0,70, что свидетельствует о наличии высокой положительной корреляционной связи.
- ✓ Корреляционный индекс между показателями шкал «Самоуважение» и «Понимание эмоций» соответствует 0,60, что

гласит о наличии средней положительной корреляционной связи. Аналогичная же ситуация наблюдается между шкалами «Понимание эмоций» и «Аутосимпатия» (0,60); «Ожидаемое отношение от других» и «Понимание эмоций» (0,60); «Самоуважение» и «Управление эмоциями» (0,60).

- ✓ Корреляционный индекс между показателями шкал «Самоуважение» и «Межличностный ЭИ» равняется 0,40, что говорит о наличии слабой положительной корреляционной связи. Аналогичная ситуация же встречается между шкалами «Самоинтерес» и «Межличностный ЭИ» (0,40); «Ожидаемое отношение от других» и «Внутриличностный ЭИ» (0,40); «Самоинтерес» и «Понимание эмоций» (0,40).
- ✓ Корреляционный индекс между показателями шкал «Интегральное чувство к собственному “Я”» и «Внутриличностный ЭИ» равняется 0,30, что свидетельствует о наличии положительной слабой корреляционной связи между ними. Такая же ситуация наблюдается между шкалами «Интегральное чувство к собственному “Я”» и «Понимание эмоций» (0,30); «Интегральное чувство к собственному “Я”» и «Управление эмоциями» (0,30); «Управление эмоциями» и «Ожидаемое отношение от других» (0,30); «Управление эмоциями» и «Самоинтерес» (0,30); «Аутосимпатия» и «Внутриличностный ЭИ» (0,30).
- ✓ Корреляционный индекс между остальными шкалами соответствует 0,20, что говорит о наличии чрезмерно-слабой положительной корреляционной связи.

Таким образом, наша вторая частная гипотеза подтверждается (Табл.3).

Таблица 3.

**Корреляционный анализ между показателями опросника
Люсина «Эмоциональный интеллект» и теста-опросника
«Самоотношение» В.В. Столина и С.Р. Пантилеева**

	Межлич- ностный ЭИ	Внутрилич- ностный ЭИ	Понима- ние эмо- ций	Управле- ние эмо- циями
Интегральное чувство	0,20	0,30*	0,30*	0,30*
Самоуваже- ние	0,40*	0,70**	0,60**	0,60**
Аутосимпатия	0,20	0,30*	0,60**	0,20
Ожидаемое отношение от других	0,20	0,40*	0,60**	0,30*
Самоинтерес	0,40*	0,20	0,40*	0,30*

Примечание: * $p < 0.05$; ** $p < 0.01$.

Выводы

1. Теоретический анализ показал, что эмоциональный интеллект (ЭИ) и социально-психологическая адаптация (СПА) играют ключевую роль в успешной адаптации подростков к различным жизненным условиям. Эмоциональный интеллект включает межличностные и внутриличностные аспекты, которые обеспечивают как управление собственными эмоциями, так и взаимодействие с окружающими. Социально-психологическая адаптация охватывает такие факторы, как интернальность, эмоциональный комфорт, самопринятие и принятие других, которые формируют общий уровень адаптации подростков. Самоотношение, выраженное через самоуважение, интегральное

чувство к собственному «Я» и аутосимпатию, рассматривается как важный механизм психологической устойчивости и успешной адаптации.

2. Эмпирическая часть исследования выявила существенные различия между подростками из местного населения и подростками-переселенцами. У местных подростков больше развиты межличностные аспекты ЭИ, тогда как подростки-мигранты демонстрируют преимущество во внутриличностном ЭИ и способности к управлению эмоциями. В сфере СПА подростки-мигранты показывают более высокие показатели адаптации и интернальности, но уступают местным подросткам в эмоциональном комфорте и стремлении к доминированию. Уровни самопринятия и принятия других оказались одинаково высокими у обеих групп. В то же время, подростки-мигранты имеют более высокие показатели самоуважения и интегрального чувства к своему «я», что, вероятно, выступает в качестве адаптационного механизма. Корреляционный анализ подтвердил связь между эмоциональным интеллектом и различными аспектами СПА, а также между внутриличностным ЭИ и самоуважением, что подчеркивает взаимосвязь ЭИ и самоотношения.

3. Обращаясь к гипотезам, можем сказать, что:

1) Наша генеральная гипотеза о том, что существует связь между показателями эмоционального интеллекта и некоторыми шкалами социально-психологической адаптации у подростков, подтвердилась. Корреляционный индекс между шкалами «Эмоциональный комфорт» и «Понимание эмоций» равняется 0,30, что говорит о наличии слабой корреляционной связи. Незначительная корреляционная связь наблюдается между «Эмоциональным комфортом» и управлением эмоциями (0,25).

2) Наша первая частная гипотеза о том, что существует связь между некоторыми шкалами социально-психологической адаптации и факторами самоотношения у подростков, не подтвердилась, так как выявленные корреляционные связи чрезмерно-слабые.

3) Наша вторая частная гипотеза о том, что существует взаимосвязь между показателями эмоционального интеллекта и особенностями самоотношения у подростков, подтвердилась. Корреляционный индекс между показателями шкал «Внутриличностный ЭИ» и

«Самоуважение» равняется 0,70, что свидетельствует о наличии высокой положительной корреляционной связи. Корреляционный индекс между показателями шкал «Самоуважение» и «Понимание эмоций» соответствует 0,60, что гласит о наличии средней положительной корреляционной связи. Аналогичная же ситуация наблюдается между шкалами «Понимание эмоций» и «Аутосимпатия» (0,60); «Ожидаемое отношение от других» и «Понимание эмоций» (0,60); «Самоуважение» и «Управление эмоциями» (0,60). Корреляционный индекс между показателями шкал «Самоуважение» и «Межличностный ЭИ» равняется 0,40, что говорит о наличии слабой положительной корреляционной связи. Аналогичная ситуация же встречается между шкалами «Самоинтерес» и «Межличностный ЭИ» (0,40); «Ожидаемое отношение от других» и «Внутриличностный ЭИ» (0,40); «Самоинтерес» и «Понимание эмоций» (0,40).

4) Наша четвертая гипотеза о том, что существуют различия в социально-психологической адаптации у двух групп (подростки из РА и подростки-переселенцы), подтвердилась.

5) Наша пятая гипотеза о том, что существуют различия в эмоциональном интеллекте у двух групп (подростки из РА и подростки-переселенцы), подтвердилась.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Выготский Л.С.* Психология мышления / Л.С. Выготский. М.: «Академия», 2005, 400с.
2. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. М.: «Просвещение», 2000. 560с.
3. *Леонтьев А.Н.* Потребности, мотивы и эмоции / А.Н. Леонтьев. М.: Изд-во МГУ, 1971. СС. 57–65.
4. *Гарднер Г.* Личностный интеллект / Г. Гарднер. М.: «МИР», 1998. 270с.
5. *Сэловей П., Мейер Дж.* Эмоциональный интеллект / П. Сэловей, Дж. Мейер. М.: «Речь», 2001. 250с.
6. *Гоулман Д.* Эмоциональный интеллект / Д. Гоулман. М.: «АСТ», 1995, 340 с.
7. *Бар-Он Р.* Эмоциональный интеллект / Р. Бар-Он. М.: Изд-во «Речь», 2001, 390с.

8. Люсин Д.В. Эмоциональный интеллект: Концепции и модели / Д.В. Люсин. М.: Изд-во МГУ, 2004. 200с.
9. Божович Л.И. Некоторые проблемы психологического развития подростков // «Вопросы психологии», № 4, 1965. СС. 112–125.
10. Оффер Д., Остерхайлен С. Возраст перехода: психологические аспекты подросткового периода (пер. с англ.) М.: «Педагогика», 1981, 272с.
11. Казанская В.Г. Психология возрастных кризисов. М.: Изд-во МГУ, 2001. 22 с.
12. Мудрик А.В. Адаптация: теория и практика / А.В. Мудрик. 3-е изд. СПб.: «Питер», 2019, 368с.
13. Крысько В.Г. Социальная психология: курс лекций / В.Г. Крысько. 3-е изд. М.: «Омега-Л», 2006, 352с.
14. Жмыриков А.И. Социально-психологическая адаптация: структура и динамика / А.И. Жмыриков. М.: «Наука», 2020, 240с.

REFERENCES

1. *Vygotsky L.* Psychology of thinking. M.: “Academy”, 2005, 400p. (In Russian).
2. *Rubinstein S.* Fundamentals of General psychology. M.: “Prosveshchenie”, 2000, 560p. (In Russian).
3. *Leontyev A.* Needs, motives, and emotions. M.: Moscow State University Press, 1971. PP. 57–65.
4. *Gardner G.* Personal intelligence. M.: “MIR”, 1998, 270p. (In Russian).
5. *Salovey P., Meyer J.* Emotional intelligence. M.: “Rech”, 2001, 250p. (In Russian).
6. *Goleman D.* Emotional intelligence. M.: “AST”, 1995, 340p. (In Russian).
7. *Bar-On R.* Emotional intelligence. M.: “Rech” Publishing House, 2001, 390p. (In Russian).
8. *Lyusin D.* Emotional intelligence: Concepts and models. M.: Moscow State University Publishing House, 2004, 200p. (In Russian).
9. *Bozhovich L.* Some problems of psychological development of adolescents // “Issues of psychology”, № 4, 1965. PP. 112–125.
10. *Offer D., Osterheilen S.* Age of transition: psychological aspects of adolescence. Transl. from English. M.: “Pedagogy”, 1981, 272p.
11. *Kazanskaya V.G.* Psychology of age crises. M.: Moscow State University Publishing House, 2001, 220p.
12. *Mudrik A.* Adaptation: theory and practice / A. Mudrik. 3rd ed. St. Petersburg: “Piter”, 2019, 368p.
13. *Krysko V.* Social psychology: lecture course / V. Krysko. 3rd ed. M.: “Omega-L”, 2006. 352p.

14. *Zhmyrikov A.I.* Social and psychological adaptation: structure and dynamics / A.I. Zhmyrikov. M.: "Nauka", 2020, 240p.

INTERRELATION BETWEEN EMOTIONAL INTELLIGENCE AND SOCIO-PSYCHOLOGICAL ADAPTATION IN ADOLESCENTS

A. Berberyan, A. Kazaryan

Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

This article examines the relationship between the level of emotional intelligence and the socio-psychological adaptation of adolescents. Emotional intelligence, as the ability to understand, regulate, and utilize emotions, plays a key role in shaping interpersonal relations and adapting to the environment. Issues of socio-psychological adaptation have been addressed by authors such as N. Melnikova, A. Osnitsky, P. Fedorova, A. Zhmyrikov, A. Mudrik, and so on. According to A. Mudrik, adaptation represents a stable pattern of behavior under specific conditions and circumstances.

The aim of the study is to explore the relationship between the level of emotional intelligence and the socio-psychological adaptation of adolescents.

The empirical study involved adolescents who migrated from Artsakh and adolescents from the Republic of Armenia.

Research methods: theoretical analysis of scientific literature, empirical methods, including the SPA methodology by Rogers-Diamond, the "Emotional Intelligence" methodology by Lyusin, and the "Self-Attitude" questionnaire by V. Stolin and S. Pantileev.

The results of the empirical study reveal levels of emotional intelligence, socio-psychological adaptation, and self-attitude, as well as correlation coefficients between them, which represent the practical significance of this study.

Keywords: emotional intelligence, socio-psychological adaptation, self-attitude, adolescents.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

DOI 10.24412/1829-0450-2025-3-212-232
УДК 81'42

Поступила: 03.07.2025г.
Сдана на рецензию: 10.07.2025г.
Подписана к печати: 27.09.2025г.

THE CONCEPT OF GENOCIDE AS USED IN MASS MEDIA PERTAINING TO THE NAGORNO-KARABAKH PROBLEM: A PRAGMA-COGNITIVE PERSPECTIVE

S. Gasparyan¹, N. Minasyan²

Yerevan State University¹

Russian-Armenian (Slavonic) University²

sedagasparyan@ysu.am, nana80578@rambler.ru

ORCID¹: 0000-0003-1170-4989, ORCID²: 0009-0005-2193-9353

ABSTRACT

In the paradigm of socio-political developments and dynamics of the modern world, socio-political communication mainly takes place in the domain of media discourse, elevating media to a state of heightened import. Moreover, today the media has become a platform for the realization of political discourse, so although media and politics are defined as separate disciplines, their integrated existence is an established fact. Analysts and journalists often elucidate 'top events' on the platforms of media, which shed light on the understanding of political processes and principles. One of these pressing issues is the problem of Nagorno-Karabakh, relevant not only to the Karabakh people themselves and the Armenian society as a whole, but also to the international community.

The present work is devoted to the study of the concept of “Genocide” in English-language media texts regarding the Nagorno-Karabakh problem as viewed from a pragma-cognitive standpoint. This approach makes it possible to decipher the cognitive aspect of “genocide-in-context” and thus to identify the kernel and the nexus of both language production and comprehension.

Keywords: Nagorno-Karabakh, blockade, genocide, concept, media, pragma-cognitive approach, addresser, addressee, production, comprehension.

Introduction: a brief geohistorical overview of Nagorno-Karabakh

Nagorno-Karabakh¹, a region located in the South Caucasus, has always been at the center of the regional interests of Russia, Iran and Turkey, and multiple blood-filled wars. It has also been a venue of geopolitical dissension between Russia and the West. The geopolitical implications of Nagorno-Karabakh, in the course of its history, resulted in the control of its territory by different powers, notably the Persian Empire (1748–1813) and Imperial Russia (1813–1822).

In 1921 the iniquitous decision of Stalin to place Nagorno-Karabakh under the administration of Soviet Azerbaijan, as a consequence, led to escalating conflicts and wars between the Azerbaijanis and the ethnic Armenians.

The Nagorno-Karabakh problem is regarded as controversial, and its media coverage, particularly the developments in Nagorno-Karabakh after 2020, is news-worthy and valuable to research. In this undertaking we have raised the following basic issues:

1. Why is the concept of “Genocide” repeatedly used in media in its reportage of the news in regard to Nagorno-Karabakh after 2020?
2. Is there a causal relationship between the tragic developments in Nagorno-Karabakh in 2020-2023 and the Armenian Genocide in 1915?
3. What intentional stances do the media analysts put forward?

---

¹ Nagorno-Karabakh, historically named Artsakh, has always been an integral part of historical Armenia. Cf. Nagorno-Karabagh: Legal Aspects.
URL: <https://www.mfa.am/filemanager/Statics/nk-eng-2015.pdf>

4. What should the publicly anticipated response be to the media coverage of the Nagorno-Karabakh problem?

A pragma-cognitive approach to mass media

It is an established fact that modern avenues of media are an integral part of human existence. Their role in performing the essential function of conveying information about events happening in the surrounding world cannot be overestimated. Due to the language means used in the media, every constituent of a society can be immersed in the vortex of events and relive those events at varying levels of perception.

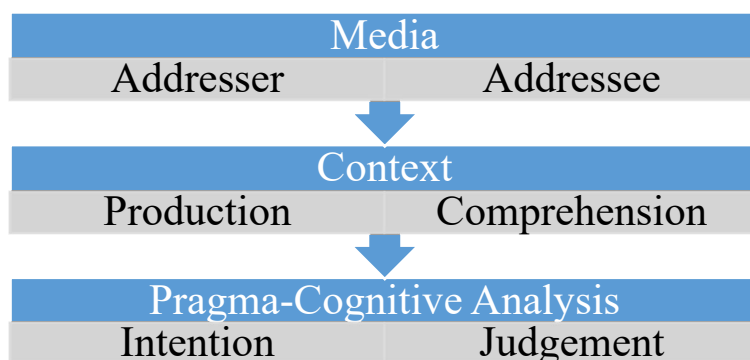
A media report is required to be objective. Nevertheless, journalists conflate their “truth”, which may be biased or unbiased, and the spectrum created by their reportage formulates the grounds of public sentiments. Different, complex messages, produced in social media, particularly those intertwined with political processes, should be designed with a genuine intent to satisfy the readers’ anticipation of truth, to display to them the veracity of the presented ideas and facts. However, it’s not that simple, for producing, reading and understanding media articles presupposes an availability of not only knowledge and skills but also accuracy.

The aim of the present research is to study the process, through which media producers contextualize their messages, i.e. the way they choose this or that frame to transmit their message. As analysts and journalists often aim at triggering a reader’s emotions, arousing their feelings and propagating this or that idea, thus shaping people’s thoughts and attitudes, the use of relevant vocabulary as well as different rhetorical devices is considered native to media texts.

Through the application of the pragmalinguistic method [1] we try to study a corpus of English-language media texts liable to infer the purport of the report and possible social repercussions and then, viewing the text from a cognitive-linguistic standpoint [2], we make an attempt to expose the strategy of using the concept of “Genocide” to bring out the mental correlative response between an author and a reader.

While pragmatics deals with the intentional choice of language means that make a deep impact on the recipient by evoking certain feelings, ideas and behavior [3], cognitive pragmatics, according to H. Schmid [4], focuses on the cognitive aspects of the construal of meaning-in-context. This pertains to both, language production and comprehension.

A media text reveals the author's perception of the world through explicit and implicit language means. Employed language elements, directly or indirectly, convey the addresser's intentions and conceptual information appealing to an emotional response from the readers, who react to the imparted information through the mechanisms of their emotive, evaluative and attitudinal comprehension.

Figure 1. Represents the main constituents of the pragma-cognitive analysis of media texts.

Thus, a mediatext is a multicomponent discourse process involving an addresser and an addressee. In the production process an addresser sets his/her intention whereas an addressee is to comprehend the content of the mediatext and form a judgement. Production process (pragmatic) consequentially interflows into comprehension process (cognitive), more importantly the cognitive process is not static, it activates multiple elements (language, context, etc.) in the media discourse, which eventually result in “spontaneous/automatic” and “directive” mindset stance.

The employment of continuous sampling strategy and consideration of more than 40 English-language media texts from 2019 to 2023 on the Nagorno-Karabakh problem from a pragma-cognitive viewpoint, help reveal a high frequency use of the concept of “Genocide” that cannot be regarded as random.

It is also important to note that construing the news on the Nagorno-Karabakh problem, the reporters equate the situation in Artsakh with the 1915 massacres and deportations of Armenians from Western Armenia.

We have made an attempt to categorize the considered media texts into pro Armenian, pro Azerbaijani and neutral, which show the value orientations of the addressers relating to the Nagorno-Karabakh problem. Pro Azerbaijani media journalists tend to blame the Armenians for the latest developments and current situation. They support the idea of the territorial integrity of Azerbaijan and deplore indirectly the unwillingness of the Armenian side to compromise. Pro Armenian analysts sustain the fact that Nagorno-Karabakh is a part of ancient Armenia that has always been inhabited by ethnic Armenians. They pinpoint the readers’ attention to the unjust and unwarranted resolution of the Soviet authorities in 1921 to integrate Nagorno-Karabakh into the Republic of Azerbaijan, transmitting historically documented information and highlighting people’s firsthand stories concerning the situation in the region. Neutral media texts present the authors’ impartial and objective attitude to the problem, thus giving the readers an opportunity to orientate themselves in the informational crisis of the given problem. The main idea of such texts invokes the self-conscience of the two peoples (the Armenians and the Azerbaijanis) and calls for concessions to restore relations between the countries.

Adhering to the opinion of G. Salomon [5] that there are no “raw” messages, which asserts that an idea once made into a communicable message is a coded idea, we have found reasons to believe that in this case, the concept of “Genocide” in the media texts on the Nagorno-Karabakh problem can be regarded as a coded idea to be deciphered by the recipient.

Our survey and analysis of the English-language media texts regarding the Nagorno-Karabakh problem, and the opportunity of categorizing them as pro Armenian, pro Azerbaijani and neutral [6], makes

it possible to reveal the addresser's and addressee's attitude towards the problem under examination.

The Concept of Genocide

The notion of 'concept' which, largely speaking, is an abstract idea derived from concrete instances, has been studied by different scholars in different disciplines, including philosophy [7], linguistics [8, 9, 10, 11, 12, 13], etc. In the framework of cognitive linguistics, J.R. Taylor [14] interprets it as a structured fragment of the language community's experience of perceiving the surrounding world symbolized through language units (see also [15, 16, 17, 18]).

Cognitive studies help reveal the correlation of linguistic phenomena and the accumulated human knowledge based on objective reality. According to V.A. Maslova [19], "a concept is a semantic unit that has linguo-cultural features and characterizes speakers of any chosen ethno-culture. While reflecting an ethnic mindset, a concept marks the ethnic language world image and serves as the so-called brick to build *the house of our being*".

Concept, as a basic unit of cognitive linguistics, deals with peoples' cognition, with what develops their mindset and closely connects their life experience and mental actions. Concept preserves information about reality and models a perception of the world. The concept of any given word is determined through its semantic and associative fields.

"Genocide" is an important component of the 20th century discourse [20], in particular of modern Armenian history and politics, for the Genocide inflicted upon the Armenian people at the beginning of the 20th century has become an inalienable part of its historical memory, generating serious material, psychological, moral, cultural and political damage, around two million physical victims, taking into account the chronology of the violent actions and massacres in Ottoman Turkey at the end of the 19th century. There is no surprise that the concept of "Genocide" evokes deeply painful sensations and is associated with the tragic fate of the Armenian people.

Collins English Dictionary [21] defines “Genocide” as “*the deliberate murder of a whole community or race*” and presents the list of synonymous words and expressions such as “*massacre, killing, murder, slaughter, holocaust, ethnic cleansing (euphemistic), carnage, extermination, mass murder, annihilation, pogrom, butchery, mass slaughter*”. Additionally, “*the crime of intentionally destroying part or all of a national, ethnic, racial, or religious group, by killing people or by other methods*” [22], according to the UN Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide, adopted by the General Assembly of the United Nations on 9 December 1948 and ratified in 1951, ‘Genocide’ means “any of the following acts committed with intent to destroy, in whole or in part, a national, ethnical, racial or religious group, as such: (a) Killing members of the group; (b) Causing serious bodily or mental harm to members of the group; (c) Deliberately inflicting on the group conditions of life calculated to bring about its physical destruction in whole or in part; (d) Imposing measures intended to prevent births within the group; (e) Forcibly transferring children of the group to another group” (UN Convention on the Prevention and ..., 1951).

For the present article, the following tome is of import: “The Armenian Genocide: A Linguocognitive Perspective” by S. Gasparian [23], which elucidates the concept of “Genocide” perspicuously. This research presents an analytical review of different interpretations of the Armenian Genocide from a linguo-cognitive standpoint that gives us a chance to study the textual mechanisms of expressing various attitudes towards the issue, and reveals the implicit intents of the authors, often meant to veil the pre-planned genocidal nature of the unconscionable events at the beginning of the 20th century in Western Armenia. The semantic field of the word “genocide” which, though equivalent to the Armenian term *yeghern*, and, however, a preferable choice in the field of politics and international law, covers such notions as: “*destruction of language, carnage, massacre, mass killing, victimization, forced deportation, annihilation of a race, ethnic cleansing, racial extermination, race murder, slaughter, destruction of religion*”. The application of these interpretations of the concept “Genocide” to the situation as practiced in Nagorno-Karabakh (Artsakh) for

centuries, fosters cognizance toward the perpetual Genocide of Armenians that, however unfathomable it may be, has stretched into the 21st century, the century of democracy, tolerance and mutual understanding.

A pragma-cognitive view of media coverage of the Nagorno-Karabakh problem (finding and evaluating)

In this part of the article, we intend to study English-language media texts pertaining to the Nagorno-Karabakh problem, texts that have been selected and analyzed from a pragma-cognitive standpoint. Our observations reveal the embodiment of the concept ‘Genocide’ in said media texts, which invites our attention to the necessity of critical scrutiny. One of the articles, entitled “Genocide Warning in Nagorno-Karabakh”, was issued on 18 September 2023, a day before yet another aggression of Azerbaijan was inflicted upon the peaceful population of Nagorno-Karabakh. The article serves as an alarm, warning of a preconceived attack, and as a denouncement of the mass killing of ethnic Armenians. Caroline Cox, the author of the article under study, mentions the menace articulated by Elchin Amirbayov, representing the Azerbaijani president: *“a genocide may happen in Nagorno-Karabakh if its leaders fail to submit to Azerbaijan’s demands”*. Is the word “Genocide” intentionally used in this context? The answer is a definite “Yes”, for the speaker is well aware that deeply set in the cognitive space of the Armenian mind, the use of the word “Genocide” generates anguish and bereavement. The repeated use of the word ‘Genocide’ in the Azerbaijani leaders’ speeches, as represented in the article under study, is meant to influence not only the consciousness of the Armenian population of Artsakh but the Armenian people at large. The excerpt is a conditional sentence in which the modal verb “may” expresses the possibility of mass killing as a consequence of defiance (*the Armenian leaders’ failure to submit to Azerbaijan’s demands*). Elchin Amirbayov’s intention is to exert psychological pressure on the Armenian people, to induce in them a panic, and to place the responsibility of the results of Azerbaijan’s threat of possible genocidal actions entirely on the Armenian side. Intentionally delivering his words as a warning, he displays his

anticipation of provoking the Armenian audience's positive response. He can guess that encircled by enemy forces in 2020, having lost the war and having Artsakh completely blockaded by Azerbaijan since December 12, 2022, Armenia is at a dead end.

Of great interest is Luis Moreno Ocampo's report (2023), in which he expresses his expert opinion as the former chief prosecutor of the International Criminal Court. The frequency of usage of the term "Genocide" in his speech is very high – 124 occurrences. The key point of it is in the title "Genocide against Armenians in 2023", with its focus on the concept of "Genocide". Hence, it is not by chance that numerous media actors have referred to his report, expounding upon his words of condemnation, themselves in turn using the term "Genocide" in reference to the 10-month blockade of Nagorno-Karabakh. The usage of the term in these media texts is specified by the semantic component of implementing other than killing methods for intentional collective destruction of part of a national group (Cambridge Dictionary, 2024; UN Convention, 1951).

The following excerpt is taken from the Guardian (The Guardian View on Nagorno-Karabakh: A Ceasefire is Needed, But It's not a Solution, 2023).

Luis Moreno Ocampo, the former chief prosecutor of the international criminal court, suggested it amounted to genocide through the "secret weapon" of starvation.

The concept of "Genocide" is disclosed by means of the conceptual metaphor "weapon of starvation". The word "weapon" is presented in Cambridge Dictionary (2024) as: "*an object used in fighting or war, such as a gun or a bomb, or something used against someone*", whereas the interpretation of "starvation" runs as follows: "*the state of having no food for a long period, often causing death*". The metaphor is used not only as a rhetorical or stylistic device, but also as a means of constructing and transmitting the significance of political events and processes. The metaphorical link of the source (weapon) and target (starvation) domains offers a full scope for understanding the situation in Artsakh. The adjective

“secret” (secret weapon) underlines Azerbaijan’s hidden policy of extermination enacted upon ethnic Armenians who have been living in the cradle of their ancestors for centuries.

The reasonable part of the international community for whom the genocidal tendencies of Azerbaijan are no longer shrouded in the veil of false democracy, for whom the Azerbaijani leaders’ hate discourse obviously provokes aggression and hostility, a real and consistent threat to Artsakh Armenians and Armenians in general, continue the discussion of these questions in mass media intensively. Nicholas Kristof (“Another Ethnic Cleansing Could Be Underway – and We’re Not Paying Attention”, 2023) discusses Ocampo’s core ideas in The New York Times, while inserting a range of emotive phrases (*genocide emergency, active genocide alert, the risk of genocide*) to support the evenhanded stance of well-known international organisations such as the Group Genocide Watch, the Lemkin Institute for Genocide Prevention, and the International Association of Genocide Scholars towards the Azerbaijani aggression. In these examples, the functioning of the words “*emergency*”, “*alert*”, “*risk*” in combination with the concept of “Genocide” notifies the audience of extreme danger.

Siobhan Nash-Marshall (“A Second Armenian Genocide”, 2020) draws a parallel between the Armenian Genocide in 1915 and the situation in Artsakh, labeling it as “A Second Armenian Genocide”. Peter Pinedo, citing the opinion of Siobhan Nash-Marshall, supports her idea in his article (“‘Destruction’ of Ethnic Armenians is Imminent”, 2023).

For those Armenians who choose to leave, they “will bear permanent scars akin to those of the descendants of genocide survivors”.

The sentence alludes to the aftermath of the Armenian Genocide, soundly reasoned by the idiom “to bear scars”, which is entered in the Cambridge Dictionary (2024) as: “*to still suffer emotional pain from something unpleasant that happened in the past*”. The collocation “*permanent scars*” means that the wounds have not been stitched up, as shown in the fact that the Genocide of 1915 has not been recognized and

condemned throughout the world. Moreover, the policy conducted in 1915 by Turkey is still being practiced, this time by its ally Azerbaijan.

Nathalie Tocci in her article (“Nagorno-Karabakh’s Tragedy Has Echoes of Europe’s Dark Past. But a Remedy Lies in Europe Too”, 2023) writes:

Furthermore, hatred between Armenians and Azerbaijanis runs deep, far deeper than that between Georgians and Abkhazians or Ossetians, or Moldovans and Transnistrians. While distinct from their relationship with Azerbaijan, this hatred is tied to the even deeper wounds surrounding the 1915 Armenian genocide, unrecognized by Turkey, which has welcomed Azerbaijan’s move in the enclave. While incomparable in violence and magnitude, the exodus of Karabakh Armenians from Turkic-Azerbaijan will probably end up being woven into a larger and older story of Armenian victimhood and dispossession. Far from healing, Armenian wounds are bleeding again.

The conceptual meaning of the word “Genocide” in the above fragment is revealed through the evaluative meaning of the constituent elements *hatred, wound, violence, exodus, victimhood, dispossession and bleeding* retracing the dark days of 1915 in parallel. Thus, in mass media as a linguistic and social phenomenon, reporters deliver news through explicit and implicit means, trying to construct in the minds of the mass public a judgement concerning the political events. The pragmatic analysis of the above media texts regarding the Nagorno-Karabakh problem reveals the meaningful use of the concept of “Genocide”; being the central idea, it is ultimately directed to guide public consciousness. The above-adduced media material is positioned as pro Armenian and signals the impending possibility of the conduction of a premeditated felonious policy and a relapse into genocidal actions against the Armenian people.

The pro Azerbaijani assessment can be sifted out from some media texts, as for example from “Azerbaijan’s Lachin Road Conundrum” (2022). The author of the article argues that the Armenians juggle with the concept

of “Genocide” (*from the beginning of the conflict at the end of the 1980s, Armenia built a narrative around imminent genocide and ethnic cleansing*). He not only condones the blockade of Karabakh but explicates the orthopraxy of such a decision as well. He asserts commentaries on the illegal exploitation of natural resources by local Armenians in the Karabakh region of Azerbaijan and the equitable protest of Azerbaijani ecological activists who blocked the only road connecting Karabakh with Armenia and the outside world. He states that the road was used for the illegal transfer of military supplies and personnel. A consequential point of the article is as follows: *Experts who wish to spend some time considering this issue might discover that the conundrum around the Lachin road has deeper and wider implications, as well as a historical context.*

Lachin was the first region outside the former Nagorno-Karabakh autonomous oblast that Armenia occupied on May 18, 1992, in the course of the bloody conflict with Azerbaijan. Armenian nationalists, who launched the irredentist project to unite Azerbaijan’s Karabakh autonomy with Armenia under the slogan of miatsum (unification) in 1987–1988, regarded establishing this road connection as a vital strategic goal. Thus, Lachin became the “miatsum road” that enabled military supply. In April 1993, Armenia attacked from two directions: Armenia proper and Karabakh, and another Azerbaijani region, Kelbajar, located between the former autonomy and Armenia.

As can be seen in the above sample, the author uses the word combination “*miatsum road*”, the concept (miatsum) which, coined in the late 1980s and early 1990s, stands for an Armenian idea and movement based on the principles of liberty and unification with motherland Armenia. In fact and effect, the author’s statements concerning ecology, weaponry transfer and so on are internally inconsistent with the main idea of the argument “*miatsum road*”. He exhorts political actors of the international community to decipher the conundrum and accept this reality that symbolically breaks the Armenian

national ideology carried out for 30 years. It is worth mentioning that the metaphoric potential of the word *conundrum* is realized in the title of the article, hinting at the hidden incentive of this political decision.

Some political media texts may seem neutral, as the authors attempt to review the latest events in Karabakh objectively, nevertheless the misuse of some lexical elements are bright examples of word abuse [24]. For example, the authors of the article entitled “Nagorno-Karabakh Tests the Biden Administration” (2023) not only discredit the genocidal policy conducted by Azerbaijan, but they also play on some words which testify to a hidden pro Azerbaijani stance. The following example shows the denial of genocide implicitly:

But Armenian diaspora groups are frustrated that the administration refuses to call the situation as a genocide, and leaders in the Armenian community argue the situation conforms with definitions in international law.

The following two passages from the same article demonstrate other obvious cases of word abuse, or otherwise stated a thoughtful and intentional displacement of political terms.

1. Two Biden administration officials are in Armenia today, as the U.S. struggles to defuse a worsening humanitarian crisis in Nagorno-Karabakh and prevent a genocide against the region’s Armenian population.

2. After Azerbaijan launched an “anti-terrorist operation” last week in the territory against Armenian separatists, thousands fled to Armenia, as our own GABRIEL GAVIN reported Saturday. Armenian officials are bracing for more refugees to arrive in the coming days.

In the above-adduced excerpts we are confronted with the words and word combinations *region’s Armenian population*, *anti-terrorist operation* and *separatist*. They are pure examples of language word abuse, tucked

inside euphemisms. Their counterparts may be regarded *indigenous Armenian population, war and liberator* if considered from neutral or pro Armenian standpoints.

We adhere to the opinion of V.A.Maslova [24], who believes that lexical manipulation is implemented by means of the easy change of subjective for objective and vice versa. She observes that politics, like poetry, relates to the register of figment and play, as it contains surreal features.

In another article entitled “What Cultural Genocide Looks Like for Armenians in Nagorno-Karabakh” (2023) another very important aspect of the concept ‘Genocide’ – culture is placed at the centre of attention. Words and expressions like *monuments, statues, a spectacular landscape of 16th-century Armenian tombstones, the Church of the Mother of God, the Cathedral of Ghazanchetsots in Shushi, the Armenian cupola, Christian Temple, cultural heritage, the archives, artifacts, the 13th-century monasteries of Dadivank and Gandzasar, medieval Armenian architecture, Armenian inscriptions, khachkars*, associated with the field of “culture”, characterize the Armenian ethnos and its religion. The implementation of the idea of Cultural Genocide, the unveiled criticism against the brutal devastation of the values of Christian culture, are embodied in the text by the following linguistic units: *was erased from the face of the earth by Azerbaijan, were completely scrubbed from the landscape using earthmoving equipment like bulldozers, was shelled and vandalized with graffiti, the brazenness of these actions, the annihilation of millennia of Armenian life in Artsakh, cultural erasure, to destroy, the destruction, from vandalism to complete effacement, a sinister way to remove, gouging, sandblasting, removing, dehumanizing, largescale looting and vandalization* that indicate the genocidal actions committed by Azerbaijan against the centuries-old specimens of Armenian civilization and world civilization at large.

While western journalists and politicians were sounding the alarm, employing the term “Cultural Genocide” as a powerful rhetorical tool, the Azerbaijanis put their vandalism into practice, thus stirring the historical memory of the readers and reminding them of the details of the erasure of

tens of thousands of UNESCO-protected ancient stone carvings in Nakhichevan and Western Armenia.

The article “Monumental Loss: Azerbaijan and the Worst Cultural Genocide of the 21st Century” published in 2019 sounds an appeal to the international community. The journalist believes that the analogous scenario of Nakhichevan is clearly repeated in Artsakh, and that since the Armenian cultural heritage is unique and invaluable, it cannot be left unprotected. A few more decades, and Azerbaijan will not hesitate to repeat its state-level denial of the well-known fact that Armenians have been the indigenous population in Artsakh and have always lived there. Hence, the erasure of all existent Armenian traces from the territory of Artsakh, the vandalization of Armenian tombstones, the distortion of the historical significance and function of Armenian sacraments and artifacts are actions of the longstanding genocidal policy of Azerbaijan.

Particular attention is focused on the term “ethnic cleansing” which appears concurrently in media texts on the Nagorno-Karabakh problem. The combination “ethnic cleansing” is explained as: *‘the organized, often violent attempt by a particular cultural or racial group to completely remove from a country or area all members of a different group’* (Cambridge Dictionary, 2024)². In the media text under study this term is used as a euphemism for the malicious crime brutally practiced against one hundred and twenty thousand people, including thirty thousand children. Multiple videos were uploaded to social platforms containing horrific scenes of violence including the torture of young Armenian soldiers, the humiliation and killing of civilians, aimed at undermining the morale of not only the ethnic Armenians of Artsakh but the Armenian nation as a whole.

Here are some examples from the media text “Death of the Armenian Dream in Nagorno-Karabakh was Predictable but not Inevitable” (2023):

---

² It should be mentioned, however, that Professor of Politics Alan Whitehorn believes that the use of the inherently pejorative concept of “ethnic cleansing”, relating to the targeted victim group, “incorporates a genocidaire’s language about ridding a polity/society of impure or diseased elements”. He thinks it wiser to substitute “ethnic cleansing” for phrases like “forced ethnic removal/displacement”, the employment of which will be “more suitable and less problematic” for “scholarly humanist analysis and prescription”. See [25].

1. *Rather, greater flexibility from both sides – and less demonization of the other – could have prevented the catastrophic collapse of Artsakh, as Armenians called their autonomous republic, and with it the effective ethnic cleansing of people from lands they had lived in for millennia.*
2. *This ethnic cleansing of Nagorno-Karabakh – first through hunger, then by force of arms – completed the Azerbaijani victory.*

The article these excerpts are taken from is rather neutral; in order not to sound exceptionally harsh the author uses the mild alternative of the concept “Genocide”, employing the political word combination “ethnic cleansing”. In the first example above, the political term is preceded by the adjective “effective” which potentiates the meaning of the euphemism “ethnic cleansing”. It indicates the fact that the analyst apperceives the severity of the situation. The second example is supported by naming methods of Genocide “*first through hunger*” and then “*by force of arms*”; thus, the author indirectly discloses extreme psychological abuse and physical annihilation through these expressions.

Sporadically conjoined usage of both of these terms – “genocide” and “ethnic cleansing” can be observed in other media texts as well. Generally speaking, ‘ethnic cleansing’ is one of the acts of genocide, but the concurrent functioning of two similar terms (or according to Whitehorn’s reasonable assessment, seemingly similar) (Whitehorn, Ibid.) in one sentence intensifies their meaning and significance as in: *Ethnic cleansing and genocide, along with forced assimilation, have historically been effective tools in the arsenal of nation-makers.*

Amos Chapple (“Church, Entire Village “Erased” from Azerbaijan’s Recaptured Nagorno-Karabakh”, 2024) alluding to recent facts from Nagorno-Karabakh, covers the erasure of the village Karintak and the church Kanach Zham in the winter of 2023-24, specifying the devastations in the pronouncements and proofs of analysts. Yet the author takes a neutral stance in designating the territory of Nagorno-Karabakh “internationally recognized as Azerbaijani land”. Implications of this can be seen in his use of the verbs “recapture” and “retake”, defined as “*to take something into*

your possession again, especially by force” and *‘to take something such as a place or position into your possession again, often by force, after losing possession of it’* accordingly (Cambridge Dictionary, 2024).

Picture 1. Images showing the village of Karintak before and after its erasure.

Unlike many journalists, the author eludes the concept of “Cultural Genocide”, using the words *to erase*, *to demolish*, *the destruction*, and so on instead. Examples of euphemistic periphrasis are as follows:

1. *Today that church, built by Armenians in the 19th century, no longer exists.*
2. *Two kilometers south of the erased church, satellite images released in April reveal that an entire village appears to have been razed to the ground.*

Conclusion

The pragma-cognitive analysis of the English-language media texts (from 2019 to 2023) pertaining to the Nagorno-Karabakh problem, shows the high-frequency usage of the concept “Genocide” which cannot be regarded as random. The Armenian Genocide is a national precedent phenomenon generating painful feelings; the aftermath of it is the concept of “victim”, which has intruded the mental space of not only Armenians,

but the international community as well. In this regard, the journalists and analysts, elucidating the news on the Nagorno-Karabakh problem, use this concept regarding the 1915 massacres and deportations as identical to the situation in Artsakh. Importantly, the concept was used before the war in Artsakh (2019). The high frequency of the concept of ‘Genocide’ throws out a delicate hint that the outcome of Nagorno-Karabakh was predictable.

In parallel, the euphemism “ethnic cleansing” is used in media texts, still of rarer occurrence than the concept of “Genocide”; this fact provides insights into the Nagorno-Karabakh problem, particularly the forced expatriation of the ethnic Armenians from Artsakh. The categorization of the media texts into pro Armenian, pro Azerbaijani and neutral shows the value orientations of the addressers relating to the Nagorno-Karabakh problem.

Pro Azerbaijani media journalists (13%) tend to charge the Armenians as responsible for the latest developments and the resultant ongoing situation. They support the idea of Azerbaijan’s territorial integrity and accuse, directly and indirectly, the Armenian side of an unwillingness to compromise.

Pro Armenian analysts (41%) sustain the fact that ethnic Armenians have always inhabited Nagorno-Karabakh, as it is a part of ancient Armenia. They pinpoint the readers’ attention on the unjust and unwarranted resolution of the Soviet authorities to integrate Nagorno-Karabakh into the Republic of Azerbaijan as an original prompt in the conflict. The authors transmit reasoned, reliable information and highlight verified firsthand stories concerning the region from its ancestral inhabitants.

Neutral media texts (46%) present the authors’ impartial and objective attitude to the problem, in an effort to provide the readers an opportunity to orientate themselves in the information space of the given crisis. The primary fulcrum of such texts invokes the consciences of the two peoples, calling for an ability to make concessions in an apparent hope for a restoration of relations between the two countries.

The approach used in this study can serve as a foundation for further research on the concept of Genocide in mass media, by including other geographic areas in which this serious problem has occurred. It may provide

a comprehensive understanding of the phenomenon and the employment of the concept in mass media, thus revealing the possible psychological influence of media stance on the perception of the mass audience.

REFERENCES

1. *Levinson S.* Pragmatics. Cambridge: “Cambridge University Press”, 1983.
2. *Evans V.* Cognitive Linguistics: A Complete Guide. “Edinburgh University Press”, 2019.
3. *Ninio A.* Pragmatic Development. New York: “Routledge”, 2018.
4. *Schmid H.* Cognitive Pragmatics. Germany: University of Munich, 2012. P. 5. URL: <https://www.researchgate.net/publication/316846158>
5. *Salomon G.* A Cognitive Approach to Media. Educational Technology. Vol.16, № 5, A Second Chance for Instructional Television? 1976. PP. 25–28, URL: <https://www.jstor.org/stable/44421606>
6. *Minasyan N.* The Integrative Model of Analysing Argumentative Political Discourse: Synopsis of Unpublished Doctoral Dissertation. Yer., Yerevan State University, 2018. 22p.
7. *Margolis E. & Laurence S.* Concepts. In *Zalta E. (Ed.)*. Stanford Encyclopedia of Philosophy. Stanford University, 2019. URL: <https://plato.stanford.edu/search/searcher.py?query=Concept+>
8. *Teliya V.* The Connotative Aspect of the Semantics of Nominative Items. M.: “Nauka”, 1986.
9. *Arutyunova N.* Types of Language Meanings: Evaluation. Event. Fact. M.: “Nauka”, 1988.
10. *Kubryakova E.* The Initial Stages of the Formation of Cognitivism: Linguistics, Psychology Cognitive Science // “Questions of Linguistics”, № 4, 1994. PP. 34–47.
11. *Wierzbicka A.* Language. Culture. Cognition. M.: Rus. Slov. Publ., 1996.
12. *Potebnya A.* Thought and Language. M., “Labyrinth”, 1999.
13. *Asoulin E.* Language as an Instrument of Thought. Glossa: a journal of general linguistics. Vol. 1, Issue 1, 2016. PP.1–23.
14. *Taylor J.* Cognitive Grammar. Oxford, New York: “Oxford University Press”, 2002. P. 43.
15. *Drost P.* The Crime of the State. Leyden: A.W. Styhoff, 1959.
16. *Kuper L.* Genocide: Its Political Use in the Twentieth Century. New York: “Penguin Books”, 1981.

17. *Charny I.* Toward a Generic Definition of Genocide. In G. A. Andreopoulos (Ed.), *Genocide: Conceptual and Historical Dimensions* (64-94). Philadelphia: "University of Pennsylvania Press", 1994.
18. *Boghossian P.* The Concept of Genocide. To appear in the *Journal of Genocide Research* NYU, 2010, URL: https://as.nyu.edu/content/dam/nyu-as/philosophy/documents/faculty-documents/boghossian/Boghossian_The-Concept-of-Genocide.pdf
19. *Maslova V.* *Cognitive Linguistics*. Minsk: "Tetra Sistems", 2004. P. 80.
20. *Whitehorn A.* Brief Global History of Genocide, Crimes against Humanity, and Human Rights. *The Armenian Weekly*, April 24, 2018, URL: <https://armenianweekly.com/2018/04/24/whitehorn-a-brief-global-history-of-genocide/>
21. *Collins English Dictionary*. Glasgow: "Harper Collins", 2023. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english>
22. *Cambridge Dictionary*. "Cambridge University Press & Assessment", 2024, URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english>
23. *Gasparyan S.* *The Armenian Genocide: A Linguocognitive Perspective*. Yerevan: "YSU Press", 2014.
24. *Maslova V.* *Political Discourse: Games or Word Abuse*, 2008. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskiy-diskurs-yazykovye-igry-ili-igry-v-slova>
25. *Whitehorn A.* Revisiting Genocide: A Brief Review Article, *Keghart*, February 19, 2025. URL: <https://keghart.org/whitehorn-revisiting-genocide> Language /

КОНЦЕПТ ГЕНОЦИДА В СМИ, ОСВЕЩАЮЩИХ ПРОБЛЕМУ НАГОРНОГО КАРАБАХА: ПРАГМА-КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД

С.К. Гаспарян¹, Н.С. Минасян²

*Ереванский государственный университет¹
Российско-Армянский (Славянский) университет²*

АННОТАЦИЯ

В условиях современных социально-политических процессов коммуникация все чаще осуществляется в пространстве медиадискурса, что придает средствам массовой информации особую значимость. Сегодня медиа не только отра-

жают, но и формируют политический дискурс, стирая границы между журналистикой и политикой. Аналитики и журналисты используют медиаплатформы для интерпретации и освещения ключевых событий, тем самым влияя на общественное восприятие политических событий и процессов. Одной из таких острых и актуальных тем, имеющих международное значение, является проблема Нагорного Карабаха, волнующая как народ Карабаха и армянское общество, так и мировое сообщество.

Данное исследование посвящено анализу концепта *геноцид* в англоязычных медиатекстах, касающихся проблемы Нагорного Карабаха в **прагма-когнитивной парадигме**. Такой подход позволяет выявить, как концепт когнитивно формируется и реализуется в контексте, раскрывая глубинные механизмы продуцирования и восприятия дискурса, связанных с понятием *геноцид*.

Ключевые слова: Нагорный Карабах, блокада, геноцид, концепт, медиа-дискурс, прагма-когнитивный подход, адресант, адресат, продуцирование, восприятие.

DOI 10.24412/1829-0450-2025-3-233-253
УДК 8

Поступила: 07.03.2025г.
Сдана на рецензию: 11.03.2025г.
Подписана к печати: 17.07.2025г.

A COGNITIVE ANALYSIS OF BRITISH AND ARMENIAN FOLKTALE FORMULAS

L. Madatyan

*The Institute of Archaeology and Ethnography NAS RA
Russian-Armenian (Slavonic) University
madatyanlusine@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8824-527X*

ABSTRACT

This study examines folktale formulas in British and Armenian tales, employing comparative-historical, cognitive, contextual, and analytical methods. It focuses on how opening, intermediate, and closing formulas structure the narrative, ensuring coherence and guiding the listener's or reader's emotional engagement. In the study, these formulas are regarded as cognitive patterns that go beyond mere morphological elements of the folktale genre. Opening formulas function as narrative devices that transport the reader to a distant past, presenting a tale authenticity of which is left to the reader's interpretation. Intermediate formulas create a sense of uncertainty and serve as connectors between episodes. Closing formulas, in turn, serve as a transition that guides the reader back to reality from an imaginary time and space zone. Moreover, numerical indicators within formulas highlight the cultural and symbolic significance embedded in the narratives, offering insight into both universal storytelling elements and distinct cultural layers. The recurrence of these formulas across cultures suggests their deep-rooted cognitive and structural significance in oral storytelling traditions. By analyzing how these formulas function and vary between the two traditions, this study demonstrates that folktales across different cultures follow shared cognitive patterns in constructing meaning and engaging listeners and readers.

Keywords: cognitive patterns, folktale formulas, uncertainty, background knowledge, folktale, indefinite time.

Introduction

Folktales, as archetexts, are distinguished by several unique features. Among them are folktale formulas, which are integral to the genre and play an important morphological role. Folktale formulas are classified into three main groups: opening, intermediate, and closing, each distinguished by specific functions. According to S. Swanepoel, opening and closing formulas serve as markers that differentiate the folktale narrative from other genres [1]. Similarly, R. Finnegan argues that formulas act as special connectives in folktale texts, signaling the beginning and the end of a story. He also notes that opening and closing formulas function as boundaries for the narrative [2].

In this study, we focus on formulas as carriers of semantic layers of time and space. Opening formulas, in particular, represent the spatiotemporal aspect of the folktale's possible world. They are even referred to as "symbols of unreal world" [3]. Thus, the formula serves as a special chronotopic concept within the folktale genre, preparing the audience to immerse themselves in stories about the past, the reality of which often remains uncertain. Analyzing formulas in British and Armenian folktales can shed light on the linguistic perspectives and cognitive perceptions of time embedded in these narratives.

This study adopts the approaches of cognitive linguistics as its foundation, wherein the study of language is inseparable from the study of the mind and cognition. Research into the mind contributes to a deeper understanding of language [4]. As L. Janda argues, the explanation of linguistic phenomena should be sought from the perspective of general cognition [5]. Based on these cognitive linguistic approaches, this study considers folktale formulas as cognitive patterns. They are not merely linguistic units expressing dictionary meanings or simple structural elements of tales but are perceived through the interaction of fundamental cognitive knowledge and the meanings conveyed by linguistic expressions.

The folktales analyzed in this study were selected from well-established collections and archives. British tales were primarily drawn from classic compilations such as those by J. Jacobs, J. Campbell, and J. Riordan, chosen for their inclusion of both canonical and regional variants. Armenian folktales were sourced from the academic series “Armenian Folk Tales” published by the Academy of Sciences of the Armenian SSR, as well as fieldwork-based collections by G. Srvandztyants, G. Sherents, and others. The selected tales all contain clearly identifiable opening, intermediate, or closing formulas, ensuring comparability across both traditions.

The folktales analyzed in this study were selected from well-established collections and archives to ensure broad representation and comparative validity. British tales were primarily drawn from the classic compilations of J. Jacobs, J. Campbell, and J. Riordan, chosen for their inclusion of both canonical and regional variants. Armenian folktales were sourced from the academic series Armenian Folk Tales published by the Academy of Sciences of the Armenian SSR, as well as from fieldwork-based collections by folklorists such as G. Srvandztyants and G. Sherents. All the selected tales contain clearly identifiable opening, intermediate, or closing formulas, allowing for systematic analysis across both traditions.

Opening formulas

The very first emphasis on time in folktales is the opening formula, which, as W. Nicolaisen notes, primarily reflects “the time of the folktale world, but not the place” [6]. However, this perspective presents a slight contradiction in the context of our study, as it does not truly reflect the exact temporal characteristics of the folktale world.

The most common opening formulas in British folktales include *once upon a time*, *there was once*, and *at some time*. Similarly, in Armenian folktales: *լինում է, չի լինում, կար չկար* (*there is, there isn't*), *կար ժամանակով, մեկ օր* (*once upon a time*), along with numerous dialectal variations.

At first glance, these opening formulas seem to indicate the temporal framework of the folktale world. However, their primary function, in both traditions, is to detach the story from any specific or concrete temporal markers. Instead, they create a timeless and universal framework, inviting the audience into an abstract, mythical realm where the narrative can unfold beyond the constraints of real-world chronology.

From the above-mentioned formulas, we will analyze *once upon a time*, which is the most widespread opening formula in British folktales, and its Armenian counterpart: *լինում է, չի լինում* (*there is, there isn't*).

Once upon a time there was a young lady called Lady Mary, who had two brothers [7].

Ըլնումս չի բլնում մի մարդ, մի կնիկ: Դրանք էլ ունենում են օխոր սղջիկ [8].

There was, there wasn't a man and a woman. They had seven daughters.

The opening formulas in both examples serve as cognitive patterns, which convey the concept of indefinite time and intermediate elements to transfer the readers to an imaginary time and space zone. These formulas are designed to evoke a sense of distant and indeterminate time in the subconscious of the audience.

Despite their shared function, these formulas differ structurally. In Armenian folktales, the formula is expressed in the present simple tense and singular form. In contrast, the English formula *once upon a time* does not explicitly indicate grammatical number or tense. Instead, these aspects are conveyed through fixed word combinations that follow the opening formula, such as *there was/were* or *there lived*. These expressions fulfill the same role as *լինում է* (*there is*) in Armenian folktales [9]. The primary distinction lies in the fact that, in English, these expressions can appear in both singular and plural forms and are presented in the past tense. It should be noted that the Armenian opening formula, *լինում է, չի լինում*, consists of two parts: the first is affirmative (*լինում է*), and the second is negative (*չի լինում*). The affirmative part creates a sense of reality, while the

negative part neutralizes this perception, suggesting from the very beginning that the following story may not correspond to reality. Interestingly, American-Armenian folktale compiler S. Hougasian-Villa preserved a literal translation of this distinctive Armenian opening formula in the Armenian folktale series collected and published in the United States.

*At one time, **there was and there was not, there were** a man, his two sons and his second wife [10].*

Hougasian-Villa not only retained the unique structure of the Armenian formula but also emphasized the spatiotemporal unreality and uncertainty of the fairy tale by using the plural auxiliary verb **were** with the singular noun **a man** (there were a man). Similarly, the use of the singular personal pronoun **I** with the auxiliary verb **were** in English indicates an unreal or hypothetical reality.

The opening formulas of both British and Armenian folktales clearly indicate that the events occurred in a distant past. However, they do not specify an exact time. Their primary function is to consciously and subconsciously create a sense of uncertainty while preparing the listener for a possible journey into an imaginary and magical world [11, 12]. Moreover, the ambiguity of these opening formulas serves as a deliberate narrative device that absolves the storyteller of responsibility for the truthfulness of the events being narrated. There is a group of opening formulas in British folktales where the repeated use of the word *time* creates an atmosphere of uncertainty around the events that follow. This can be illustrated through a passage from the folktale “*The Well at the End of the World*”:

***Once upon a time, and a very good time it was, though it wasn't in my time, nor in your time, nor anyone else's time, there was** a girl whose mother had died, and her father had married again [13].*

The opening formula mentioned consists of several affirmative and negative parts. It begins by stating that the event occurred in a wonderful

time but subsequently denies this, explaining that it did not happen during the time of the storyteller, the listener, or anyone else. The primary emphasis here is on denial, which creates a cognitive image of unreality and improbability. This formula serves as a cognitive pattern designed to immerse the listener in uncertainty, leaving them the choice to believe in the authenticity of the events.

A similar cognitive pattern can be observed in the Armenian folktale “*The Old Woman and the Poor Man*” recorded by G. Sherents.

Կէլնի, չ’էլնէ. կէլնի, չ’էլնէ. կէլնի, չ’էլնէ: Կէլնի, կէլնի մէկ պառաւ [14].

There is, there isn’t. there is, there isn’t. there is, there isn’t. There is, there is an elderly woman.

In the opening formula, the repetitive use of the affirmative and negative forms of the verb *to be* is an intentional narrative device. This repetition distracts the listener from any concrete belief about the time and place of the story events, likely reflecting the storyteller’s own uncertainty about the authenticity of the narrative. Moreover, the phrase *there is, there isn’t* repeated three times, creates a rhythmic pattern that builds anticipation.

In contrast, in the folktales recorded by G. Srvandztiants, an opening formula without a negative component is also common. Here is an example:

Կէր ու կէր, կէր ու կէր, մէկ խէր ու մէր, մէկ լաւ [15].

There was and there was, there was and there was, there was a father, a mother and a son.

The repetition of the formula constructed with the verb *to be* in the past tense and connected by the conjunction *ու* (and) pushes the narrative as far away as possible from the present. This prepares the listener to mentally transport themselves to distant and unfamiliar times. G. Sherents notes that folktales often begin with such repetitive opening formulas, and this repetition could continue until the storytellers are out of their breath [16]. However, such traditional openings are not characteristic of British folktales we have studied.

Another group of opening formulas, present in both British and Armenian folktales, involves the enumeration of absurd or nonsensical realities. In these formulas, the negative element is entirely absent. For instance, in the British folktale “Midland”:

Once upon a time- and a very good time it was when pigs were swine and dogs ate lime, and monkeys chewed tobacco, when houses were thatched with pancakes, streets paved with plum puddings, and roasted pigs ran up and down the streets with knives and forks on their backs crying, “Come and eat me!” [17].

The narrator uses figurative language to emphasize the unreal nature of the tale: *dogs ate lime, monkeys chewed tobacco, houses were thatched with pancakes*, and *streets were paved with plum puddings*. This formula, viewed as cognitive pattern and interpreted through our background knowledge, clearly describe impossible actions. The pattern conveys a sense of unreal time, framing the events that follow within an explicitly imaginary context. Thus, opening formulas of this type set a unique tone for the story and make it clear that such events have never happened.

Similar absurd beginnings, which we refer as *nonsense* formulas, also serve the function of attracting the listener’s attention. Notably, we also encounter a similar formula in Armenian folktales:

<i>Ժամանակն էն ժամանակն էր,</i>	<i>The time was that time,</i>
<i>Իսար (խարար) ժամանակն էր,</i>	<i>It was ruined time,</i>
<i>Փիսիկը փայլեան էր,</i>	<i>The cat was tightrope walker,</i>
<i>Ուղտը թալանչի էր,</i>	<i>The camel was a robber,</i>
<i>Աքրոր բաղաչի էր,</i>	<i>The rooster was a clown,</i>
<i>Մուկը ճանապարհ կտրող էր...</i>	<i>The mouse was a road-blocker...</i>
<i>Կար, չկար... [18]</i>	<i>There was, there wasn't...</i>

Generally, these formulas in English and Armenian are largely similar, with one key difference being the placement of the primary opening formula. In the British folktales, the unreal time is emphasized at the very

beginning, whereas in Armenian folktales, the unreality of the events is underscored at the end with the formula *lyur, zlyur* (*there was, there wasn't*).

Thus, despite the linguistic and cultural differences in the opening formulas of British and Armenian folktales, these formulas metaphorically emphasize the unreal and indefinite time of the narrative. They can therefore be regarded as cognitive patterns of uncertainty that enhance the listener's experience of the imaginary and magical world of the folktale.

Intermediate Formulas

It is a well-known fact that folk tale texts are characterized by the use of special formulas, not only at the beginning and the end of the tale but also throughout. These are known as intermediate formulas and serve the specific function of connecting episodes, events, and introducing new environments. The intermediate formulas in both British and Armenian folktales are not clear indicators of time. Similar to opening formulas, they serve as cognitive patterns for depicting the indefinite time of the story. Furthermore, they are devices characteristic of the folktale genre that avoid presenting factual information. Let us consider the following examples:

He took himself off on a day of days, and he reached the hill above the town from which he went away; but who should come to him but the Mischief [19].

Գնա՛ց, գնա՛ց, օրվա մեկը գնաց մե շենքի դեմ առաւ, մտաւ ներս, տեսաւ էրկու հստ ջահել, սիրուն ախշիկ, նստել իրանց համար քարզահ կէնեն [20].

He went and went and one day he came up to a building, entered and saw two young, beautiful girls, sitting and embroidering.

The intermediate formulas in the above passages are quite common in both British and Armenian folktales. In English, temporal uncertainty is indicated by the indefinite article *a* (*a day of days*), while in Armenian, the numeral *մեկ* (*one*) has the same function as the indefinite article. These

patterns create a sense of events taking place at indefinite time. The temporal intermediate formulas in the tales of both cultures are nearly identical structurally and semantically. They typically refer to some vague point in the past. This sense of the past is reinforced by the verb tenses used: the past indefinite (*reached, went*) in English, and the past perfect (*ղիւմ առաւ, մտաւ լեռն*) in Armenian.

Another intermediate formula commonly found in British folktales is *twenty nights and twenty days*. The following example illustrates this formula from Campbell's collection of folktales:

*Conal Croy was caught and bound with three slender ends, and tossed into the peat corner; and a wedding of **twenty nights and twenty days** was made for the young couple, there and then [21].*

In this episode, the wedding, which lasts *twenty nights and twenty days*, seems like an incredibly long event. This is an exaggerated representation of time, used to convey the protagonists' boundless happiness.

The following group of intermediate formulas clearly emphasizes the relationship between time and space. Let us consider this in the temporal intermediate formulas examples taken from British and Armenian folktales, which are conceptualized in spatial terms:

*They went on for **miles and miles**, all the time going **uphill**, through **lanes and narrow passages** [23].*

Մարէ տար, ձորէ ձոր, չորէ չոր անցաւ, տեղ չմնաց օր նոքի տակ չընար [23]:

Over mountains, through valleys, across deserts, he traveled, leaving no place untouched.

These examples illustrate how spatial terms function as metaphorical expressions of time. Based on cognitive linguistics, the repetition of *miles* in the English tale conveys the sense of a long passage of time. Similarly, in Armenian tale, repetition of place names and their enumeration indicate an extended passage of time.

We have also identified a group of temporal intermediate formulas that we encountered especially in Armenian folktales:

*Գեղնա գրնկնա ճամպա. շատ կերթա, քիչ կերթա, կը հասնի
էրգիր մէ [24]:*

He went far, he went near he found a city.

Here, the close interplay between time and space creates a magical atmosphere. The protagonist's journey is described with little attention to its duration, emphasizing the outcome rather than the process. The use of antonymous adverbs (*շատ*, *քիչ*) and repeated verbs creates a sense of uncertainty and unreality.

The next example is one of the most common structures in Armenian folktales. It seems to specify a clear time period, but upon closer analysis, it reveals an illusion of precision:

*Անց ա կենում մի օր, էրկու օր, իրեք օր, մալիսաւի `մի շաբաթ,
դրուստ որ էր տղի սասած օրը ընենց մի բութ բորան ա սնում...
[25]*

*A day passes, two days, three days, a week, and indeed, on the very
day pointed by the boy a severe snow storm began.*

Similarly, temporal uncertainty is expressed using the indefinite pronoun *մի քանի* (several), followed by the noun *վախտ* (time) and then a verb:

Մի քանի վախտից հետո մարդ ու կնիկ էկան տուն [26]:

After a while the husband and the wife came home.

A particularly noteworthy formula in Armenian folktales is *մէ ժուկ ու ժամանակ*. For instance:

*Մէ ժուկ ու ժամանակ էր թաքավորի ախշիկ մնաց էր թաքավորի
կուշտ [27]:*

For a while the king's daughter stayed with that king.

In this formula, *ժուկ* refers to a short time period, and when combined with *մէ* (one), it expresses approximate, indefinite time. While this formula may seem like an ordinary one, it holds deeper cultural and mythological significance. In Armenian mythology, *ժուկ ու ժամանակ* is personified as an old man who controls night and day using black and white skeins, symbolizing time's cyclical and dualistic nature [28, 29]. This layered meaning enriches the folkloric context in which the formula appears, marking time not just as narrative progression, but as a reflection of cultural cosmology.

In contrast, we could hardly encounter similar personifications of time in the British folktales that we have studied.

Thus, intermediate formulas in both British and Armenian folktales serve to create a sense of temporal and spatial uncertainty, reinforcing the magical and timeless nature of these narratives. While both traditions share commonalities, Armenian folktales uniquely incorporate mythological conceptions of time, adding a distinct cultural dimension to the genre.

Closing Formulas

The end of folktales is marked by closing formulas, which K. Estes describes as devices to immediately pull listeners out of the folktale world and bring them back to reality [30]. As we have already mentioned, the function of the opening formula in the narration of a folk tale is to announce the beginning of a transition to another world and another time zone. The closing formula is the announcement of the end of that zone, in other words, they are a means of returning from the unreal world to reality. Below are examples of closing formulas that are frequent in British and Armenian folktales:

*So, the highlander got the money and the three advices also; and with the money he stocked a farm and **lived comfortably till the end of his days** [31].*

*Ընդունց դէնք **ընչաք մեռնիկները** ապրեցին լավ ու բախտունիքը [32]:*

After that, they lived well and happily until the end of their days.

There is no time limit here. These formulas signal that it is time to return to the real time zone. In addition to the function of ending, the closing cognitive formulas create the same temporal uncertainty. How long the hero lived happily is left to the imagination and assumption of the listener. The study allows us to conclude that it is the closing formulas that make the proposition that the folktale is a world created in the imagination, with its own internal temporal flow.

Some closing formulas establish a connection between the timeframe of the tale and the present moment of the listener. Anyhow, an impression of indefinite time is created. This is achieved through cognitive patterns, which depend on the lack of a clear time point in the story.

*...and if they have not died since then, they are alive **to this very day** [33].*

*Նո՛ր թաւադաւն դաւ 'ի, գունճաւ ' , քե 'ֆ, ուրախուդոյն ' լն, որ, **ով զիտաւ, ընչաւնք հմի էլ չի պրծե** [34]:*

Again, the dap, the zurna, festivity, joy, who knows, maybe it has not finished until now.

Here, the use of demonstrative pronoun *this*, temporal noun *day*, and the adverb *now* creates a bridge between the folktale world and the listener's reality. However, given that folktales are passed down through generations and are consistently narrated using similar formulas, these expressions can also be seen as patterns reinforcing indefinite time.

Folktale formulas as cognitive patterns are considered to be integral structural elements of the genre highlighting the indefinite temporal framework of the narrative. They also underscore the close interrelation between time and space in these tales. A comparative study of British and Armenian folktale formulas, regardless the languages, reveals remarkable similarities, suggesting that both traditions employ analogous cognitive patterns. At their core, these patterns are rooted in the notions of unreal and indefinite time.

Here we consider it necessary to touch upon the semantic features of numerical indicators of formulas as they often appear in formulas associated

with time in folktales. These numbers frequently carry ritual significance or stem from religious concepts, particularly in European and Eurasian traditions. For instance, the numbers three and seven are prominently featured in both British and Armenian fairy tales. S. Buvala notes that the number three is associated with the concept of the Holy Trinity: Father, Son, and Holy Spirit. But he also gives another explanation, according to which the number three symbolizes the visit of the three wise men on the night of Jesus' birth, as well as the three days he spent in the tomb before his resurrection [35]. Moreover, according to Celtic numerology, three was considered the first magical number and symbolized completeness and unity. Below are examples of the number three from British and Armenian folktales:

*As soon as **three years** have passed, I will come to you that very night and ask you a question [36].*

Այնուհետև սկսեց դասնով պարսպելը, այնքան շանոսանք փոխփխեց մինչև օր երեք սնդուկն էլ լիքը լցվեց: Այդտեղ մնաց երեք ամիս [37]:

Then he began to practice with it, changing candlesticks until all three chests were filled. He stayed there for three months.

The number seven also carries deep symbolic and religious meaning. It represents the seven days of the week and the seven days of creation [38]. In Hebrew tradition, seven is seen as a powerful number, with God resting on the seventh day of creation [39]. In Celtic numerology, the number seven is synonymous with *many* [40]:

*They made a great rich wedding that lasted **seven days and seven years** [41].*

Յոթն օր, յոթը գիշեր հարսնիք արավ, էն հասավ իր մոլորագին, դուք էլ ձեր մոլորագին [42]:

For seven days and seven nights, the wedding celebration lasted, and they satisfied their desire. May you also satisfy your desire.

Interestingly, the number seven in both British and Armenian folktales is often associated with wedding celebrations. This indicates that some layers of culture, of course, have a universal nature. However, in British folktales, it is also possible to encounter the number twenty, which, according to some numerological interpretations, symbolizes the beginning of something new.

*And a wedding of **twenty days and twenty nights** was made for the young couple [43].*

The number forty frequently appears in Armenian folktales and is deeply tied to ritual significance:

***Քառասուն օր** թըմնալ, թագավոր հրաման էրալ օր. — Ես կէրթամ հարսնիք, ով օր գուգէ թող ինձի հետ զա ուրախութեան էն [44]:*

Forty days passed, the king ordered- I am going to the wedding. Whoever wishes, let them come with me to join that joy.

Not all numerical expressions of time in folktales can be considered reliable sources for historical or factual arguments. Rather, their usage reflects ancient beliefs and traditions. The study of numerical indicators highlights the cultural and symbolic significance embedded within these narratives, offering insight into shared universal elements and distinct cultural layers.

Conclusion

Folktale formulas, as integral components of the genre, encapsulate the abstract and mythical concept of time within narrative structure. Opening formulas invite the audience into an undefined, magical past; intermediate formulas maintain the timeless and episodic nature of the story; and closing formulas gently guide the listener back to the present, often with a resolution that transcends temporal boundaries.

When analyzed through the lens of cognitive linguistics, these formulas reveal themselves as more than stylistic features. They are cognitive patterns that reflect deeply rooted cultural and psychological conceptions of time. British and Armenian folktales, though culturally distinct, exhibit striking similarities in their use of formulas, affirming their universal narrative function. At the same time, subtle variations in imagery and structure illustrate the specific cultural and linguistic environments from which these tales emerge. In this way, folktale formulas serve as a bridge between linguistic expression and cognitive perception, offering insight into how the human mind constructs and navigates abstract temporal realities through storytelling.

This research contributes to folklore studies by identifying both structural and semantic parallels between British and Armenian folktale traditions, thereby revealing a shared cognitive foundation underlying narrative forms. Simultaneously, it advances the field of cognitive linguistics by illustrating how folktale formulas function as conceptual frameworks-tools through which language gives form to culturally shaped understandings of time, space, and reality. Ultimately, the study affirms that folktale formulas are not only narrative devices but deeply embedded cognitive structures that link language, thought, and collective imagination.

Acknowledgement. The research was conducted with the financial support of the National Association for Armenian Studies (NAASR) of the United States.

REFERENCES

1. Swanepoel S. Die Tswana Volksverhaal. Unpublished D. Litt et Phil. Dissertation, University of South Africa, 1982.
2. Finnegan R. Oral Literature in Africa. Oxford: "Clarendon Press", 1970.
3. Jivanyan A. "Three Apples Fell from the Sky". Fairy Tale as an Archetext. Yer.: "Zangak-97", 2008.
4. Lakoff G., Johnson M. *Philosophy in the Flesh; The Embodied Mind and its Challenge to Western Thought*. New York: "Basic Books", 1999.
5. Janda L. Cognitive linguistics in the year 2015//Cognitive Semantics, vol. 1(1), 2015. PP. 132–154. DOI:10.1163/23526416-00101005
6. Nicolaisen W. Once upon a Place, or Where is the World of the Folktale? //

- Sichtweisen der Volkskunde. Zur Geschichte und Forschungspraxis einer Disziplin, Albrecht Lehmann and Andreas Kuntz (Eds.). Berlin & Hamburg: Bietrich Reimer Verlag, 1988.
7. *Hartland E.* English fairy and other folk tales. Grey eBook, ebook edition. 2018. <https://www.globalgreybooks.com/english-fairy-and-other-folk-tales-ebook.html>
  8. Armenian Folk Tales, vol. 3, The Seven Girls [Yotn agh'jikner]. Yer.: Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1962.
  9. *Baloyan V.* Opening formulas in Armenian and British Folktales // "Voske Divan fairy tale journal", vol. 2. Yer., 2010. PP. 85–90.
  10. *Hoogasian-Villa S.* 100 Armenian Tales and Their Folkloristic Relevance. Detroit: "Wayne State University Press", 1966.
  11. *Bascom W.* The Forms of Folklore: Prose Narratives // "Journal of American Folklore", vol. 78, № 307, Berkeley. California: "American Folklore Society", 1965.
  12. *Melikyan G.* The Image of a Storyteller in Folklore and Literary Text. Yer., Hovhannes Tumanyan Museum, 2011.
  13. *Jacobs J.* English Fairy Tales, 1890. URL: <https://www.sacred-texts.com/neu/eng/eft/eft32.htm>
  14. *Sherents G.* Old Woman and Magpie [Parav ev andzegh]. Vana Saz, Collection of Vaspurakan Folk Songs, Fairy Tales, Proverbs and Riddles, Part One. Tbilisi, Hovhannes Martirosyantsi Printing House, 1885.
  15. *Srvantsdants G.* Dreamer [Yerazates], Hamov-hotov, Constantinople, G. Paghtatlian, 1884.
  16. Armenian Folk Tales, vol. 14. Yer., Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian RA, 1999.
  17. *Riordan J.* Midland, Folk-Tales of the British Isles. M., "Raduga", 1987.
  18. *Mkrtchyan H.* Folklore Archive of the Institute of Archaeology and Ethnography (HAIBA), The Beginning of the Fairy Tale, by Yervand Sekhleyan, Artik region, Panik village, Leninakan 1947, FFXI: 1721–1722.
  19. *Campbell J.* The Tale of the Soldier, Popular tales of the West Highlands, vol. II, 1890. URL: <https://www.sacred-texts.com/neu/celt/pt1/index.htm>
  20. Armenian Folk Tales, vol. 1, The Boy Who Doesn't Want to Die [Mah chuzogh tghan]. Yer., Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1959.
  21. *Campbell J.* The Tale of Conal Corvi, Popular tales of the West Highlands, vol. I, 1890. URL: <https://www.sacred-texts.com/neu/celt/pt1/index.htm>
  22. *Riordan J.* Folk-tales of the British Isles. M., "Raduga Publ.", 1987.
  23. Armenian Folk Tales, vol. 4, Ghul-Zada and Nur-gyozali [Ghul-Zada ev Nur-gyozali]. Yer., Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1959.

24. Armenian Folk Tales, vol. 10, The Tale of an Immortal [Adamordu hekiaty]. Yer., Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1963.
25. Armenian Folk Tales, vol. 2, Chutchi. Yer., Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1959.
26. Armenian Folk Tales, vol. 3, Sklil and Baklik [Sklik u Baklik]. Yer., Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1962.
27. Armenian Folk Tales, vol. 3, Lalazar. Yer., Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1962.
28. *Harutyunyan S.* Armenian Mythology. Yer., “Antares”, 2017.
29. *Abeghyan M.* Works [Yerker], vol. E. Yer., Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1975.
30. *Estés C.* Woman Who Run away with the Wolves. London: “Rider Books”, 1996.
31. *Ashliman D.* The Highlander Takes Three Advices from the English Farmer, Advice well taken, 2013–2025. URL: <https://sites.pitt.edu/~dash/type0910b.html> (accessed: 10.02.2025).
32. Armenian Folk Tales, vol. 3, The Seven Girls [Yot agh'jikner]. Yer., Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1962.
33. *Campbell J.* The Sea Maiden, Popular tales of the West Highlands, vol. I, 1890. URL: <https://www.sacred-texts.com/neu/celt/pt1/index.htm>
34. Armenian Folk Tales, vol. 2, The Angel of Death [Merli hekiaty]. Yer., Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1959.
35. *Buvala K.* Two Plus One is Greater than Three: The Presence of the Number 3 in Fairytales and Folklore. 2017. <http://storyteller.net/two-plus-one-is-greater-than-three-the-presence-of-the-number-3-in-fairytales-and-folklore/> (accessed: 20.11.2024).
36. *Campbell J.* The Sea Maiden, Popular tales of the West Highlands, vol. I, 1890. URL: <https://www.sacred-texts.com/neu/celt/pt1/index.htm>
37. Armenian Folk Tales, vol. 4, The Tale of Marjum Khoj [Majrum xoji hekiaty]. Yer., Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1963.
38. *Liabenow A.* The Significance of the Numbers Three, Four and Seven in Fairy Tales, Folklore, and Mythology. 2014. PP. 1–27. URL: <https://scholarworks.gvsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1409&context=honorsprojects>
39. *Hasel G.* The Origin of the Biblical Sabbath and the Historical-critical Method: A Methodological Test Case// “Journal of the Adventist Theological Society”, vol. 4 (1), 1993. PP. 17–46. URL: <https://digitalcommons.andrews.edu/jats/vol4/iss1/3>
40. *Ragan M.* Celtic Numerology. 2005: <https://naomh-na-tursan.livejournal.com/3782.html> (accessed: 10.10.2023).

41. *Campbell J.* The Brown Bear of the Green Glen, Popular tales of the West Highlands, vol. I, 1890. URL: <https://www.sacred-texts.com/neu/celt/pt1/index.htm>
42. Armenian Folk Tales, vol. 4, The Tale about Hunter Ahmed [Avji Ahmedi hekiaty]. Yer., Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1963.
43. *Campbell J.* The Tale of Conal Corvi, Popular tales of the West Highlands, vol. I, 1890. URL: <https://www.sacred-texts.com/neu/celt/pt1/index.htm>
44. Armenian Folk Tales, vol. 4, The Tale of King Bentad [Bentad tagavori hekiaty]. Yer., Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1963.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сванепол С.А.* Die Tswana Volksverhaal. Неопубликованное Д. лит. и фил. дисс., Университет Южной Африки, 1982.
2. *Финнеган Р.* Устная литература в Африке. Оксфорд: «Кларендон Пресс», 1970.
3. *Дживанян А.* «С неба упали три яблока»: сказка как архитект. Ер.: «Зангак-97», 2008.
4. *Лакофф Г., Джонсон М.* Философия во плоти; Воплощенный разум и его вызов западной мысли. Нью-Йорк: “Basic Books”, 1999.
5. *Джанда Л.* Когнитивная лингвистика в 2015 году // «Когнитивная семантика». Т. 1 (1), 2015. СС. 132–154. DOI:10.1163/23526416-00101005
6. *Николаизен В.* Однажды в одном месте, или Где находится мир сказки? “Sichtweisen der Volkskunde”. Об истории и исследовательской практике дисциплины, Альбрехт Леманн и Андреас Кунц (редакторы). Берлин, Гамбург: “Bietrich Reimer Verlag”, 1988.
7. *Хартленд Э.* Английские сказки и другие народные сказки. Grey eBook, эл. издание. 2018г.: <https://www.globalgreyebooks.com/english-fairy-and-other-folk-tales-ebook.html>
8. Армянские народные сказки, Семь девушек [Yotn agh’jikner]. Т. 3. Ер.: Изд-во АН Армянской ССР, 1962.
9. *Балоян В.* Начальные формулы в армянских и британских народных сказках // Сказочный журнал «Воске диван». Т. 2. Ер., 2010. СС. 85–90.
10. *Хугасян-Вилла С.* 100 армянских сказок и их фольклорная значимость. Детройт: “Wayne State University Press”, 1966.
11. *Баском В.* Формы фольклора: прозаические повествования // «Журнал американского фольклора», № 307. Т. 78. Беркли, Калифорния: «Американское фольклорное общество», 1965.

12. Меликян Г. Образ сказителя в фольклорном и литературном тексте. Ер., «Музей Ов.Туманяна», 2011.
13. Якобс Дж. Английские сказки, 1890. URL: <https://www.sacred-texts.com/neu/eng/eft/eft32.htm>
14. Шеренц Г. Вана Саз, Старуха и сорока [Parav ev andzegh]. Сборник васпураканских народных песен, сказок, пословиц и загадок, часть первая. Тбилиси, «Типография Ованеса Мартirosянци», 1885.
15. Сврацидианц Г. Мечтатель [Yerazates], Хамов-хотов. Константинополь, Г. Пагтатлян, 1884.
16. Армянские народные сказки. Т. 14. Ер.: Изд-во АН Армянской РА, 1999.
17. Риордан Дж. Мидленд. Народные сказки Британских островов. М.: «Радуга», 1987.
18. Мкртчян А. Архив фольклора Института археологии и этнографии (НАИВА), Начало сказания, Ерванд Сехлеян, Арктикский район, село Паник, Ленинанкан, 1947, FFXI: 1721–1722.
19. Кэмпбелл Дж. Рассказ о солдате, Популярные рассказы Западного нагорья. Т. II, 1890: <https://www.sacred-texts.com/neu/celt/pt1/index.htm>
20. Армянские народные сказки. Т. 1, Сказка о бессмертном [Адаморду хекиаты]. Ер.: Изд-во АН Армянской ССР, 1959.
21. Кэмпбелл Дж. Сказка о Конале Корви, Популярные рассказы Западного нагорья. Т. I, 1890: <https://www.sacred-texts.com/neu/celt/pt1/index.htm>
22. Риордан Дж. Черри из Зеннора. Народные сказки Британских островов. М.: «Радуга», 1987.
23. Армянские народные сказки. Т. 1, Ghul-Zada and Nur-gyozali [Ghul-Zada ev Nur-gyozali]. Ер.: Изд-во АН Армянской ССР, 1959.
24. Армянские народные сказки. Т. 10, Сказка о бессмертном [Адаморду хекиаты]. Ер.: Изд-во АН Армянской ССР, 1963.
25. Армянские народные сказки. Т. 2, Чутчи. Ер.: Изд-во АН Армянской ССР, 1959.
26. Армянские народные сказки. Т. 3, Склик и Баклик. Ер.: Изд-во АН Армянской ССР, 1962.
27. Армянские народные сказки. Т. 3, Лалазар. Ер.: Изд-во АН Армянской ССР, 1962.
28. Арутюнян С. Армянская мифология. Ер.: «Антарес», 2017.
29. Абемян М. Работы. Ер.: Изд-во АН Армянской ССР, 1975.
30. Эстес К.П. Женщина, убежавшая с волками. Лондон: “Rider Books”, 1996.

31. Эшлиман Д. Горец получает три совета от английского фермера, Советы приняты, 2013–2025: <https://sites.pitt.edu/~dash/type0910b.html> (доступ: 10.02.2025)
32. Армянские народные сказки. Т. 3, Семь девушек [Yot agh'jiknery]. Ер., Изд-во АН Армянской ССР, 1962.
33. Кэмпбелл Дж. Морская дева, Популярныe сказки Западного нагорья. Т. I, 1890. URL: <https://www.sacred-texts.com/neu/celt/pt1/index.htm>
34. Армянские народные сказки. Т. 2, Ангел смерти. Ер.: Изд-во АН Армянской ССР, 1959.
35. Бувала К. Два плюс один больше, чем три: присутствие числа 3 в сказках и фольклоре. 2017. <http://storyteller.net/two-plus-one-is-greater-than-three-the-presence-of-the-number-3-in-fairytales-and-folklore/> (дата доступа 20.11.2024).
36. Кэмпбелл Дж. Морская дева, Популярныe сказки Западного нагорья. Т. I, 1890. <https://www.sacred-texts.com/neu/celt/pt1/index.htm>
37. Армянские народные сказки. Т. 4, Сказка о Маджрум-ходже [Majrum xoji hekiaty]. Ер.: Изд-во АН Армянской ССР, 1963.
38. Лябенов А. Значение чисел три, четыре и семь в сказках, фольклоре и мифологии. 2014. СС. 1–27. URL: <https://scholarworks.gvsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1409&context=honorsprojects>
39. Хазел Г. Происхождение библейской субботы и историко-критический метод: методологический тестовый случай // «Журнал Адвентистского теологического общества», т. 4 (1), 1993. СС. 17–46. URL: <https://digitalcommons.andrews.edu/jats/vol4/iss1/3>
40. Раган М. Кельтская нумерология. 2005. <https://naomh-na-tursan.livejournal.com/3782.html> (дата обращения: 10.10.2023).
41. Кэмпбелл Дж. Бурый медведь из Зелёной долины, Популярныe сказки Западного нагорья. Т. I, 1890. URL: <https://www.sacred-texts.com/neu/celt/pt1/index.htm>
42. Армянские народные сказки. Т. 4, Сказка об охотнике Ахмеде [Avji Ahmedi hekiaty]. Ер.: Изд-во АН Армянской ССР, 1963.
43. Кэмпбелл Дж. Сказка о Конале Корви, The Tale of Conal Corvi, Популярныe рассказы Западного нагорья. Т. I, 1890.
44. Армянские народные сказки. Т. 4, Сказка о короле Бентаде [Bentad tagavori hekiaty]. Ер.: Изд-во АН Армянской ССР, 1963.

КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ БРИТАНСКИХ И АРМЯНСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК

Л.Г. Мадатян

*Институт археологии и этнографии НАН РА
Российско-Армянский (Славянский) университет*

АННОТАЦИЯ

В данной статье изучаются формулы в британских и армянских народных сказках с использованием сравнительно-исторических, когнитивных, контекстуальных и аналитических методов. Анализ фокусируется на функции начальных, промежуточных и заключительных формул, а также на их роли в формировании повествовательной логики и эмоционального резонанса. В исследовании эти формулы рассматриваются как когнитивные модели, которые выходят за рамки простых морфологических элементов жанра народной сказки. Начальные формулы функционируют как повествовательные устройства, которые переносят читателя в далекое прошлое, представляя историю, подлинность которой остается на усмотрение читателя. Промежуточные формулы создают чувство неопределенности и служат связующим звеном между эпизодами. Заключительные формулы, в свою очередь, служат переходом, который возвращает читателя к реальности из воображаемой временной и пространственной зоны. Более того, числовые показатели внутри формул подчеркивают культурное и символическое значение. Оно заложено в повествовании и предлагает понимание как универсальных элементов повествования, так и отдельных культурных слоев. Повторяемость этих формул в разных культурах предполагает их глубоко укоренившуюся когнитивную и структурную значимость в традициях устного повествования. Рассматривая их вариации и сходства, это исследование подчеркивает, как народные сказки создают общую структуру когнитивного восприятия в различных культурных контекстах.

Ключевые слова: когнитивные закономерности, сказочные формулы, неопределенность, фоновые знания, сказка, неопределенное время.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аветян А.А.	к.э.н., доцент Кафедры управления и бизнеса Российско-Армянского университета
Алексеева Н.С.	к.э.н., доцент Высшей школы производственного менеджмента Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого
Халиль М.	студент Высшей школы производственного менеджмента Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого
Гаспарян С.К.	д.филол.н., профессор Кафедры английской филологии Ереванского государственного университета, член-корреспондент Национальной академии наук Республики Армения
Минасян Н.С.	к.филол.н., доцент Кафедры теории языка и межкультурной коммуникации Российско-Армянского университета
Галстян А.Г.	к.э.н., доцент Кафедры экономики и финансов Российско-Армянского университета
Арутюнян А.М.	к.тех.н., доцент Кафедры электроэнергетики Национального политехнического университета Армении
Торосян К.К.	студент направления подготовки «Экономика» Российско-Армянского университета
Чплахян М.А.	преподаватель Института востоковедения Российско-Армянского университета
Тигранян С.Т.	преподаватель Института востоковедения Российско-Армянского университета
Восканян М.А.	д.э.н., доцент, заведующая Кафедрой экономики и финансов Российско-Армянского университета
Карамян И.А.	старший преподаватель Кафедры политологии им. К. Мирумяна Российско-Армянского университета
Казарян А.Г.	магистрант направления подготовки «Психология личности»

-
- Берберян А.С.** д.психол.н., профессор, заведующая Кафедрой психологии Российско-Армянского университета
- Петросян Г.А.** к.э.н., старший преподаватель Кафедра экономической теории и проблем экономики переходного периода Российско-Армянского университета
- Давтян В.С.** д.п.н., профессор Кафедры политологии им. К. Мирумяна Российско-Армянского университета
- Абрамян В.Г.** д.э.н., профессор Кафедры управления и бизнеса Российско-Армянского университета, профессор Кафедра управления и предпринимательства Ереванского государственного университета
- Арутюнян А.А.** соискатель направления «Менеджмент» Российско-Армянского университета
- Межлумян М.А.** аспирант Института археологии и этнографии НАН РА
- Хачатурян Н.Р.** к.и.н., научный сотрудник Институт археологии и этнографии НАН РА
- Мадатян Л.Г.** к.филол.н., старший преподаватель Кафедры теории языка и межкультурной коммуникации Российско-Армянского университета, научный сотрудник Института археологии и этнографии НАН РА
- Маслова С.В.** д.ю.н., доцент, Высшая школа менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета, директор по проектам ГЧП Евразийского банка развития
- Симонян Р.А.** старший преподаватель Кафедры экономики и финансов Российско-Армянского университета
- Степанян И.К.** старший преподаватель Кафедры экономики и финансов Российско-Армянского университета
- Агаджанян А.В.** к.э.н., доцент, заведующая Кафедрой туризма и сферы услуг Российско-Армянского университета

Главный редактор РНИ – М.Э. Авакян
Корректор – А.С. Есаян
Компьютерная верстка – А.Г. Антонян

Editor-in-Chief of the RNI – M.E. Avakyan
Proofreader – A.S. Yesayan
Computer layout – A.G. Antonyan

Адрес Редакции научных изданий
Российско-Армянского
университета:
0051, г. Ереван, ул. Овсена Эмина, 123
тел./факс: (+374 12) 77-57-75 (внутр. 8130)
e-mail maria.avakian@rau.am

Address of the Editorial Board of Scientific
Publications of the Russian-Armenian
University:
0051, Yerevan, st. Hovsep Emin, 123
tel./fax: (+374 12) 77-57-75 (ext. 8130)
e-mail: maria.avakian@rau.am

Заказ № 52
Подписано к печати 28.11.2025г.
Формат 70х100¹/₁₆. Бумага офсетная № 1.
Объем 16 усл. п.л. Тираж 100 экз.

Order No. 52
Signed for publication on 28.11.2025
Format 70x100¹/₁₆. Offset paper No. 1.
Volume 16 conv. p.l. Circulation 100 copies